

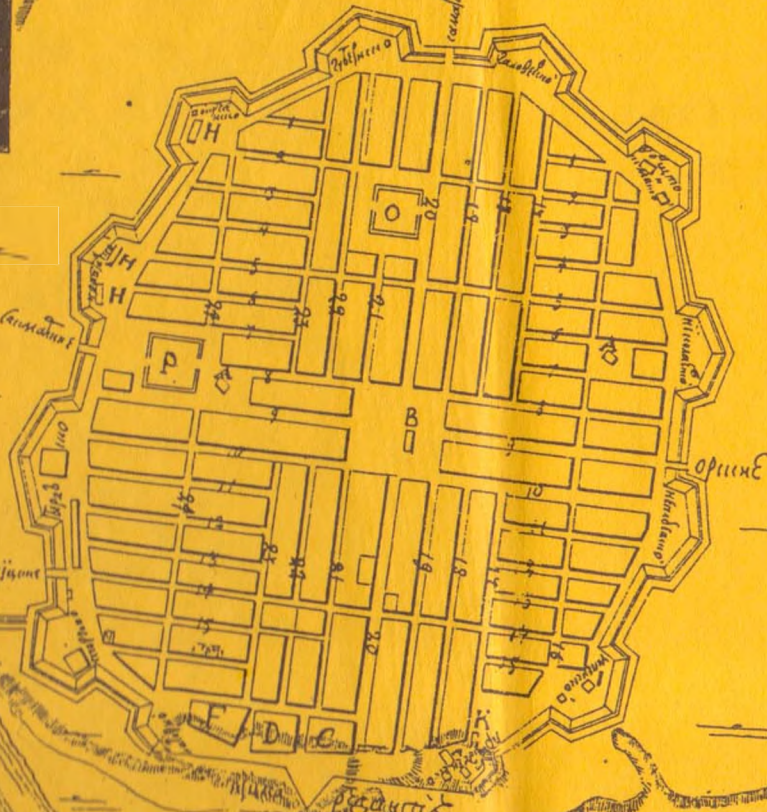
Жанузак Касымбаев

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ДЕЯТЕЛИ
КАЗАХСКИХ ХАНСТВ
(XVIII в.)

Горбъ города Оршанска

Планъ города оршанскаго

- Поманіе лѣтѣрѣ
- А лѣтѣрѣ шѣе потѣ лѣтѣрѣ (1710)
 - В лѣтѣрѣ шѣе
 - С дѣмъ 19 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Д лѣмъ 20 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Е лѣмъ 21 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ф лѣмъ 22 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Г лѣмъ 23 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - И лѣмъ 24 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - К лѣмъ 25 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Л лѣмъ 26 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - М лѣмъ 27 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Н лѣмъ 28 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - О лѣмъ 29 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Р лѣмъ 30 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - С лѣмъ 31 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Т лѣмъ 32 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - У лѣмъ 33 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ф лѣмъ 34 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Х лѣмъ 35 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ц лѣмъ 36 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ч лѣмъ 37 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ш лѣмъ 38 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Щ лѣмъ 39 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ъ лѣмъ 40 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ы лѣмъ 41 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ь лѣмъ 42 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Э лѣмъ 43 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Ю лѣмъ 44 мѣрѣ лѣтѣрѣ
 - Я лѣмъ 45 мѣрѣ лѣтѣрѣ

Горбъ Чашковской крепости

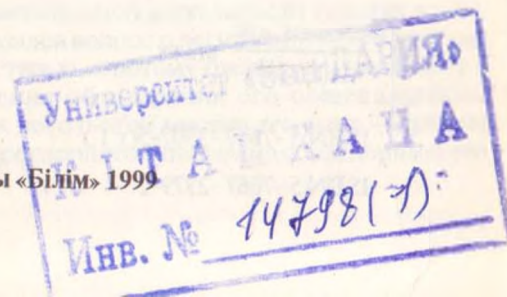

Мапа гора Оршанска

ЖАНУЗАК КАСЫМБАЕВ

*Государственные деятели
казахских ханств
(XVIII век)*

Алматы «Білім» 1999

ББК 63.3(2К)

*Выпущена по программе Министерства информации и
общественного согласия Республики Казахстан*

Рецензенты: доктор исторических наук *М.К.Абусеитова*, доктор исторических наук *К.Ш.Хафизова*, кандидат исторических наук *Е.Ж.Валиханов*.

Ответственный редактор – доктор исторических наук *М.Ж.Абдиров*

Касымбаев Ж.К.

К28 Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.)
Алматы: Білім, 1999. – 288 с.

ISBN 5-7667-2307-5(т.1)

Книга повествует о жизни и деятельности казахских ханов и видных султанов в период позднефеодальной эпохи, таких, как Абулхаир, Барак, Абылай, Нуралы, Ералы и др. Автор попытался выявить роль каждого из них в жизни казахских жузов. Настоящее издание подготовлено на основе архивных материалов Москвы, Барнаула, Новосибирска, Алматы, Омска, Оренбурга и т.д.

Публикуется для широкого круга читателей.

0503020905-035
К 412(05)-99 016-98

БК 63.3(2К)

ISBN 5-7667-2307-5(т.1.)

© Касымбаев Ж.К., 1999

ISBN 5-7667-2379-2

Посвящается светлой памяти казахских ханов и легендарных батыров, боровшихся за свободу и независимость Отечества

ОТ АВТОРА

Первоначальный замысел – зафиксировать исторические миниатюры в одной книге оказался нереальным ввиду значительного объема материалов о лицах, о которых мы намеревались рассказать.

Уже первые итоги опубликования отдельных глав в периодической печати привели к заключению – воздержаться от первоначального варианта и расширить круг известных личностей, по некоторым из которых благонамеренные читатели имели лишь поверхностное представление. И это подтолкнуло нас при выборе структуры остановиться на хронологическом принципе, то есть расположить имеющийся материал не по степени значимости этих лиц, а по времени их выхода на историческую арену.

В первый том очерковых размышлений вошли материалы о выдающихся деятелях, чьи заслуги в борьбе с иноземными врагами, особенно в “Годы великого бедствия”, в консолидации усилий трех жузов, в дипломатическом решении вопросов взаимоотношений с сопредельными странами, такими, как Россия, Джунгария, отчасти узбекские ханства, были неоспоримы. Это Абулхаир, Барак, Абылай, Нуралы, Ералы и др.

Более того, концентрируя свое видение в разработке жизненных этапов замечательных людей, мы четко представляли себе многосложность такого подхода, и впервые в отечественной исторической литературе предложили общественности историко-публицистическое исследование. При этом мы также предполагали, что явная разноречивость их деятельности на протяжении довольно длительного периода может ограничить нас лишь тем отрезком времени, который во многом предрешал их роль в истории Отечества XVIII в. К примеру, в отношении Абулхайра в контексте уяснения мотивов его противоборства с Оренбургским губернатором И.И. Неплюевым и защиты им устоев ханской государственности чрезвычайно интересными были последние годы жизни. В поистине разнообразной деятельности Абылая до сих пор дискуссионным казался вопрос о легитимности его ханских полномочий над всей степью, а потому очерк о нем включает в себя детальные сведения об избрании его общеказахским правителем и об итогах посольской миссии его сына – султана Тугума в Петербург, предпринятой по личному распоряжению Абылая.

Для султана Барака мы выбрали также 40-е годы XVIII в., когда его борьба с Абулхаиром за власть достигла своего апогея, и освещение сложных нюансов взаимоотношений хана с “вечным смутьяном”, с элементами психологического анализа ситуации, позволяет читателям уразуметь причины скорой гибели хана.

Имя хана Ермухамед Али, видного дипломата, многие читатели знают лишь понаслышке. Тем временем, незаслуженно забытая личность хана составляет предмет гордости казахов. Его изумительное умение находить спасительные выходы из тупиковых ситуаций во время напряженных переговоров, его последующая деятельность как одного из самых испытанных соратников Абулхаира склонили нас включить в книгу самостоятельный очерк о нем, завершив описанием его кратковременного правления Младшим жузом в 1792-1794 гг.

Таким образом, как мы видим, перед нами не галерея политических портретов. Мы осознанно отказались от такой традиционной формы подачи материалов, вычленив из их жизнедеятельности лишь те вехи политической биографии, которые для нас казались более значительными. Материалы же о казахских ханах Айшуаке, Шергазы, Жангире, султано-правителе Каратае Нуралиеве составят второй том обобщающего труда. Очерк о Кенесары хане планируется включить в третий, завершающий, том издания.

Основу исследования составили источники и документы, выявленные нами в фондах государственных архивов Оренбургской, Омской областей Российской Федерации, Алтайского края, архива внешней политики Российской империи при Министерстве иностранных дел РФ и др. К тому же, для полноты изложения очерков мы ввели фактологические данные, содержащиеся в трудах русских историков минувших веков, а также сведения, почерпнутые в процессе разработки темы из других видов источников, в частности, по возможности, из казахского фольклора.

Опираясь на эти сведения, а также, исходя из собственных концептуальных положений, мы попытались разработать первые в отечественной науке очерковые разделы, выделив для этого наиболее значительные события из жизни выдающихся предков, долгие годы умышленно отодвинутые на второй план.

Мы включили также в книгу раздел, касающийся этапа присоединения Казахских ханств к России, т.к. в отличие от последующих его периодов именно этот ознаменовался рядом сложных и противоречивых процессов, воссоздание подлинных событий которого требует беспристрастного анализа и осмысления разнородных документов, объективного подхода ко всему тому, что происходило в Великой степи на фоне общего обострения международных отношений в Центральной Азии.

“Своей мудростью знаменит.

Хан, чья власть крепка, как стена,

Он задумывался, как жить

В наступающие времена”

(Из поэмы “Абулхаир и Каналы”)

НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

(30–40-е годы XVIII в.)

“Путь во всю полуденную Азию отворить” (Петр I)

Конкретное освещение вопросов, отражающих историю присоединения Казахстана к России и в связи с этим возникновение и дальнейшее развитие военно-инженерных опорных пунктов в первой четверти XVIII в. — узловая проблема в изучении политических аспектов этого длительного, противоречивого процесса[1].

Неудивителен углубленный анализ факта взаимосвязанности казахско-русских хозяйственных контактов в первой четверти XVIII в. и побудительных мотивов создания крепостей на территории начинающих обособляться в то время трех казахских ханств. Детальный же анализ вопросов строительства военно-опорных баз различного назначения в условиях продолжающегося кровавого казахско-джунгарского противоборства позволяет нам с достаточной достоверностью проследить этапы осуществления подобных мер, раскрывающих факторы вступления казахских ханств в Российское подданство и заинтересованность России в активизации своей восточной политики в этот переломный период, когда военно-колониальным акциям была отведена преобладающая роль.

В начале XVIII в. с новой силой возобновились попытки царских властей и русского купечества по закреплению государственных рубежей на востоке, причем на первый план вышла линия по Иртышу на всем огромном расстоянии от г. Тары до верховьев реки.

Усиление колониального движения на восток, когда шел активный процесс расширения Яицкой линии, а Гурьевский городок обеспечивал охрану торгово-экономических интересов России в смежных с Казахстаном западных районах, способствовали

разнородные обстоятельства. Торговцы, члены дипломатических миссий, путешественники, искатели приключений, возвращаясь из среднеазиатских владений, Восточного Туркестана, Юго-Западной Сибири в сибирские и южно-уральские селения, приносили и распространяли порою гиперболизированные сведения "об азиатских странах", лежащих за Иртышом. Не последнюю роль в утверждении политики расширения движения на Восток играли получившие широкую огласку слухи о "золотых россыпях" г. Еркек (ныне г. Яркенд — Ж.К.).

Таким образом, необходимость удержания вновь приобретенных Россией владений, установление со странами Центральной Азии торговых взаимосвязей сочетались с возрастающими потребностями страны в природных ресурсах, особенно в золоте, стимулировавшими стремление Петербургского двора к овладению расположенных в стратегическом регионе земель, где в нередком противостоянии сталкивались далеко идущие интересы Джунгарского ханства, достигшего своего могущества в эти годы, и казахских ханств, раздираемых внутренними противоречиями в ущерб благой цели — консолидации сил трех жузов[2]. Все это определило интенсивный характер осуществления плана овладения территорией вверх по Иртышу еще при Петре I, искавшем кратчайший путь к далекой Индии и Китаю, и, как известно, испытывавшего острую нужду в финансовых источниках, так необходимых для своих грандиозных преобразований и, конечно, все это как-то обуславливалось затяжной войной России со Швецией.

Говоря о стремлениях русского царя к продвижению во внутренние районы малоизвестной Азии, не следует упускать из виду, что он, видимо, избегал нежелательных столкновений с первой колониальной державой — Англией из-за интересов, скажем, в сказочной Индии. Побудительные мотивы Петра I были обусловлены расширением восточных пределов Российской империи за счет поглощения, казалось бы, бескрайних просторов казахских ханств, в то же время имея в виду удовлетворение широких торгово-экономических интересов государства. Прав был П.И. Рычков, один из деятельных проводников восточной политики Петра I, отчетливо раскрывая стратегическую цель царизма и оправдывая цели военной колонизации Зауральской окраины, он писал: "... и так по победоносном и торжественном окончании Шведской войны, между прочим, изволил Петр Великий особое попечение иметь, ... чтобы вышеписанную безопасность ... основать, и чрез то героичным своим намерением путь во всю полуденную Азию отворить, а своевольный башкирский народ на вечное время обуздать..."[3]. Но речь шла не только об обуздании постоянно восставших башкир, но и о покорении казахских степей.

Однако активизировавшееся при Петре I продвижение русских военно-колонизационных отрядов в районе северо-восточного Казахстана натолкнулось на противодействие ойратов[4]; кое-где в приграничной полосе начались столкновения, участились взаимные претензии и обиды.

Особенно острый характер русско-ойратские отношения приняли в связи с авантюристскими планами первого Сибирского губернатора М.П. Гагарина, приложившего энергичные усилия к овладению г. Яркендом. Убеждая царя в необходимости на пути от Тобольска до Яркенда "построить русские крепости", первую на Иртыше, близ озера Ямышева и далее, другие же там, где "потребуются по ходу дела", губернатор, тем самым, предложил царю план строительства целой серии укрепленных линий на территории, которая России еще не принадлежала.

Обращаясь к царю со своим "проектом", князь явно недооценивал сложность международных отношений в регионе, особенно обострившихся в эти годы вследствие завоевательных планов соседней Джунгарии, вызвавших изменение политической обстановки в ущерб интересам казахских ханств; к тому же район, предназначенный для строительства военно-опорных баз, временно в силу военного преимущества контролировался ойратскими силами, вовсе не собиравшимися уступать своего влияния.

Получив донесение с указанием на возможность строительства крепостей, Петр I, находясь в Кронштадте с кораблями, готовившимися к морскому сражению со шведским флотом, 22 мая 1714 г. на галере "Святая Наталья" собственноручно подписал указ "О снаряжении экспедиции под начальством подполковника Ивана Дмитриевича Бухгольца для завладения тех мест, где имелось песочное золото"[5].

В указе Петра I Бухгольцу предписывалось "... для того ехать в Тобольск и взять там у помянутого губернатора 1500 военных людей и с ними идти в Ямыш озеро, ... делать город и пришел к такому месту, помянутых людей в той новостроенной крепости и около нее где возможно, так расставить на зимовье для того, чтобы на будущую весну, собравшись с теми людьми пойдете на Ямышев, к Еркекаю... также в некоторых местах, а именно при реках... делать редуты... и проведайте подлинно, каким образом и в которых местах по Дарье реке тамошние жители золото промышляют... сослать несколько человек из шведов, которые в минералах разумеют"[6]. Такой первоначальный основной вариант текста царского указа, неоднократно публиковавшегося в разных редакциях, которым, по сути, и было положено начало созданию Прииртышских линий, строительство которых продолжалось с 1714 по 1720 годы[7].

Людей для экспедиции набирали в Томске, Тюмени, Таре, а также в окрестных сибирских селениях. Организаторы отряда

немаловажное значение придавали боеспособности создаваемого отряда. По данным известного военного историка В.А. Андриевича, только орудий разных калибров было взято около 70 [8]. В составе экспедиции было много пленных шведских офицеров, а также русских торговцев, непосредственно заинтересованных в освоении нового пути на Восток.

Чтобы движение И.Д. Бухгольца по степи не вызывало опасений у ойратов, к контайше Цэван-Рабдану заблаговременно были отправлены специальные представители Сибирского губернатора — Василий Чередов и Тимофей Этигер с конкретными полномочиями разъяснить ему, чтобы он “от посланных царским величеством людей никакого опасения не имел” [9]. После завершения всех приготовлений военно-дипломатического характера в июле 1715 г. отряд И.Д. Бухгольца, имея в своем составе 2797 человек драгун, солдат, офицеров и мастеровых, выступил в поход [10].

1 октября 1715 г. экспедиция И.Д. Бухгольца, достигнув Ямышевского озера, вблизи которого издавна производилась меновая торговля между автохтонными жителями и сибирскими татарами, а также купцами Тобольска, Томска, заложила крепость, названную Ямышевской [11].

Цэван-Рабдан, получив известие о постройке крепости и намерении отряда продолжать свой поход далее, отправил своего двоюродного брата Цэрен-Дондуба с войском в 10 000 человек с целью воспрепятствовать как постройке крепости, так и занятию мест русской экспедицией [12].

Ойратский полководец, не добившись успехов от внезапного нападения, ошеломленный решительным противодействием И.Д. Бухгольца и убедившись в невозможности взять крепость длительной осадой, вынужден был вступить в переговоры. Упомянув в письме к начальнику русской экспедиции от 2 февраля 1716 г. о существовании между Россией и ойратским ханством более или менее терпимых отношений и обращая внимание ее защитников на отсутствие каких-либо прав строить в этом районе укрепления, командующий ойратскими силами предлагал И.Д. Бухгольцу удалиться, угрожая в противном случае принудить к тому “голодом и силою” [13].

Бухголец же, помнивший наказ Петра I и инструкции князя М.П. Гагарина быть твердым в достижении своих целей, выражая свою решимость не покидать укрепление, отвечал, что “... нарушать мира не намерен и крепость построил по повелению государя на такой земле, которая Джунгарии не принадлежала, угрозы же не боится, и при достаточных запасах, дождавшись помощи, посмотрит как будет Цэрен-Дондуб препятствовать воле государевой, советуя ойратскому полководцу отступить, считая

это единственным условием для сохранения мира [14]. Хотя письмо И.Д. Бухгольца было составлено в тоне уверенности и некоторой угрозы, положение осажденных оказалось тяжелым.

Еще в декабре 1715 г. И.Д. Бухголец послал Петру I донесение о положении и трудностях, с которыми он сталкивался. 4 февраля 1716 г. будучи в Копенгагене, царь отправил ему свой личный ответ, свидетельствовавший о значительном внимании, которое он придавал Казахстану, хотя в этот период, возможно, он не располагал достаточно достоверными сведениями о ситуации, складывавшейся на побережье Иртыша и в приграничных районах Джунгарии. Царь писал: “... письмо Ваше от декабря 26 дня до нас дошло, в котором пишете, что до Еркети идти за малолетствому небезопасно от контайшиных войск ... губернатору князю Гагарину при отпуске Вашем дано о том, о всем полный указ... ему велено нарочно для тех дел к Вам съездить... писали с корабля “Интермаланд” Копенгаген” [15].

Между тем, осада Ямышевской крепости ойратами продолжалась, а подкрепление, которое обещал царь через М.Гагарина, так и не успело прибыть. Положение усугублялось пленением ойратами караванов с продовольствием, деньгами недалеко от Ямышевской крепости, где кочевали и вели ожесточенную борьбу казахи Среднего жуза; однако последние никакого отношения к задержке каравана не имели. Более 450 человек оказалось в плену у ойратов, в т.ч. знаменитый Иоганн Густав Ренат — бывший сержант шведской артиллерии, угодивший в русский плен еще в 1709 г. при Полтаве, составивший впоследствии карту Джунгарии [16].

Потеряв из отряда большое число людей, а также 2200 лошадей из 2500 и, прозевав Тобольский караван, изнуренный, с распространившимися среди солдат болезнями, отряд Бухгольца, состоявший теперь из 700 человек, 28 апреля 1716 г. поплыл по Иртышу обратно [17].

Таким образом, предпринятый по личному указанию Петра I военный поход вглубь казахских степей, где разворачивались драматические события, окончился в целом неудачно, хотя он по своим целям и обстоятельствам явно отличался от почти полностью истребленного хивинского похода князя А.Бековича-Черкасского, жуткие последствия которого долгие годы лихорадили русское общество.

Теперь рассмотрим причины неудачи военных усилий царя в регионе (в контексте выявления упущений и последствий поверхностных знаний о политической ситуации), отличавшемся своеобразием международных отношений в Центральной Азии, которое придавало теперь характер более целеустремленных действий при подготовке последующих отрядов в Казахстан,

нежели отдельные попытки проникнуть в глубинные районы и дойти до Восточного Туркестана.

Экспедиция не достигла своей цели прежде всего вследствие дипломатических оплошностей сибирского администратора, не сумевшего убедить ойратских владельцев в отсутствии враждебных намерений в отношении этой страны. Более того, когда участниками похода во время жестоких перестрелок было убито несколько калмыцких воинов, между ними распространился нежелательный для России слух, что после окончания строительства Ямышевской крепости Бухголец «начнет воевать против людей Кунтайши» [18]. Благополучному завершению первоначальных замыслов помешало создание Петром I относительно будущих действий Бухгольца промежуточной инстанции в лице сибирского губернатора, что могло привести к положительным или печальным последствиям в зависимости от их взаимопонимания. Для правильного выяснения данного обстоятельства не следует упускать из виду факт принадлежности инициативы в организации экспедиции князю М. П. Гагарину, рассчитывавшему на выбор и назначение на пост начальника предполагаемого отряда своего представителя. Бухголец же, выбранный самим царем, вероятно, выглядел в глазах всемогущего хозяина обширной сибирской окраины «чужим человеком», что в некоторой степени внесло раздор во взаимоотношения двух доверенных лиц Петра I.

М. П. Гагарин урезал силы и средства Бухгольца до того, что последний не имел в довольно многочисленном отряде ни медика, ни аптеки, что остро ощущалось в период трехмесячной осады крепости ойратами. К тому же М. Гагарин вручил И. Бухгольцу свою собственную инструкцию, переписав все требования из приказа Петра I и добавив от себя «... ежели неприятель (ойраты — Ж. К.) не будет давать крепость, попрося помощи от бога, противиться (т. е. сражаться — Ж. К.) как можно всеми людьми» [19]; усилия Бухгольца не удалась ввиду отсутствия у начальника экспедиции желания установить прямые контакты с видными казахскими батырами, постоянно действовавшими против иноземных захватчиков, местными отрядами, враждебно настроенными против всяких проявлений ойратских военных демонстраций, особенно в районе Иртыша, богатые пастбища которого издавна с особой заботой оберегались казахскими воинами.

Возвратившись из разрушенной Ямышевской крепости, отряд Бухгольца достиг устья р. Оми и, получив тут долгожданное подкрепление, 20 мая 1716 г. основал Омскую крепость [20].

Однако разногласия между губернатором и Бухгольцем все росли. В результате, подполковник, потеряв надежду на продолжение своих намерений, назначив комендантом Омска майора Вельяминова-Зернова, уехал в Тобольск, откуда был

затребован в Петербург для разъяснения причин неудачи предпринятой им экспедиции, где своими рассказами о степных народах, о природных богатствах непременно возбудил интерес Коллегии иностранных дел и Сената к неведомым краям, усиливая интерес в столичных кругах к дальнейшему освоению и привлечению в орбиту государственных интересов России казахских жузов.

Итак, создание в начале XVIII в. правительством ряда укрепленных пунктов на стыке с Казахстаном стоило огромных усилий, требовало значительных расходов и привело к нежелательным для страны в условиях продолжающейся северной войны военным столкновениям с ойратами, а также вызвало острую реакцию казахов, болезненно рассматривавших факт российского проникновения в степь.

Однако задачи колонизации края, освоения несметных его богатств, установления и дальнейшого обеспечения безопасности караванной торговли, а также закрепления за Россией новых обширных зон побуждали царизм к постройке все новых укреплений и опорных баз постоянного соприкосновения с кочевой стихией. Главное же назначение военно-инженерных сооружений, как ни скрывало окружение Петра I, заключалось в покорении крупного государства в Центральной Азии, пользуясь занятостью казахов в борьбе с ойратскими завоевателями.

М. Гагарин, оставшийся после отъезда Бухгольца в Петербург полным хозяином дела, уполномоченно действовал теперь по своему усмотрению. Будучи неплохо информированным о событиях в Младшем жузе и Среднем жузе, он вознамерился продолжить политику изучения края с вооруженными отрядами. К тому же сибирский губернатор еще в сентябре 1716 г., приняв посланцев Кайып хана Бекбулата Екешева, Байдаулета Буриева, получил более достоверные известия о внутреннем положении Казахстана; для него оказалась весьма обнадеживающей просьба Кайып хана «ходить войною с одними своими людьми в двадцати или тридцати тысячах или с русскими военными людьми вместе» [21]; а в середине октября 1716 г. тот же М. Гагарин отправил к Кайып хану боярского сына Микиты Белоусова «с товарищем»: 9 пунктов губернаторских наставлений обязывали его собирать подробнейшие данные, а самое главное — довести до сведения хана его предписание «езде в городах Сибирской губернии своего ведомства, чтоб с людьми Казачьей орды никакие ссоры не имели» [22].

Тем временем М. Гагарин один за другим снаряжал и отправлял в степь новые отряды; Федор Метигоров восстановил и расширил Ямышевскую крепость, прослужившую опорным пунктом для дальнейшего продвижения новых военных экспедиций по Иртышу.

Очередной всплеск резких обострений казахско-ойратского

противоборства ускорил отправку вглубь степных пространств теперь малочисленных, но довольно хорошо оснащенных, мобильных групп. Для возведения новых укреплений по Иртышу М. Гагарин отправил воеводу Павла Северского и Василия Чередова, последний часто привлекался для выполнения конфиденциальных дипломатических поручений губернатора. Летом 1717 г. отряд И. Северского построил Железинскую крепость, В. Чередов Колбасинскую [23], в скором времени опустевшую из-за недостатка жителей. Чередов, следуя далее, выбрал место для возведения новой крепости – Семипалатинской [24].

Все более углубляясь в жизненные центры казахских кочевий, окрыленная бескровными успехами, Сибирская администрация, не дожидаясь уже указаний Петербурга, летом 1718 г. снарядила значительную экспедицию во главе с опытным фортификатором Прокофием Ступиным с отрядом солдат, казаков и артиллерией [25]. Князь, помнивший последствия столкновения с ойратами, и даже при нападениях с их стороны старался убедить русских в отсутствии “враждебных намерений против них” [26].

Чем ожесточеннее стала казахско-ойратская борьба, тем оживленнее стала отправка новых и новых отрядов в сторону Зайсанского озера. Вскоре по личному распоряжению царя была подготовлена еще одна воинская команда под начальством майора И. М. Лихарева, в задачу которого вменялось подробное исследование озера, поиск и “доставление подробных сведений о “золотом песке” [27], также ему поручалось разузнать подробности неудачи И. Д. Бухгольца; суть распоряжения говорит, какое значение придавал Петр I подчинению степных ханств, о положении в которых он стремился разузнать еще в 1714 г., отправляя И. Д. Бухгольца в Средний жуз, несмотря на трудности, вызванные войною со Швецией.

Джунгары, неустанно следившие за маршрутом их следования, открыли огонь по команде И. Лихарева, добиваясь принудить их к отступлению. Несмотря на значительный урон от русской артиллерии, ойраты достигли своей цели – после трехдневной перестрелки было достигнуто перемирие, и Лихарев, вынужденный отступить, на обратном пути построил в 1720 г. Усть-Каменогорскую крепость, которая, являясь угловой точкой в системе военно-инженерных сооружений России на границе с Цинской империей, опираясь на другие редуты, маяки и другие фортификационные сооружения, контролировала значительную территорию; в этом же году Россия возвела еще несколько крепостей – Чернорецкую, Черноярскую, Верблюжскую, Осморыжскую, Убинскую, Семьярскую, создавая основу для трех военно-политических линий – Сибирской, Иртышской и Кольванской.

Наряду с Абаканским острогом (1707 г.), Бикатунской крепостью (1709 г.) эти укрепления с хорошо обученными гарнизонами, обилием орудий, стратегическим местоположением обеспечивали закрепление Обь-Иртышского междуречья, вытесняя местных аборигенов в малопродуктивные земли, превращаясь в оплот ускоренной правительственной колонизации, разбросав вокруг себя казачьи поселения на огромной территории. При этом, естественно, царизм придавал значение недопущению подчинения казахов Джунгарскому ханству, стремясь держать “Киргиз-кайсацкую степь” в лоне политических интересов России, выжидая удобную ситуацию для достижения стратегической задачи – военно-дипломатическими мерами лишить казахов независимости.

Однако при понимании роли военно-оборонительных пунктов не следует придерживаться однозначной трактовки постепенных изменений их дальнейших функций, менявшихся в зависимости от аграрно-политических мотивов действий империи. Эволюция перерастания первоначальных функций складывалась и усугублялась на протяжении почти целого столетия – с 20-х годов XVIII в., когда стратегическая линия “единой неделимой империи” обусловила коренные перенацеливания первоначальных задач. Если же определенно выразить позицию относительно роли Верхнеиртышских и Алтайских крепостей, то должно зафиксировать объективный факт оберегания ими казахского населения, испытывавшего невероятное давление иноземных опустошительных нашествий, а потому дальнейшее умножение результатов петровских военных экспедиций, хотя в первые десятилетия их существование обуславливалось характером казахско-русских взаимоотношений и вообще международными связями Казахстана, все более и более приводящими в зависимость от России ввиду сохранения угрозы внезапных, иноземных вторжений. В то же время не следует сглаживать военно-наступательные функции опорных баз царизма в Обь-Иртышском междуречье, в Верхнем Прииртышье, на Алтае, которые сразу же после устранения ойратской угрозы с артиллерией, с обученными постоянными гарнизонами, по существу, превратились в реальные очаги казачьей земледельческой колонизации, постоянно внося изменения в миграционные процессы в регионе, вытесняя nomadov с веками насиженных мест.

“К ТОМУ ИХ СКЛОНИТЬ”

Огромный рост общественного интереса к историческому прошлому Казахстана побуждает исследователей постоянно вести поиск и вырабатывать новые концептуальные положения по такой сложной, а по ряду аспектов противоречивой проблеме, как присоединение обширного края в состав многонациональной империи. Годы культа личности и застойного времени наложили отпечаток и на исторические исследования, посвященные этому вопросу. В этом плане критический пересмотр ранее утвердившихся точек зрения на известные события минувших веков, переоценка годами пропагандированных воззрений должны основываться на достижениях исследований последних лет, издававшихся на языках народов Казахстана. Пожалуй, в отечественной истории вряд ли найдется проблема, изучавшаяся с таким постоянством, и которая бы не обростала досужими домыслами, как присоединение обширного края к России.

Хотя победы казахского ополчения в 1726, 1730 годах существенно ослабили реальную угрозу со стороны Джунгарского ханства, ситуация в целом в Казахстане продолжала оставаться напряженной, да и противоречивой ввиду отсутствия единой позиции среди правителей, все более обособлявшихся трех казахских жузов, во главе которых стояли: в Младшем – Абулхаир, в Среднем – Семеке (Шахмухамед) и Кучук (Космамбет), в Старшем – Жолбарыс. Кроме того, на внутривосточную ситуацию заметное влияние оказывали сыновья Абулхаира – Нуралы, Ералы, а также Барак султан, имевший сильную позицию в Найманском поколении Среднего жуза, Жанибек батыр, известный полководец Букенбай из рода Канжыгалы; в Старшем жузе реальным влиянием пользовался Толе бий, а также Булек батыр, Хангельды батыр. К тому же после смерти Старшего правителя объединенного ханства – Тауке осенью 1715г. это звание оставалось свободным, на него могли претендовать лишь представители старшей ветви чингизидской линии – потомки Жадыга. Абулхаир же, как принадлежащий к младшей ветви казахских правителей Осека, не мог соперничать в том с потомками Тауке и Кайып. Это имел в виду видный султан Барак, сын хана Турсына. Брат хана Кучука, считавшего хана Младшего жуза выскочкой, утверждал, что “нашу линию зовут Тогум-Шигайской, а его, Абулхаира, ханская фамилия Белгкай-Коянская и его род против нашею силою не будет, ибо де наша фамилия честная и многолюдная” [1]. Больше всего шансов на звание старшего хана, по крайней мере, имел право сын недавно умершего хана Кайыпа – Батыр султан, которому подчинялись племена на берегах Аральского моря.

Глубокая вражда между влиятельными султанами, старшинами, с одной стороны, между практически малоизвестными ханами трех объединений, с другой, сводили на нет шансы консолидации уссурийских казахов, возрождения былой традиции единого народного ополчения. В этих весьма сложных условиях на долю Абулхаира хана выпала сложная миссия – самому выступить инициатором обращения к Петербургскому двору, взять на себя ответственность произвести коренной перелом во внешнеполитической ориентации уже распавшегося объединенного казахского союза, и не дожидаясь очередного опустошительного вторжения ойратских сил на мирные аулы, выявить позиции русской императрицы, Коллегии иностранных дел, в компетенции которой находилось рассмотрение подобных вопросов.

Абулхаир хан будучи султаном еще до 20-х годов XVIII в. был известен в русских дипломатических кругах. 10 декабря 1718 г. султан писал “великому белому царю Петру Алексеевичу, что он “премного челом бьет и покоряетца ... о чем царское величество уважает ... и будет служить безо всякого отлагательства...” [2]. “Человек достаточного ума и не без лукавства” [3], как о нем отзывался А. Тевкелев, прежде всего руководствуясь стратегическими интересами казахской государственности, с другой стороны, в будущем опираясь на российскую администрацию, возвысился над другими своими конкурентами, вытеснив их с политической арены. Соединив силы и возможности страны для предотвращения ойратской агрессии с пагубными последствиями, стремясь стать единоличным предводителем объединенного ханства, как это было во времена знаменитого государя, Тауке-хана, он не оставляет своих намерений и летом 1730 г. отправляет свое посольство через Уфимское наместничество в Петербург к Российской императрице с просьбой принять его с улусами в подданство Российской державы, благожелательной позиции которой добивались многие малые и большие страны Центральной Азии.

Помимо постоянных внутривосточных распрей казахские ханства жестоко страдали от опустошительных походов ойратских сил, поставивших местных правителей перед дилеммой: либо прекращение изнурительного для повседневной жизни и своеобразной хозяйственной структуры противоборства с мощной тогда Джунгарией, либо поиск реального союзника, способного брать под свою юрисдикцию огромные степные просторы. “В 1730 г. Абулхаир находился в крайности и, не видя другого исхода... подговорил незначительное число своих приверженцев вступить в русское подданство...” [4]. Более того критическим положением поспешили воспользоваться и другие традиционные соперники казахов – башкиры, среднеазиатские единовольцы, с севера

тревожили сибирские казаки[5], часто нападавшие на казахов, уводившие в плен мирных кочевников, ослабляя возможности создания оборонительного союза трех жузов.

Дипломатическая служба Петербурга к этому времени наработала достаточный опыт в разработке посольских документов, определяющих основные направления азиатской политики страны и в приеме представителей восточных стран.

Принятие в состав России волжских калмыков Аюки, Кабардинского княжества, грузинских правителей заметно расширяло сферы дипломатической деятельности Коллегии иностранных дел, и на сей раз посланцам Абулхаира были оказаны всяческие почести, его послы в количестве 7 человек во главе с Кутлумбетом Коштаевым были приняты с радостью и одарены ценными подарками, возвращены в степь в сопровождении внушительной миссии во главе с переводчиком Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелевым (Кутлумбет или Мамет мырза) в сопровождении военной охраны[6], в их числе два геодезиста Алексей Писарев и Михайло Зиновьев "для описания мест"[7].

Документы той эпохи не позволяют датировать время поступления А.Тевкелева на государственную службу. Очевиден факт зачисления его в Коллегию иностранных дел несколько раньше Персидского похода 1722г. Петра I. К тому же профессия "толмача восточных наречий" для А. Тевкелева была вовсе не нова, и до него, как он сам пишет в своих "Разных бумагах..."[8], его предки употребляли свои превосходные знания в посольском приказе Москвы.

Прошедший петровскую школу государственной службы А. Тевкелев, как он сам признавался впоследствии, рассчитывал на повышение и получение наград, чего не удалось осуществить "за кончиною его императорского величества ...". В день отправки казахского посольства обратно в Младший жуз А. Тевкелеву была вручена любопытная по содержанию "инструкция" из 12 пунктов. Написанный размашистым почерком, на четырех оборотных листах документ являлся для дипломатической миссии своеобразной программой действий. Благодаря "инструкции", на основании которой он завел специальный "Журнал", мы имеем возможность воспроизвести реальную ситуацию, сложившуюся в ханской резиденции как в момент принятия грамоты императрицы, так и в последующий период обострения внутривосточной обстановки в Младшем и Среднем жузах.

"Инструкция" от Государственной коллегии иностранных дел для переводчика ориентальных языков Мамету Тевкелеву при отправлении его в Киргиз-Кайсацкую орду для приведения оных в подданство России"[9], — таково полное и официальное название наставлений внешнеполитического ведомства, оставившего

глубокий след в его дальнейшей карьере и в истории казахско-русских взаимоотношений. Весьма ценным в плане конкретизации основной цели поездки А. Тевкелева представляется третий пункт "Инструкции", дающий ключ к пониманию наличия у дипломата плана выбора свободных вариантов в случае выявления в окружении хана разногласий на предмет принятия российского подданства, "хану и старшим и прочим киргиз-кайсакам в верности своей присягу по всей вере, в Алкоране (коран — Ж.К.) учинить, и оную (грамоту — Ж.К.) руками подписать, и ему Тевкелеву отдать, И ежели б от того хан и прочие отговариватца станут, то ему, Тевкелеву к тому их склонить"[10].

Выдача в Петербурге ханским представителям знаков поощрения в дальнейшем стала непременным атрибутом гостеприимства и внимания российской императрицы. И на сей раз не обошлось без подарков, которых позднее и Нуралы хан, и знаменитый Абылай, и убийца Абулхаира — Барак султан открыто добивались. Отправляя через А.Тевкелева дары Анны Иоанновны, "именно": саблю, шубу соболью, две шапки с черною лисицею, сукна и "прочее", Коллегия иностранных дел строго предписала ему вручить их хану лишь после того, как Абулхаир "присягу верности учинит"[11].

Отправляя дипломата в Младший жуз, более близко расположенный к внутренним губерниям империи, правительство не располагало достаточной информацией о нем, и мы должны констатировать предварительный, отрывочный характер всего того, что накапливалось о северо-западных районах края в канцелярии Коллегии иностранных дел, где набирался дипломатического опыта А.Тевкелев. "Инструкция" вменяла в его обязанности фиксировать сведения о киргиз-кайсаках, изучить орфографию страны, народу приятно-ль подданство, кто ее соседи ..., умеют сами пушки лить ..." [12].

Известный историк Н.А.Маев через полтора столетия на основании собранных им данных критически оценивал позицию правительства, "действовавшего" наугад, не имея верных сведений ни о положении дел в степи, ни об обычаях народа, и даже о его желаниях"[13].

5 октября А.Тевкелев прибыл в урочище Май-Тобе (Жирный холм) на р.Ыргыз, где располагалась резиденция хана. Сопровождение знатного гостя хан поручил Нурмухамеду-Али Багадуру (Нуралы), старшему сыну, опытному воину, всецело поддерживавшему деятельность своего отца. Однако уже первые шаги сложной дипломатической карьеры бывшего татарского мурзы, которому были близки, понятны язык, обычаи Великой степи, столкнулись с невероятным сопротивлением видных старшин, султанов. Большая часть их, обнаружив "всюложность", и

Инва. № 14798(1)7

слышать не хотела о русском подданстве, “хана не ставили и в грош” [14]. Раздосадованный открытой оппозицией, А. Тевкелев добивался от подавленного Абулхаира, “чего ради посланцы ево не праведно, словесно предложили в Москве”, что его обращение к императрице будто бы как согласованный шаг всего “киргиз-кайсацкого народа”, не является ли проявлением превышения собственных его полномочий, “а ныне-то стало ложью, токмо ты один оно учинил” [15]. Один башкирец из охраны также предупредил его о намерениях антиханской партии сорвать переговоры и не допустить принятия грамоты. Башкиры, в том числе Таймас Шаимов, впоследствии за верность России удостоенный звания тархана, предлагал заручиться поддержкой прославленного батыра из рода Канжыгали Букенбая, его зятя Есет батыра и двоюродного брата Худайменды мурзы, которые, по его мнению, “изо всех старшин лутчие и сильные люди и доброго состояния, ... через их ему Тевкелеву польза будет” [16]. Тевкелев, действуя по своему усмотрению, “подкупил несколько защитников независимости” [17].

Поддержка группы Букенбая разрядила обстановку. Подкупом, уговорами, а подчас угрозой, что он доверенное лицо Российской Империи, Тевкелеву удалось упрочить почву для дальнейших своих действий и изменить соотношение сил в ханской ставке. “Я нижайший, не щадя своего живота, единственно желая своему отечеству верную услугу показать, подвергая себя близ дву лет (с 30 октября 1731 по 14 января 1733 гг. — Ж.К.) всегда смертельным опасностям, голодному терпению ... к тому — все способы употребляя, всю орду склонил, таким шастливым успехом и такое время, (в) точное подданство привел ...”, — писал позднее А.Тевкелев [18].

Первым присягал на подданство Абулхаир хан, за ним последовал старшина Букенбай, затем покорность изъявили Есет батыр, Худайменды мурза. Тут же присягнули на верность 27 старшин. Таким образом, первоначальную присягу, кроме хана, подтвердили 29 лиц старшинского звания, а не 27, что получило широкую огласку в современных изданиях. Приведем текст документа, так или иначе в корне изменившего всю политическую обстановку в Зауральской окраине, заставившего ойратов с тревогой смотреть на дальнейший ход казахско-русского сближения.

Сначала — перечисление титулов Анны Иоанновны, далее: “...понеже мы, великая государыня, наше императорское величество, усмотря из писания твоего Абулхаир хана, и из своего доношения посланцев твоих Кулумбета (Кутлумбета — Ж.К.) Коштаева, да Сейткула Кундагулова (Койдагулова) желание твое во всем твоим владением быть в подданстве нашем все милостивейше

на сие соизволили и грамотою нашею, отправленной с оными посланцами твоими о том к тебе Абулхаир хану, и старшине и всему кайсацкому войску милости повелели к Вам послать нарочно нашей государственной канцелярии поверенного переводчика ориентальных языков Мамета Тевкелева...” [19] — таков текст первоначального указа, приведенного с некоторыми сокращениями. Документ составлен “на книжной хорошей бумаге, запечатлен государственной средней печатью.” Так было положено начало присоединению обширного края к России.

Начавшись мирно, но в тревожной обстановке, этот исторический процесс завершился военно-принудительными средствами в 50-60-х годах XIX в., хотя, забегая вперед, отметим — адревский и некоторые другие родоподразделения, кочевавшие в труднодоступных районах Мангышлака до 80-х годов XIX в., не признавали власть Российской империи.

Хан Абулхаир добился своего, и грамота императрицы получила юридическую силу. А.Тевкелев также выполнил возложенную на него миссию, снискав признательность ханского окружения, заслужив презрение большей части кочевников, сведения для которых об этом в глубинные степные просторы доходили со значительным опозданием, обрастая в устных передачах “узун-кулаков” невероятными домыслами. Остро реагировали на свершившийся факт среднеазиатские тюркские владения, особенно соседнее Хивинское ханство, усмотрев в этом ослабление позиций мусульманских стран Центральной Азии.

Тем не менее, опираясь на первоначальный успех, А.Тевкелев постепенно входя в местную жизнь, расширяя круг знакомств, заручившись одобрением хана Младшего жуза, подготавливал почву для приведения к присяге соседних земель, что было предусмотрено в “Инструкции” Коллегии иностранных дел. 19 декабря 1731 г. ему удалось склонить Абулхаира отправить в Хиву султана Нуралы, “чтоб и она была в подданстве Российской империи”. Однако Нуралы, возвратившийся 2 марта 1737г., привез неутешительные вести: Хива резко отрицательно отреагировала на суть происходящих событий, выразив “великое недовольство” и озлобление” [20]. Этими обстоятельствами ограничиваются действия хана и русского дипломата до возвращения последнего в Петербург.

В целом, не отрицая объективной основы принятия Младшим жузом Российского подданства, опять-таки отметим, что не следует упускать из виду далеко идущие личные амбиции Абулхаира, корыстные его интересы, все более и более всплывавшие на поверхность.

Относительно позиции Абулхаира с момента отправки им депутации в Москву и принятия российского подданства не было

единого мнения и в русской историографии: А.Н. Добросмыслов, М. Макшеев, И. Завалишин, В. Витевский, И.И. Крафт, П.И. Рычков оправдывали действия хана. Другой позиции придерживался А. Левшин, рассматривавший подданство как проявление личной воли Абулхаира и ярых его приверженцев, лелеявших надежду “усилиться покровительством могущественной державы”, что и побудило хана покориться ордами своими императрице Анне. Есть резон в утверждении другого видного исследователя XIX века Л. Мейера, называвшего хана “энтузиастом, который горячо, необдуманно за все брался, а при неудаче охладевал”. [21].

Мы выяснили позиции отдельных исследователей той эпохи, чтобы дифференцированно подойти к дальнейшим действиям хана, особенно при принятии акта присяги в подданство влиятельными владельцами соседних жузов, чтобы оценить до сих пор бытующее мнение, рассматривающее Абулхаира виновником всего происшедшего.

Итак, удачно завершив свою миссию, А. Тевкелев отправился в обратный путь из урочища Найзатескен. 2 января 1733 г. он прибыл в Уфу с ответным посольством Абулхаира, направленным в Петербург, миссию возглавил второй сын хана султан Ералы, в нее входили: двоюродный брат Абулхаира султан Нияз, старшины Чадынбай, мурза Худай-Назар, батыр Мурзагельды, мырза Тугельбай и другие. В результате переговоров вступление Младшего жуза в подданство России было оформлено окончательно. Глава делегации султан Ералы 10 февраля 1734 г., выступая на приеме у Анны Иоанновны в Петербурге, “всенижайше рабски просил содержать (их — Ж.К.) в неотменной своей императорской милостью и защищении...” [22].

Тем не менее, положение в Казахстане оставалось весьма напряженным. Несмотря на некоторое ослабление напряженности в пограничной с Джунгарией зоне и заметное оживление русско-ойратской обменной торговли после миссии майора Угримова, угроза непредвиденных вторжений в пределы Среднего и Старшего жузов сохранялась.

Во второй половине 30-х годов Галдан-Цэрен начал перебрасывать войска к границам Среднего жуза [23]. В данной связи Указ русской императрицы в июне 1734 г. о принятии Среднего жуза в состав России политически был оправдан, хотя заметим: большая часть этого этно-территориального объединения оставалась самостоятельной вплоть до вступления в силу Указа о сибирских “киргизах” в 1822 г. М.М. Сперанского. Более того, в связи с кончиной хана Семеке (в ряде русских источников Шемяк), грамота в Средний жуз так и не была доставлена. Кроме того, Шахмухамед, хан Среднего жуза, ревниво оберегая свою автономию и видя далеко идущие корыстные интересы России, а также

усмотрев в этом процессе и проявления личных амбиций хана Младшего жуза, “скоро опомнился, понимая, что это событие слишком возвысит Абулхаира”, отвратил покорность своего владения от России, совершая даже набеги на русские селения [24].

Ситуация в Старшем жузе оказалась в некоторой зависимости от позиции Галдан-Цэрена ввиду временного подчинения некоторых его районов ойратами. Тем не менее, хан Жолбарыс — “родной брат Абулхаира”, который был послушен [25] последнему, решил обратиться в Петербург с аналогичной просьбой. Грамота императрицы от 10 июня 1734 г. влиятельным лицам Старшего жуза, из которых особо выделялись Кодар бий, Толе бий, Сатай, Хангельды, Болек батыр давала “всемиловитейшее соизволение о сем ведать ... статс-советнику И. Кириллову и полковнику их учинить” [26].

Небезынтересно привести часть Указа, предназначенного влиятельным феодалам Старшего жуза с конкретной задачей склонить их к принятию подданства России: “И Вам Киргиз-Кайсацкой Большой орды Всемиловитие соизволение о сем ведать, и в утверждение Вашего в подданство наше прошение и вступления, ради учинения обыкновенной всеподданнейшей как присяги, прибыть Вам Бегам (бекам — Ж.К.) и старшинам самим конным нашим посланным С. Кириллову и полковнику Тевкелеву ... и служить нам верно ...” [27]. Однако удаленность от России, сложность ввиду временной зависимости от ойратов отодвинула на более позднее время осуществление этого акта.

Другая “похвальная грамота” императрицы от 9 апреля 1734 г. предписывала Абулхаир хану содействовать “приведению” в подданство кроме Старшего жуза и “Аральского хана” [28]. Районы Аральского побережья всегда находились в сфере влияния потомков хана Кайыпа. Для закрепления позиции во вновь присоединенных казахских землях в мае 1734 г. была учреждена “Киргиз-Кайсацкая экспедиция”, вскоре переименованная в Оренбургскую, которую возглавил обер-секретарь Сената И.К. Кириллов, помощником его назначен А. Тевкелев, произведенный из переводчиков в полковники за удачное выполнение правительственной миссии в Младшем жузе.

Идея в организации экспедиции принадлежала Абулхаир хану, поставившему себе цель построить город, усилить свое влияние или укрыться в нем в случае беспорядков в Младшем жузе, что подтверждает в своих “Разных бумагах” тот же А. Тевкелев. Организаторы этой военной акции в достижении своих целей помимо использования крупного воинского контингента всерьез рассчитывали на межэтнические раздоры между башкирами и казахами. Перед походом к Ори И.К. Кириллов, между прочим, доносил кабинету о сложности во взаимосвязях двух народов “ ...

никогда не следует допускать их в согласие, а потребном случае нарочно поднимать их друг на друга, и тем смирять”[29] — так заранее оправдывалась жестокость в отношении башкирского народа, в которой И. Кириллов превзошел себя, между прочим, в немалой степени вызвав удивление Абулхаир хана, которого также вовлекли в дело подавления восстания башкирцев. Более того, в инструкции Анны Иоанновны И.К. Кириллову содержалось предписание изучить возможности хозяйственной колонизации края. “Впрочем, что касается до металлов и минералов, кои найтись могут в ближних местах, в Башкирском и Киргиз-Кайсацком владениях, в том поступать надлежащим образом, ища интересу нашему пользы ...” [30].

Когда башкиры узнали о намерениях России начать строительство крепости, вспыхнуло восстание, оно явилось продолжением серии крупных прежних антиколониальных выступлений башкир; восстаниями были отмечены 1662 — 1664, 1681 — 1683, 1705 — 1711, 1735 — 1740, 1755, 1773, 1774 годы[31].

События в Башкирии не могли не отразиться на ситуации в соседнем Младшем жузе. Из четырех округов Башкирии — Казанский, Осинновский, Сибирский, Ногайский, — последние два непосредственно граничили с Казахстаном, испытывавшем влияние народного выступления в сопредельном регионе. И. Кириллов был сторонником крутых мер, поручив подавление восстания В.Н. Татищеву, начальнику казанских и сибирских горных заводов; и требовал самых жестких мер, предлагая наиболее виновных “казнить смертью”.

Правительство было напугано неотвратимым распространением влияния этого движения на Младший жуз, только что вошедшего в состав империи, и поручило А. Тевкелеву, “знатоку восточных дел”, добиться от казахских феодалов выдачи им всех бежавших к ним повстанцев[32]. Он выдвинул свой план усмирения восстания: построить три крепости и заселить их русскими, чтобы тем самым получить возможность немедленно прекратить движение в самом опасном очаге[33], в то же время проявляя неслыханную жестокость; по его личному распоряжению жители селения Саянтас в числе 150 человек были “загнаны в какой-то амбар и сожжены живыми”[34].

И тут вспомнили об Абулхаир хане, который был известен в Башкирии, местное тюркское население прислушивалось к его голосу, однако к тому времени он “состоял в верности” и без согласия А.И. Тевкелева “ныне ничего делать не мог”.

Первоначально хан действительно участвовал в карательных акциях против “злодеев”; злоупотребляя своим положением, грабил несчастных жителей. Предводители восстания приложили немало усилий, чтобы перетянуть хана на свою сторону, предлагая

ему ханский престол в Башкирии. Чтобы крепче привязать Абулхаира к себе, его женили на юной башкирке — эти сведения сообщили В.Н. Татищеву местные старшины Карабай и Юнустархан[35]. Власти вынуждены были отказаться от услуг весьма неустойчивого союзника и с трудом выпроводили его обратно в Казахстан; башкирские события и в дальнейшем показали непрочность позиции хана Младшего жуза, очевидно, скрытно намеревавшегося посадить на ханский трон в Башкирии одного из своих сыновей — Хожамета. Несмотря на отчаянный героизм башкир, при явном попустительстве Абулхаира, Кириллову все-таки удалось построить на реке Орь город Оренбург (Орск), ставший опорной базой в расширении колонизационного движения на восток.

В связи со смертью И.К. Кириллова в апреле 1737 г. новым начальником Оренбургского края стал В.Н. Татищев, выдающийся историк, способный администратор, продолживший строительство новой линии. По его инициативе г. Оренбург перенесен с устья р. Орь на другое место, где находилась Красногорская крепость, а главной его политической целью оставалось закрепление подданства влиятельных чингизидов Младшего и Среднего жузов.

Царские власти решили подвергнуть Абулхаира к повторной присяге. 3 августа в Оренбурге состоялась очередная встреча его с В.Н. Татищевым, через которого хан подтвердил прежнюю покорность “подданнической присяге” и выразил “рабское повиновение”... А в ответственной речи В.Н. Татищев называл хана не иначе, как “друг и брат, желал оное непременно сохранять”[36]. Тогда же впервые приняли присягу на подданство хан Среднего жуза Абулмамбет и влиятельный султан Абылай, авторитет последнего почитался по всей степи. Однако юридически ханский престол занимал Абулмамбет, а текст его присяги существенно отличался от предыдущих “клятвенных обещаний” его современников: “быть верным и послушным рабом и подданным быть”. Султан Абылай в дополнение к тому обнадеживал В.Н. Татищеву “живота своего в потребном случае не щадить”[37], хотя набравший опыт политической борьбы молодой Абылай свои надежды связывал и с чингизидской империей.

В целом принятие Абулхаиром и его близким окружением, а затем видными чингизидами Среднего жуза Российского подданства, существенно изменившее дальнейшую раскладку межгосударственных отношений в Центральной Азии, следует рассматривать с двух позиций: с одной стороны, начальный этап как, безусловно, позитивный акт помимо других обстоятельств избавил казахский народ от часто повторявшихся истребительных походов ойратов с непредсказуемыми последствиями; с другой, как начало постепенной военно-казахской земледельческой

колонизации обширных степных зон, громадные просторы которых создавали у российских администраторов ложное представление о будто бы бесконтрольности и малозаселенности края, что было порождено в основном ошибочными и однобокими представлениями о формах земельных владений и сущности собственности на средства производства в условиях доминирующей роли скотоводства.

Петербургский двор уже в 30-х годах ХУШ в. всевозможными мерами, опираясь в основном на военно-оборонительные линии, поощрял частную крестьянскую и правительственную колонизацию, видимо, слабо представляя себе специфику форм аграрных отношений у кочевников, когда весь земельный фонд еще при создании феодальной государственности был поделен между основными родоплеменными объединениями, когда летние кочевья отдельных поколений доходили до 900 км; при этом не следует упускать из виду политический аспект – отсутствие в момент подтверждения присяги в октябре 1731 г. согласованных позиций даже среди чингизидской элиты в окружении Абулхаира, что, увы, делает как-то преувеличенным утвердившееся в исторических трудах мнение о якобы всенародном характере и масштабности первоначального акта принятия российского подданства. К тому же в документах 1731, 1732, 1734, 1738 и 1740 годов, подписанных собственноручно русской императрицей и ханами двух этнополитических объединений – жузов, полным молчанием обойден такой важный межгосударственный аспект, как проблема административно-территориальных пределов, границ, перспектив использования земельного фонда, размещения казачьих отрядов, расселение русского контингента в районах, на которые распространялись силовые функции пограничных линий ввиду того, что десятки – пятидесятиверстное расстояние от крепостных баз, где казахам запрещалось косить сено, кочевать – было установлено позднее, в середине 60-х годов XVIII в. Эти вопросы по мере распространения русской власти в период ослабления Джунгарского ханства, став предметом частых, трудных переговоров Абулхаира с Оренбургскими администраторами, вызывали трения, непредвиденные недоразумения, явились причиной охлаждения позиции хана к Российской стороне.

Никак нельзя, при этом, обойти вниманием личность хана Младшего жуза, одного из ярких, да и противоречивых личностей в Центральной Азии, в условиях, когда Абылай, будучи еще молодым батыром, одним из организаторов народной войны с иноземным нашествием, постепенно вытесняя с политической арены слабовольного Абулмамбета, однако, уважая древние традиции, внешне изыявлял покорность своему повелителю, хотя уже вынашивал план политики двоеданства. Да и первоначальный

акт принятия Российского подданства независимо от драматических событий, происшедших в ханской резиденции, требует дифференцированного подхода и к определению роли в этом процессе других соратников казахских ханов, объективно ускорявших или замедлявших ход событий с учетом слабой организованности ханской государственной структуры управления, размытости границ как между жузами, с одной стороны, так и между Казахстаном и Джунгарией, с другой, что между прочим, начало проявляться в 40-х годах ХУШ в., особенно после кончины Галдан-Цэрена, одного из крупных исторических фигур той эпохи. Наше стремление – выявить мотивы и побудительные моменты постепенного дистанцирования Абулхаир хана от имперских административно-политических структур, воссоздать реальную картину того, каким образом и в силу каких конкретных обстоятельств хан, находясь в зените своей славы, стал отмежевываться от различных наставлений Коллегии иностранных дел, Оренбургских чиновников. Для реального понимания сущности его позиции, начиная с 40-х годов XVIII в., следует переосмыслить иную ситуацию, которая начала складываться в северо-западных пределах края вследствие целенаправленного внедрения колониальных методов управления, которые призваны были ослабить личную власть самого Абулхаира, отстранить его от решения насущных вопросов жизни Младшего жуза. Царские власти предали забвению его инициативы в создании Оренбурга, вернее, первоначально Орской крепости, в то время, как в начале 40-х годов именно влияние Абулхаира обусловило принятие большей частью каракалпакского населения подданства России.

В 1742г. поручик Дмитрий Гладышев доложил Тайному советнику И.И. Неплюеву, что во время пребывания его в резиденции Абулхаира, к последнему явилось шестеро каракалпакских старшин и трое хожей, они обратились к хану с просьбой содействовать в принятии их в количестве 30000 кибиток в подданство империи[38]. Гладышев в присутствии хана привел их к присяге, содержание которой следующее: “Божьим повелением, по своей вере пришли в Российское подданство и, поцеловав крест, присягали мы нижеписанные каракалпаки ...”; в том же году по приглашению Неплюева прибыли в Оренбург “Каракалпацкие депутаты Мамор и Кушан в сопровождении Абулхаир хана и здесь от имени хана и всего народа торжественно повторяли присягу ...”[39].

Однако у хана были свои расчеты, в его замыслы вовсе не входило содействие в усилении каракалпакских мурз, неоднократно вторгавшихся в его владения, и, “опасаясь усиления под властью России, он напал на их аулы, многих убил и еще больше взял в плен”[40]. Мы приводим этот в целом известный факт, принимая во

внимание то воздействие, которое он оказал на позицию И.И. Неплюева в отношении Казахского хана. Абулхаир хан, как дальновидный политический деятель своей эпохи, отчетливо понимал пагубность мер царизма, особенно проявлявшихся в расширении строительства военно-инженерных баз, которые по мере административных давлений Оренбурга на хана становились оплотом военно-земледельческой колонизации региона. Только лишь в 1740 – 1743 годах на стыке Младшего жуза и Южного Урала было построено значительное количество крепостей, постепенно сужавших кочевье казахов: Воздвиженная, Рассыльная, Ильинская, Таналыкская, Уразымская, Кизильская, Магнитная, Каракульская, Прутоярская, Нижне-Озерная, Перегибенская, Усть-Уйская, Елшанская, Красногорская, Губерлинская, Новосергиевская и др. [41]. Причем, мнение хана и его окружения по поводу массивированного строительства военно-опорных баз во внимание не принималось. Дальнейшее же углубление российского военного присутствия подсказало хану ужесточить собственную позицию в отношении принудительных мер царизма.

Третья по счету присяга Абулхаира на подданство России, которая происходила в 20-х числах августа 1742 г. не имела того значения, которое приобрело подданство его в 1731, 1738 годах. «Журнал или записка ежедневная о том, что происходило у тайного советника и кавалера Неплюева при Орской крепости в бытность тут Киргис-Кайсацкой Орды Абулхаир хана, Эралы солтана и прочих солтанов», день за днем зафиксировал все беседы, встречи, повседневные аудиенции хана с Оренбургскими чиновниками [42]. Это была формальная встреча двух враждебных лиц, один из которых – И. Неплюев изо всех сил старался усилить власть России в Младшем жузе, другой – во всем этом противодействовал. 24 августа перед завершением переговоров тайный советник, желая поговорить с ханом наедине, вызвал его “в заднюю ставку”, где спрашивал, “имеет ли он еще о каких-либо потребностях представление”, против “чего хан благодарил” его Величество [43]. И.И. Неплюев, близкий ко двору, управляющий обширным Оренбургским краем, желая ускорить покорение Младшего жуза ввиду постепенного ослабления Джунгарии, разработал и представил на утверждение Сената “Запасной план”, утвержденный сенатом 1 марта 1744 г., согласно которому “все текущие дела, собственно, на него были положены” [44].

Первым шагом И.И. Неплюева в ослаблении позиции Абулхаира явилось натравливание каракалпаков и башкир на казахов Младшего жуза: “в видах наказания” казахов, 24 апреля 1744 г. им была дана грамота наместнику ханства калмыков Дондук Даше, которому предполагалось собрать сколько возможно более вооруженных людей и “действовать против киргиз”, причем “вся

добыча, какую калмыки могли бы взять у киргис-кайсаков, представлялась в их пользу” – такой факт разжигания Неплюевым межэтнической вражды приводит А. Добросмыслов [45].

Положение с принятием Российского подданства круто изменилось в сторону затягивания казахскими султанами после учреждения Оренбургской губернии и назначением первым ее губернатором генерала И.И. Неплюева. “Между Неплюевым и Абулхаир ханом с этого времени начинается вражда, от которой многие затруднения, беспокойства и опасность происходили” [46]. – так охарактеризовал исследователь В.Н. Витевский сложившуюся ситуацию вследствие сильного охлаждения их взаимоотношений. Не ограничиваясь наличными силами, сосредоточенными во вновь образованной губернии, Неплюев обратился к правительству прикомандировать в его распоряжение из Уральской провинции “лучших, доброконных и оружейных” 2000 башкир, 500 мещеряков, 300 ставропольских калмыков, от 800 до 1000 яицких казаков и подвинуть ближе к Яицкому городку 1000 волжских калмыков [47].

И.И. Неплюев несколько прытко задался целью вытеснить хана с политической арены, не останавливаясь перед самыми изощренными мерами, не считаясь с сохранившейся политической обособленностью Младшего жуза, проводил меры по колонизации края с невероятной жестокостью. “Тот же Неплюев заботился о колонизации Оренбургского края русскими людьми всякого сословия, прибывший сюда народ, был ли это бродяга или беглый крепостной человек, оставались здесь навсегда, на избранном месте, возврата не было” – писал позже казачий генерал И.В. Чернов [48].

Однако хитрый, дальновидный хан сразу же после устранения ойратской угрозы, раскусил конечную цель Петербурга и Оренбургского губернатора – превратить весь Казахстан в колонию империи; неугодных влиятельных султанов, старшин – устранить различными способами, ханов же довести до уровня послушных чиновников. Выведенный однажды из терпения хан заявил посланцам И. Неплюева, потопившего в крови башкирские восстания 30-х годов XVIII в., что “он не хан, а пастух лошадей”, что “русские хотят поступать с нами, как с калмыками и башкирцами, но мы согласны умереть, чем жить под тяжким гнетом” [49]. А в другой раз рассерженный грубыми выходками И. Неплюева, хан бросил ему в лицо, что он “не из-под сабли, а из воли своей в подданство вступил ... и по многим затруднениям едва успокоился” [50]. Эти и другие данные о ханской оппозиции ко все более утверждавшемуся колониаторскому режиму в Младшем жузе по крайней мере раскрывают суть двух обстоятельств: бесцеремонность позиции царского губернатора в отношении полновластного правителя; во-вторых, резкую оппозицию Абулхаира относительно присутствия России в его ханстве. Да и те

исследователи, которые постоянно твердили о лояльности его ко многим предначертаниям колониальной империи, представляя его как чуть ли не явного поборника колонизации края, попросту ошибались. В утверждении В.Н. Витевского “долго бы еще пришлось бороться И. Неплюеву с Абулхаир ханом, если бы в 1749 (1748 — Ж.К.) году не убил его во время междоусобной вражды, султан Барак, положивший предел дальнейшим замыслам Абулхаира”[51], — заложена та истина, которая характеризует хана как прозорливого политика, который вынужден был принять российское покровительство в силу тяжелейшей внешнеполитической ситуации, продиктованной реальной угрозой над казахским народом; тем не менее, хан не оставлял надежду восстановить былую независимость Младшего жуза, а потому феодальная знать и народ величали его не иначе, “как отцом всех ханов киргизских, как человека, многими киргизами почитаемого святым”[52].

Положение же посягнувшего на жизнь хана султана Барака, также крупного деятеля своей эпохи, известного батыра, было незавидным. Рассчитывая, что насильственное убийство “проложит ему торную дорогу к славе и власти”, он просчитался, восстановил против себя большую часть своих же соплеменников[53]. Хотя бийский суд, организованный по инициативе Казбек бия, оправдал его[54], народ отшатнулся от него, и вскоре Барак был отравлен своими политическими противниками. Распространились слухи, что это было сделано по требованию ойратского повелителя Цэван-Доржи[55].

Все это в совокупности подтверждает сложность, подчас противоречивость характера, политической сущности начального этапа присоединения прежде всего двух этно-территориальных объединений — Младшего и Среднего жузов.

“О ПРИХОДЕ КАЙСАКОВ ИМЕТЬ КРЕПКУЮ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ”

Подтверждение Абулхаиром верности прежней присяге, принятие ханом Абулмамбетом и влиятельным султаном Абылаем российского подданства хотя несколько укрепили международные позиции Казахстана, однако внутренней консолидации не удалось добиться; ойратская угроза, как и в 20-х — 30-х годах, висела над степными обитателями, как дамоклов меч. Надежда царских властей путем оживления торговли через приграничные укрепления и другие центры удержать Джунгарию от враждебных акций против казахских жузов не оправдалась. Убийство к этому времени Жолбарыс хана, придерживавшегося позиции

сближения с Россией, и кончина Семеке хана, часто менявшего свои политические ориентиры, усиливали уязвимость внешнеполитического положения казахских ханств. Ойратское руководство прекрасно было осведомлено о событиях как на юго-восточных рубежах, так и в самом Казахстане. Воспользовавшись моментом, зимой 1739 — 1740 гг. ойратские воины нанесли удар с юга, с верховьев Сырдарьи и с севера — с реки Иртыш, причинив значительный урон кочевьям Среднего жуза по Тоболу и Ишиму[1].

Ойраты, постепенно следившие за обстановкой в обширном Центрально-азиатском регионе, не ограничиваясь физическим истреблением беззащитных аулов, совершили несколько разорительных набегов вблизи пограничных укреплений, хотя и не решились осуществить повсеместные нападения на многочисленные военные посты, разбросанные по Алтаю и Юго-Западной Сибири. Подполковник Тимофей Зорин, комендант Ямышевской крепости, доносил об этом в Сибирскую губернию, сообщая, что они от Железной до Омской крепости “все село казенное потравили”[2]. Естественно, такие рейды ойратских сил в районе расположения пограничных укреплений, ревностно оберегавших экономические интересы империи, породили резкое недовольство Сибирской администрации, не собиравшейся оставлять их безнаказанными, хотя бы по одной причине — речь шла о престиже русского оружия, вполне достаточной эффективности которого и казахи, и ойраты не сомневались.

За событиями в юго-восточных пределах России и казахско-ойратскими взаимоотношениями пристально следила и Оренбургская администрация.

Оренбургская экспедиция после смерти И.К. Кириллова была переименована в Оренбургскую комиссию, и в 1742 г. в момент наибольшего обострения ситуации в Сибирской окраине ее возглавил И.И. Неплюев, с деятельностью которого был связан целый ряд административно-политических мероприятий: перенесение Оренбурга на место впадения Сакмары в Яик, строительство крепостей и редутов новой Оренбургской области, укрепление Уйской линии, развитие и расширение торговли с казахами и народами Средней Азии[3].

Относительно поддержки казахов, испытывавших тяжелый напор превосходящих сил ойратов, его позиция вполне совпадала с мнением Сибирской администрации: исходя из договорных обязательств, Россия должна была пойти на решительные шаги с целью ограждения своих подданных от непрекращающихся нападений ойратов. В данной связи, идя по пути оказаний конкретной поддержки казахским жузам в их борьбе с Джунгарией, 20 мая 1742 г. Правительствующий Сенат впервые принимает специальный указ о мерах защиты казахов и обороны крепостей.

Это решение было продиктовано с далеко идущими стратегическими задачами России, в том числе и экономическими, хотя Абулхайр хан, более близко стоявший к правящим кругам империи, чем остальные ханы, также обратился к императрице Елизавете Петровне с просьбой заступничества.

Требование Галдан-Цэрена к казахским правителям признать полную зависимость от Джунгарии в случае его отвержения могло вызвать еще более массивные вторжения в пределы Казахстана, свести на нет взаимные договорные обязательства Младшего и Среднего жузов с Россией. Осуществление грозного требования джунгарского хана поставила бы казахских ханов в реальную зависимость от Галдан-Цэрена[4].

Эти обстоятельства укрепили решимость Сибирской администрации, требовавшей от ойратских полководцев “от таковых обид своих людей унять”. 2 сентября 1742 г. И. Неплюев направил Галдан-Цэрену письмо, в котором внимание последнего было обращено на недопустимость вмешательства их в дела казахов, состоявших в российском покровительстве “... равно же и Средней Орды Абулмамбет хан и салтаны с их родами и со всеми улусными людьми по данному их прошении в подданство ... приняли”[5].

Не желая дискредитировать себя перед своими подданными, ожидавшими в такой критический момент более решительных действий, правительство, не ограничиваясь дипломатическими протестами, распорядилось “принять особые меры предосторожности”, разрешив перевести в крепости на границе с Джунгарией орудия из Тобольска и Екатеринбурга[6].

Хотя действительные меры России ослабляли ойратскую угрозу, заставляли с тревогой наблюдать за ходом упрочения казахско-русских отношений, прежняя вражда между двумя ханами Абулмамбетом и Абулхайром не прекращалась, более того первый, остерегаясь коварных планов Абулхайра, не оставившего свою надежду прибрать в свои руки и западные кочевья Среднего жуза, прикочевал к Туркестану. Обстановка усугублялась пленением ойратами султана Абылая, одного из виднейших деятелей той эпохи, для освобождения которого ни слабохарактерный Абулмамбет, ни “великий интриган” Абулхайр ничего действительного не предприняли. Требование же И.И. Неплюева от 2 сентября 1742 г. к Галдан-Цэрену “содержащего ныне в Ваших улусах Абылая, также других кайсаков освободить”, оставалось невыполненным. Более того, правительство было обеспокоено сообщением о требованиях “Зенгорского Галдан-Цэрена”, чтобы Абулмамбет хан, Барак султан, Жаныбек батыр, “также Малой Орды Абулхайр хан детей своих знатными старшинами в аманаты прислали и платили зякет”[7].

Джунгария не могла решиться одновременно на борьбу на два фронта и против России, и против казахских жузов в условиях сохранения с востока реальной угрозы Цинской империи, поджидавшей благоприятного момента для поглощения ойратских земель. В некоторой степени этим можно было бы объяснить сдержанную позицию Галдан-Цэрена к расширению приобретений России на юго-восточных границах.

Стремясь предупредить военные действия ойратских сил пограничных с Сибирской и Иртышской линиями районах и в целях получения достоверных сведений о положении самой Джунгарии, туда под видом торговцев и дипломатических лиц посылались агенты, в круг обязанностей которых вменялось выяснить “... нет ли по старым затейным претензиям к Сибирской стороне какого худого намерения ... об этом немедленно давать знать в Сибирь губернатору и ближайшим города об опасном”[8].

Бывали моменты, когда ойраты прилагали усилия натравить казахские роды против российских военных оборонительных пунктов, коварно обещая им временный союз. Ойраты, несомненно, были осведомлены о тех вызывающих сожаление непоследовательных поступках отдельных казахских батыров и султанов, невзирая на подданство, нападавших на пограничные укрепления, вызывавших ответное недоверие. Так, 24 июля 1740 г. комендант Ямышевской крепости секунд-майор Нелебов распорядился “о приходе кайсаков иметь крепкую предосторожность”[9]. В данной связи отправка посольства К. Миллера в Джунгарию помимо переговоров об освобождении российского подданного – султана Абылая преследовала цель изучения политической обстановки и старалась достигнуть соглашения с Галдан-Цэреном о русско-ойратских отношениях[10].

Один из знатных ойратских нойонов Манжа, в переданном через К. Миллера письме на имя И. Неплюева, обратил внимание последнего на разорения, какие причиняли “тобою именуемые подданные кайсаки пограничным (ойратским – Ж.К.) улусам, беспокойство и раздор: ... оные кайсаки не Ваши, а ты их посторонних называешь своими”[11]. Ойратский дипломат дал знать Неплюеву И.И. о согласии “его светлости Галдан-Цэрена ... и других (в т.ч. Абылая – Ж.К.) кайсацких пленных каждого отпустить в их отечество”[12].

23 мая 1743 года К. Миллер возвратился в Россию, и вскоре султан Абылай был освобожден из плена и возвратился в свои аулы, где деятельно стал укреплять временно утраченные позиции, не скрывая своего раздражения бездействием прежде всего Абулмамбета и его сына султана Абулфеиса, воздержавшихся от прямых переговоров с ойратским ханом для вызволения его из неволи или облегчения участи во время его пленения. Тем не менее

Галдан-Цэрен все настойчивее стал требовать уничтожения некоторых из военно-опорных пунктов. Иван Лапин, русский агент, побывавший в улусах султана Барака, по возвращении, передавая слова ойратского правителя, также посетившего упомянутого чингизида, доложил: “что они (русские – Ж.К.) построили, тоже сбивать будем”[13].

Летом 1744 г. дворянин Федор Мельников, посланный Сибирской губернской канцелярией “для разведывания о собравшихся калмыках в местечке Канкаракол”, по возвращению в Кузнецк объявил, что ойраты, собрав силу, “не будут мешкать ни одного дня. Пойдут с тою войною ... на Кольванский завод”[14]. В июне 1744 года, приехавшие в Усть-Каменогорскую крепость ойратские представители Шерен, Узочаки и Союн тоже заявили “о прикочевании Галдан-Цэрена вверх по Иртышу, от Зайсана 7 дней езды”[15].

С целью учреждения внезапного перехода ойратских сил пограничной линии на границе с Джунгарией были осуществлены некоторые меры оборонительного характера на случай вооруженных столкновений. Количество войск было увеличено. Только в 1744 г. в трех крепостях Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской было расквартировано 720 человек гарнизона при 35 пушках. Была учреждена особая должность – начальник Сибирских пограничных линий, которым стал генерал-майор И.В. Киндерман, с именем которого связано расширение колонизации правобережья Иртыша на огромном расстоянии от Сибирского рудута на севере до Кольванских заводов на Алтае. Для горнодобывающих предприятий решено построить дополнительно “недорогие укрепления с полисадами и рогатками”[16]. В результате принятых мер кроме пяти довольно крупных, боеспособных крепостей (Омской, Коряковской, Ямышевской, Усть-Каменогорской и Семипалатинской) находился 31 форпост редутов, «хотя обороноспособность которых невелика, многие из них были ограждены лишь “бревенчатым частоколом, рвом”[17].

Существование военных постов объективно создавало условия не только для Алтайских горнозаводских предприятий, но и для оберегания интересов кочевников. Правительство всеми мерами поощряло расселение районов расположения горнозаводских предприятий, стремясь постепенно вытеснить ойратов. Этим умело воспользовались ойратские представители, с целью противопоставить казахов российской администрации: “... а у вас (казахов – Ж.К.), доотняв за Яиком, реками завладели, что им не принадлежало, а затем не оставят и кочевого места...”[18].

Принимая во внимание все эти изменения, российские власти укрепили военные посты, увеличили посты гарнизонов,

укреплений. Предупрежденный о приближении к южно-сибирской границе 5 регулярных полков, передислоцированных из внутренних губерний для пополнения войск на границе с Джунгарией, Галдан-Цэрен не решился возобновить боевые действия.

На юго-восточных границах правительству удалось нормализовать положение: казахи, несколько оправившись от предыдущих непрерывных стычек с ойратами, возобновили прежние связи с соседними народами, которые с перерывами и в незначительном объеме производились через пограничные посты.

В этот период Младший жуз был потрясен очередным восстанием башкирского народа. Не выдерживая массивные удары регулярных войск, часть повстанцев, как это было в 30-х годах, бежала в казахские степи в надежде найти спасение, в числе которых оказался один из предводителей движения – Карасакал, выдававший себя за известного ойратского батыра Шуно. Боязнь, что восстанием могут быть охвачены и районы Младшего жуза, начинавшего испытывать давление Оренбургской администрации, побудила царские власти “вкоренить вражду между сими народами”. И. Неплюеву, ставшему в 1744 г. первым Оренбургским губернатором, возлагалась задача во что бы то ни стало добиться от казахских феодалов выдачи скрывающихся в аулах участников восстания[19]. Абулхаир хан был в то время втянут в непрерывную борьбу со своими политическими недругами в Младшем жузе и сопредельных районах. На сей раз его официально не привлекали для усмирения башкирского движения.

Тем временем, расширявшееся строительство укрепленных линий, ввиду отсутствия в регионе явных противников, сильно беспокоило казахского хана. С проводником жесткой линии И. Неплюевым у него сложились натянутые отношения. Расширялась Янцкая линия, закрывая казахам в их владениях свободный переход на правобережье реки; Уйская линия на востоке должна была соединиться с Новоишимской, которая, в свою очередь, была связана через редут Сибирский с Иртышской линией.

На западе Уйская линия, делившаяся на Верхне-Уйскую и Нижне-Уйскую, охватила земли Южного Зауралья. Нижне-Уйская дистанция включала в себя крепость Троицкую, основанную в 1743 г. Позднее к ней была подключена Зверинологовская крепость, раньше находившаяся в составе Новоишимской линии[20]. После завершения целенаправленных мер по соединению укрепленных постов, Оренбургская, Новоишимская, Иртышская, Сибирская, Уйская линии опоясали северо-западные и северо-восточные окраины Казахстана, охватывая и смежные земли Урала, Сибири, Алтая; сформировалась сплошная непрерывная линия крепостей и форпостов от устья Яика до Усть-Каменогорской крепости, протяженностью в 3,5 тыс. верст, и в основном заселенной казачьим

контингентом. С проведением этих работ казахские кочевья оказались урезанными примерно на 70 тыс. кв. верст[21]. Номадов, осмелившихся выступить против такой политики, с надуманным обвинением (воровстве и разбое) засылали в отдаленные места. Инициатива в применении суровых мер в отношении восставших принадлежала первому Оренбургскому губернатору И. Неплюеву и его единомышленнику генерал-майору Штойману[22].

И. Неплюев выступал и за ограничение власти Абулхаира, и за изменение традиционной процедуры избрания ханов, считая полезным “чтобы сами киргиз-кайсацкие ханы ханство получали не по своей людской народной воле, но с высочайшего ее императорского величества соизволения”[23]. Попытки А. Тевкелева примирить хана с И. Неплюевым не имели успеха, а противостояние Абулхаира с видными чингизидами Среднего жуза, главным образом, с Бараком, ослабляло, подтачивало его силы. В то же время, видимо, Абулхаир поддерживал с султаном Абылаем добрые отношения. Когда Барак, вынашивая план убийства давнего своего соперника, направил в ставку Абылая “шпиона”, дабы заручиться его поддержкой, тот, “разгневанный коварными помыслами”, выпроводил того из пределов своего улуса[24].

Внезапную смерть Абулхаира, почти 30 лет находившегося в эпицентре бурных событий, помимо других обстоятельств, следует объяснить прежде всего его желанием всеми мерами вытеснить с политической арены своих политических конкурентов, с целью добиться подчинения казахов своей власти, кочевавших в районе Аральского побережья, Хивы, где какое-то время сам ханствовал до оккупации региона войсками персидского шаха Надира; некоторое время держался в том ханстве в качестве правителя и наследника Абулхаира – Нуралы. Велико было желание Абулхаира упрочить свои позиции в Среднем жузе, где некоторым влиянием пользовался его сын, султан Ералы. Это обстоятельство усиливало к нему недоверие со стороны хана Абулмамбета, противодействие султана Барака, по-прежнему считавшего его выскочкой, не собиравшегося позволить хану Младшего жуза прибрать к своим рукам бразды правления в Среднем жузе, опираясь на российскую администрацию.

Султан Барак не был противником сближения с Россией: его доверенные лица были приглашены в Петербург, он давал клятву на верность, был обласкан императрицей. А потому причину смерти Абулхаира следует искать во внутрифеодальной борьбе, жертвой которой он стал в августе 1748 г., попав в ловушку, ловко подставленную его личным соперником, тем же Бараком, который, однако, был оправдан судом биев, а спустя два года умер сам, по

слухам – отравленный одним из местных правителей вблизи Туркестана[25].

Избранием Нуралы – старшего сына погибшего хана заканчиваются 40-е годы, полные драматических событий, в том числе очередным ожесточенным этапом казахско-ойратского противостояния, смертью двух непримиримых личностей – Галдан-Цэрена в 1745 г. и Абулхаира в 1748 г. В первом случае началась борьба за власть в ойратском ханстве, подточившая силы некогда могущественной страны, которая вступала в полосу последней фазы своего существования; во втором, наступил период постепенного ослабления ханской государственности, создававший почву для открытой военно-казахской колонизации Казахстана.

*Я начну небольшой рассказ,
им украсив наш скромный пир,
пусть живет среди нас
хан известный Абулхаир.*

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ АБУЛХАИР ХАНА

**“Доколь р. Яик не высохнет, киргизский народ
от нее не отлучится” (Абулхаир)**

Вторая половина 40-х годов XVIII в. ознаменовалась для Абулхаир хана [1] чрезвычайно острыми событиями, прежде всего обусловленными усилением открытой оппозиции его к политике России, в которой явно стали проявляться факты административно-колониального давления.

Постепенное ослабление ойратского натиска, прежде всего вызванное смертью выдающегося полководца, политического деятеля Галдана-Цэрена, а также внутренними раздорами, последовавшими между его прямыми наследниками в самом ойратском стане, несколько уменьшило напряженность во взаимоотношениях двух соседних стран, уже почти полутора веков враждовавших между собою.

Казахстан за долгие годы изнурительного противоборства с ойратами почувствовал заметное облегчение, благоприятно повлиявшее на его основные жизненные интересы. Но минувший период наложил глубокий отпечаток и на процессы внутреннего развития трех жузов: дифференцированная обособленность жузов все более превращалась в негативный фактор, как и прежде втягивая автономные этнополитические объединения в частые столкновения.

В особенно сложном положении оказался Младший жуз, более тесно переплетенный в своем развитии с политикой России, в большей степени, нежели Средний жуз, где влияние имперской структуры власти незначительно, в чем, естественно, роль виднейших султанов Абылая и Барака была очевидна ввиду окончательной перекочевки Абулмамбет хана в Туркестан.

Помимо множества факторов отмеченное обстоятельство было отчасти связано с бесконечными интригами Абулхаира, который, опираясь на сына Ералы, тогда управлявшего киреевцами и тарактинцами, всеми доступными средствами выталкивал тихого, маловлиятельного хана Среднего жуза с далеко идущей целью вообще прибрать громадный район в руки своего клана, ради

достижения давно вынашиваемой идеи – установить свою эгиду над всем Казахстаном.

Его затейливые действия находили, однако, отпор со стороны того же султана Барака, позже всех решившегося встать под стяг России, исходя из политических соображений – не дать своему давнему сопернику упрочить свои позиции в смежных землях двух жузов, расстроить его планы. Вот почему Абулхаир с раздражением воспринял известие об отправке Баракком своего посольства в Петербург во главе с султаном Ескендиром ко двору племянника царствующей императрицы Елизаветы Петровны, будущего царя Петра Федоровича III по случаю объявления его в 1746 г. наследником престола.

Барак неожиданно удостоился тогда “милостивейшей грамоты”; “его поступок был одобрен, «удостоился похвалы за распространение купечества» в Оренбургском крае [2]. Однако Абулхаир обладал достаточным опытом в борьбе со своими политическими недругами внутри казахского общества; более сложным, да и для него небезопасным оказалось противостояние с главным вершителем судеб обширного края – И. И. Неплюевым. Хотя Абулхаир как правитель Младшего жуза, прежде трижды покаявшийся на верность Петербургу, в случае ойратских вторжений “со всем домом для лутчей от зенгорцев безопасности” [3] мог рассчитывать на благосклонность комендантов военно-инженерных баз в приграничных районах, нежели те же Абулмамбет или султан Барак. Он и его сыновья удостаивались, лучше сказать, добивались различных от Оренбургских администраторов подарков” [4].

Абулхаир хан как дальновидный, тонкий политик востока уже в скором времени все явственнее понимал угрожающие последствия административно-политического натиска Оренбургского губернатора, а потому всякий раз, когда тот надменно игнорировал его требования относительно пагубности для номадов постепенного сужения ханских функций и политической автономии Младшего жуза, он дерзко входил в пререкание с И. И. Неплюевым, воочию убедившись в угрозе, которую таят в себе масштабы строительства крепостей на берегу Яика и вблизи ханских кочевий.

И. Неплюев так же осознанно ускорил процесс ослабления и дискредитации института ханской власти, видев в лице Абулхаира стойкого зачинщика традиционных структур местных форм управления. Между прочим, Абулхаир поддерживал доверительные контакты и с князем В. Урусовым, умершим от цинги в июле 1741 г. [5], и с образованным организатором горнозаводских дел, историком В. Н. Татишевым, несколько снисходительно смотревшим на чрезвычайно бурную деятельность хана, ибо И. Неплюев с самого начала своего

пробытия и в т. ч. в период жестокого подавления башкирских восстаний, опирался прежде всего на солдатские штыки.

Абулхаир в конце 40-х годов XVIII в. более решительно выступает за консолидацию трех жузов, а внутри Младшего жуза за упрочение традиционного единства. В этом проявилась его непримиримость к феодальной разобщенности, в которой хан видел печальный фактор тенденции к расширению позиции ряда старшин, султанов, державшихся российской ориентации. И все меры И. Неплюева в Младшем жузе хан рассматривал через призму реализации стратегических задач России, покорившей башкирские восстания посредством натравливания их старшин друг на друга. Во время одной из встреч с И. Неплюевым правитель Младшего жуза дал тому знать о своем видении последствий внутри феодальной вражды, «которая-де змея имеет одну голову, а хотя многие хвосты, то де за голову все хвосты в нору легко проходят, а буде многое число голов, хвост хотя один то-де в том затруднение»[6].

Другой раз обидчивый хан настолько был рассержен на И. И. Неплюева, что более не желал встречи с ним; «став со стула, не прощаясь, пошел, выговоря притом, что он то не из под сабли, но из воли своей в подданство и вступил»[7].

Хотя Абулхаир и осознавал суть проводимых царскими наместниками мер в Зауральской окраине, он из человеческих побуждений лелеял надежду на поддержку В. Н. Татищева, у которого были явно натянутые отношения с И. Неплюевым, слепо полагаясь на благосклонность последнего, гораздо глубже вникавшего в суть положения, в котором оказались «иностранцы» Южного Урала и смежных земель вследствие массивированных устремлений расширявшейся к востоку Российской империи.

Абулхаир писал своему старому знакомому, ныне Астраханскому губернатору: «Здешний же мой знакомый генерал Неплюев меня совсем оставляет для того, что ежели, когда случится по прошению моему из людей кого отпустить или содержать, то он ничего не исполняет...» [9].

В осложнении взаимоотношений между ханом и И. Неплюевым в некоторой степени сыграли и личные амбиции, семейные проблемы великого человека. Хан был склонен держать собственных детей в поле зрения своей повседневной деятельности, особенно когда это касалось сыновей от первой жены – Попай ханши.

Почти десять лет томился в аманатах со своей семьей в Оренбурге Кожаммет, которого отец намеревался заменить также собственным отпрыском, Шынгысом, рожденным от побочного брака – ойратской невольницы. А. Левшин справедливо замечал в данной связи: «Причиною сих дерзостей был опять хан Абулхаир,

который не переставал питать ненависть к Неплюеву, досадовал, что двор не удовлетворял его жалобу на Пограничное начальство, не возвратил Кожаммета, а потому решился мстить русским»[10].

Видный исследователь В. Н. Витевский также солидарен с А. И. Левшиным в растолковании повода столкновения двух непримиримых личностей – Абулхаира и царского губернатора. «Удаление Кожаммета из пределов Оренбургского края до того ослабило Абулхаира, что он стал открыто выражать свое недовольство и даже подстрекал киргиз к нападениям на русские границы»[11].

Увы, представители русской историографии обращали внимание лишь на внешние обстоятельства, вызвавшие столь жесткое их противоборство, оставив при этом в стороне политические мотивы противостояния, на чем мы выше акцентировали внимание, увязав проблему с колониальными устремлениями Петербурга.

П. И. Рычков, более сведущий в раскрытии истинных мотивов происходивших событий, к тому же очевидец фактов той поры, более того ревностный исполнитель замыслов Оренбургского губернатора, признав «непримиримость их вражды», также отмахивался от анализа объективных причин их раздора»[12].

Однако неоднократные случаи нападений казахов Младшего жуза на приграничные селения, Южноуральские крепости истолковывать лишь личными мотивами, т. е. задержкой Кожаммета в российских пределах, а затем отправкой его в Казань, далее в Петербург – однобоко; массовые угрозы выступлений казахов на линии в 1745, 1746 и 1747 годах следует рассматривать прежде всего как политический акт, протест против ограничения ханских функций, строительства крепостей. Самое крупное выступление произошло в середине февраля 1746 г.: казахи, отчаянные сторонники Абулхаира, двумя колоннами обходя ящике крепости, а также форпосты, расположенные ниже Гурьева городка, по льду Каспия внезапно перешли на Волжскую сторону, беспрепятственно прорвались к Красному Яру, «учинили нападение на Калмышский улус и оной» разграбили. «Конские и скотские красноярских жителей и калмышские табуны в великом числе состоящие отогнали и рыболовных русских людей станы ограбили и притом увезли с собою русских и калмык 38 человек»[13]. Действуя в российских пределах, вооруженные изрубили 55 человек насмерть, захватив в плен более 600 человек; казахские отряды отогнали 2477 голов скота, ограбили табуны Астраханского купца Леонтия Бокова[14].

Эти нападения на мирные селения, не оправданные по своим политическим целям, однако, явно усугубили ситуацию в приграничной зоне, еще более усилив подозрительность властей в отношении Абулхаира; к тому же ситуация вокруг этого события осложнялась ввиду принадлежности разгромленных калмышских

улусов к подданству России, ответные действия которой против казахов ожидалась незамедлительно, ибо помимо других факторов недовольство Оренбургской администрации усиливалось пленением русских жителей. Подбивая своих поборников на открытое выступление, Абулхаир преследовал далеко идущие по своим последствиям цели — подговорить казахские аулы в смежных с Россией районах откочевать вглубь степи, тем самым продемонстрировав открытое неповиновение, надеясь вынудить Российскую сторону воздержаться от военно-колониальных акций в крае. Тот факт, что он “вздумал заставить всех киргизцов откочевать от пределов России”, как об этом писал исследователь Л.Мейер, говорит о радикальных изменениях в позиции самого Абулхаира, лихорадочно подыскивавшего всякие варианты ослабления влияния империи в Младшем жузе [15].

Тайный статс-советник воспользовался данным случаем, продолжая убеждать Коллегию иностранных дел решиться на более жесткие шаги в целях дискредитации как личности хана, так и института ханской власти. 23 сентября 1746 г. И.Неплюев донес в Коллегию иностранных дел: “...Абулхаир обнадеживал меня отдачею людей, взятых кайсаками прошедшею зимою при Красном Яру... Я и не сомневался, ...что он звериному и коварному своему обыкновению в непристойных терминах мне выговор чинит...” [16].

Вооруженное выступление сторонников Абулхаира, явный факт проявления его желания сохранить известную независимость Младшего жуза сильно беспокоило Петербург, и конкретным выражением противодействия России против его намерений явился запрет продавать казахам оружие защиты или борьбы. Содержание секретного указа Сената от 27 июля 1747 г.: “Наикрепчайше смотреть, чтоб от российских подданных всякого чина оным киргизцам всякого ружья, пороху, кремней, свинцу как же в деле, как и во всякой работе какого звания ни было отнюдь продавано и никаким образом отдавано не было...” [17]. Однако старшины, султаны, по-прежнему придерживавшиеся односторонней позиции, заметно усугубляли действия хана, хотели того или нет выступали пособниками царизма. И. Неплюев в достаточной степени был осведомлен о непоследовательных действиях зачастую колебавшихся ряда влиятельных старшин, батыров, испытывавших ненависть к хану. Оренбургский губернатор, наработавший достаточный опыт в дипломатической службе в восточных странах и получая из степи известие о недовольстве действиями Абулхаира, и о некоторых будто бы собиравшихся убить его, ловко пользовался непоследовательными действиями таких местных чингизидов, перетягивая последних на свою сторону.

Долгие годы господства в идеологической сфере коммунистических воззрений индивидуум Абулхаира, особенно его

противостояние с Оренбургским губернатором, отодвигался на второй план. Мнение М.П. Вяткина, что хан выглядел в глазах феодальной верхушки “высочкой”, приобрело тогда широкую огласку, иных рассуждений не допускалось, а факт его борьбы против всемогущего Оренбургского правителя отмалчивался. Становилось явным, что И. Неплюев довел свое отношение с Абулхаиром до крайнего обострения и никак не мог разругать мирно, без напряжения, натянутый узел противоречий.

Вспомним о Тевкелеве, к которому с доверием проникся знаменитый хан; и тот, в свою очередь, отплачивал тем же; более опытный в восточных делах, он прежде всего отдавал предпочтение поиску взаимоприемлемых вариантов согласованных решений. Это, по-видимому, и послужило достаточным основанием, чтобы Коллегия иностранных дел России опять, уже в третий раз (после 1731, 1734 гг.) обратилась к услугам бригадира А. Тевкелева, близкого не только к Неплюеву, но и к семейству казахского хана, особенно к его старшим сыновьям Нуралы, Ералы, а также, что очень важно, Попай ханше, с нетерпением и надеждой ожидавших возвращения в ставку хана старого друга ханского клана.

Перед опытным дипломатом стояли запутанные задачи: “Отвратить киргиз-кайсака” от антирусских намерений, “воровских побегов”; отобрать русских пленных в аулах, а также вернуть угнанный скот; Кожамету заменить другим сыном; помирить хана с Неплюевым. Эти инструкции были вручены А. Тевкелеву в канцелярии Коллегии иностранных дел; более того, его снабдили дополнительными наставлениями, как ему действовать; главное назначение миссии А. Тевкелева выразилось в достижении очень сложной задачи, от которой, по существу, зависело осуществление других вышеотмеченных требований: Абулхаира с Неплюевым “в согласие и дружбу привести” [18], более того, Тевкелеву предписывалось переговорить с ханом по поводу его жестокого обращения с переводчиком Арсланом Бекметьевым, которого хан арестовал и бил плетью; Коллегия иностранных дел велела татарскому мурзе напомнить Абулхаиру “О непристойных, грубых терминах”, употребившихся последним в письмах к Неплюеву [19]. Особенно трудноисполнимым оказалось напутствие Коллегии иностранных дел “под видом дружбы с Абулхаиром” сообщить ему разрешить калмыкам, волжским, донским, терским казакам “идти на киргиз-кайсаков на отмщение всеми их соединенными силами и пушками”; это требование задевало интересы самого хана и в случае согласия его под видом “отмщения” за прежние нападения на них. Младший жуз оказался бы беззащитным для беспрепятственного ввода регулярных войск России.

Недоверие Коллегии иностранных дел к хану в свою очередь отталкивало его от Оренбургской администрации, побудив

сколотить вокруг себя всех недовольных политикой империи. Такая тенденция у реального правителя Младшего жуза усиливалась тем, что его супротивник И.И. Неплюев тоже не дремал, притягивая на сторону последнего недругов хана, которых в конце 40-х годов было немало внутри казахского общества. Абулхаиру удалось выяснить попытки Оренбургского губернатора создать антиханский альянс, в одностороннем порядке заводя странные, негласные контакты со старшинами и султанами, не разделявшими желание хана объединить громадные районы Младшего жуза в ущерб позиции ряда местных чингизидов, наоборот действовавших наперекор его позиции. Так, 3 августа 1747 г. И.И. Неплюев обратился в Коллегию иностранных дел об установлении им «сношений со старшинами», минуя Абулхаира. «По зверским и злоумышленным хана поступкам принужден был я между того киргизского народа кредит (читай престиж — Ж.К.) его опровергнуть и через старшин о продолжении покоя стараться, обнадеживая их от здешней стороны безопасностью, стращением непустимого отмщения ежели на что поползнуться» [20].

Коллегия иностранных дел с опаской следила за действиями недремлющего хана как внутри Орды, так и за ее пределами, рассматривая в нем единственного в те годы реального врага, кто мог безоглядно ополчаться против стратегических планов империи присоединить к ней огромные степные просторы. Единственный прозорливый политик в Зауральской окраине предвидел возможные военные акции царизма в регионе, противоборство хана Абулхаира с Абулмамбет ханом и влиятельным султаном Бараком не следует рассматривать лишь как проявление его желания стать великим ханом всех трех жузов. Хотя в некоторой степени, видимо, и не следует исключать такого его тайного замысла; однако надо полагать, что энергичный хан осознавал вероятность объединения казахских жузов с дальнейшим укреплением политического единства страны, лишь в этих условиях способной противостоять против все более обнажающихся, далеко идущих планов колонизации обширного края. Даже после убийства Абулхаира 26 августа 1748 г. И. Неплюев следующим образом представлял свое видение мотивов его гибели, по своему раскрывая суть дела так, как будто бы его интриги против тех же чингизидов послужили причиной трагедии в степи. «Государственная Коллегия иностранных дел изволит довольно знать сколько, с каких интриг от Абулхаир хана Меньшей Киргиз-Кайсацкой орде и какие он только вне, но и внутри орды между тамошними владельцами беспокойства производил, особливо над владельцами Средней Орды Абулмамбет хана и Барак солтана, время от времени усиливаться искал, т.е. хана интригами своими до того привел, что он орду оставить и к Туркестану ретироваться принужден» [21].

Причины же раздора Абулхаира с Абулмамбет ханом, да и султаном Бараком российские администраторы объясняли как-то однобоко, связывая это обстоятельство лишь с более низким по сравнению с упомянутыми чингизидами происхождением хана. П.И. Рычков, внимательные наблюдения которого позволяют исследователям более достоверно воссоздать сложные перипетии ситуации как в Оренбурге, так и в ханской ставке, также повторяет эту версию. «Они род свой ставят гораздо выше, нежели оное поколение, от которого Абулхаир произошел» [22]. Неплюев помнил записку своего покойного предшественника князя В.А. Урусова, в которой тот зафиксировал случай, когда Абулхаир публично заявляя, что «в подданстве и верности пребывать все усердно желает», в то же время «отговариваясь большим расстоянием», в 1740 г. оттягивал свой приезд в Орск [23].

Абулхаир, собственными глазами видевший кровавые следы расправы В.А. Урусова, его предшественника И.К. Кириллова, да и сам в одно время принимавший участие в усмирении восстания башкирского народа, и не допускал мысли о военной конфронтации с царскими карательными силами в случае перерастания его тайной борьбы за сохранение полномасштабных функций института ханской власти в широкомасштабную борьбу. Значительный контингент регулярных сил в 5878 человек солдат вблизи его владений побуждал Абулхаира действовать иными методами, лихорадочно объединяя усилия влиятельных старшин, особенно прославленных батыров, к которым народ питал особые чувства благоговения, как к участникам кровавых драм недавней, теперь утихающей борьбы с ойратами. Это знаменитый не по происхождению, а по отваге Жанибек батыр из рода Шакшак, удостоенный почетного звания Тархана, «который почти всегда Абулхаир хана больше, нежели Средней Орды придерживался», старый, мудрый Есет батыр, которому правительство также присвоило звание Тархана. Голос мудреца значил для судеб народа больше, чем поддержка хана многими другими популярными личностями. Неизвестный поэт отразил это в следующих поэтических строках:

*Сбор собрали, держали речь
Бокенбай, Жанибек, Есет,
Порешили судьи беречь
Справедливый ханский Совет!*

Явную политическую предприимчивость хана на исходе 40-х годов XVIII в., помимо отмеченных обстоятельств, можно было бы объяснить и внешнеполитическими факторами. Кончина «его светлости Галдан-Цэрена», закат былого могущества Ойратского

ханства возвышали роль Абулхаира в условиях, когда “Зенгорское войско Средней и Меньшей Киргис-Кайсацкой орды разоряли”, хотя и при преемниках его “требование аманатов присылки посланцов” [24], не прекращалось. К тому же владелец Младшего жуза, находившийся в почти недоступном расстоянии от ойратских пределов, приобретал особую значимость в глазах новых, малоопытных контайши Джунгарии хотя бы по двум факторам: во-первых, хан оставался в глазах государств Центральной Азии как один из “устойчивых верноподданных” России, военное могущество которой заставляло трепетать даже такое государство, как Китай; во-вторых, ойраты помнили и знали уроки прежних казахско-ойратских отношений и личную отвагу Абулхаира в спасении Казахстана от иноземных нашествий. Налицо было явное противоборство Джунгарии и России. Раздраженный Гадан-Цэрен еще в 1744 г. как-то робко предостерегал российскую сторону, утверждая, что “оные кайсаки не Ваши, а ты их посторонних называешь своими” [25].

Абулхаир также постигал то сложное положение, которое испытывали две соседние страны – Джунгария с нескрываемой боязнью поглядывала на усиливающуюся в Пекине тенденцию скрестить шпаги с ойратами и включить ее земли в состав Маньчжуро-Цинской династии; с другой стороны, шаткость политической ситуации в Петербурге, когда дворцовые перевороты лихорадили политическую жизнь империи, усиливая личные амбиции хана воспользоваться благоприятным моментом, чтобы еще раз как в 1731 – 1734 годах доминировать над другими своими оппонентами, при этом оберегая добрые, взаимоприемлемые контакты с влиятельным султаном Абылаем, женатым на дочери хана – Карашаш, от которой, правда, султан не имел потомства.

Конец 40-х годов ознаменовался расширением военно-колониальных акций царизма в бассейне р. Яик, который с такой настойчивостью ограждал знаменитый хан, понимавший непреходящее хозяйственное значение и историчность кочевий вблизи реки: в письме к И. Неплюеву от 14 сентября 1747 г., находясь в своей осенней ставке, в урочище Кулакши, отважившись не уступать эти земли, хан писал: “И доколь р. Яик не высохнет, так и киргизский народ, даже до преставления от Яика не отлучиться, понеже кроме онаго удобного места, им другого не отыскать” [26]. Ужесточение позиции хана по земельному вопросу возникало в связи с непредсказуемыми действиями атаманов Яицкого казачества, за счет все расширяющихся захватов земли вдоль р. Яик, создававшими затруднения на пути традиционных кочевий местных номадов.

Недовольство действиями казачества, поддерживаемого Оренбургской администрацией, приобретало еще более острый

характер в связи с бесчинствами казачьих частей, при явном попустительстве систематически выжигать пастбищные угодья номадов. Абулхаир был весьма огорчен участившимися фактами “выжигания степи” вдоль левого берега реки, испокон веков являвшегося районом постоянных передвижений номадов во время летних кочевок.

6 мая 1748 г., незадолго до трагической гибели Абулхаира И.И. Неплюев доносил в Петербург о данном им казачеству наставлении во всем препятствовать переходу местного населения на внутреннюю сторону, или же воспользоваться свободным пространством на правом берегу Яика, куда массами спешно стали переселяться казаки; часть земли временно контролировалась волжскими калмыками, установившими свое временное право на пользование в связи с неблагоприятной политической ситуацией для казахов. Как всегда, в подобных случаях, для обоснования экспроприации казахских земель правительство воспользовалось ставшим излюбленным термином “защита от набегов Киргис-кайсак”. И в данном случае тайный советник ловко воспользовался привычным обвинением с целью выжить автохтонных жителей с очень удобного для кочевого хозяйства района. “Для лучшей от набегов киргиз-кайсацких безопасности по ту сторону р. Яика по сношению с яицким комендантом, как можно стараться в осеннее время степь везде выжигать до самого Каспийского моря ..., дабы к переходам до Яика и взморья льдом конских кормов не было ...” [27].

Еще одно обстоятельство, которое требует к себе более сосредоточенного отношения в плане более углубленной дифференциации растущей ханской оппозиции к царскому колониальному аппарату управления, без чего, мы, возможно, не сможем понять, или же произвести верную интерпретацию хозяйственных мотивов постепенного дистанцирования от экономической политики империи. Это отношение хана и Оренбургской администрации к караванной торговле, которая то оживляясь, то затухая, все же как продолжение традиций Великого Шелкового пути, связывала купечество России с азиатскими странами, принося доходы как ханской казне, так и обогащая оренбургских торговцев.

Возникновение нового, такого крупного перспективного поселения, как Оренбург, основателем которого не без основания казахский хан считал себя [28], явилось важным элементом в осуществлении экономической политики России в регионе; объективно новый город оказался удобным пунктом менового обмена и с казахами, привозившими для торговли в значительном количестве и ассортименте продукты животноводства и, главным образом, скот. Здесь нет необходимости в цифровом показе

динамики торговли казахов из владения Абулхаира, осуществлявшейся через новое поколение. Можно только подтвердить это по тарифным ставкам 40-х годов XVIII в. Взаимовыгодный торг в денежном выражении достигал 1 млн. рублей[29]. Да и сведения по Оренбургской таможене и о размерах пошлин, взысканных за торговые операции, говорят о непрестанном возрастании суммы доходов, хотя трудно предположить, в каком же соотношении находился торговый обмен со степными жителями, преимущественно из аулов ведомства Абулхаира: в 1745 г. — 6893 руб., 1746 г. — 8027, 1747 — 12627, 1748 — 19689 руб.[30].

Не подлежит сомнению факт использования ханом проходивших через его владения караванов для достижения им политических амбиций. Особенно это касалось торговцев из Среднего жуза управления султана Барака, а также каракалпаков. В самом начале августа 1748 г. (полагаем 1747 г.) хан попросил бригадира А. Тевкелева склонить купцов проезжать через его владения. “О купцах же ведомства верхних каракалмык (т.е. волжских — Ж.К.) Вас прошу, ежели впредь от своего владения ездить будут, то б ко мне приезжали ...”[31]. Нетрудно понять отрицательную реакцию Оренбургской администрации, изо все сил старавшуюся умножить доходы государственной казны, а не Абулхаира, которого Коллегия иностранных дел рассматривала как похитителя источников пополнения оскудевшей казны империи, когда громадные средства тратились для удовлетворения сиюминутных прихотей фаворитов императрицы Елизаветы Петровны.

Охлаждение И. Неплюева к хану усугублялось и фактами игнорирования, вернее открытого пренебрежения Абулхаира к личному представителю тайного советника Арслану Бекметову, выполнявшему помимо тайных поручений губернатора и обязанности переводчика в ставке хана. На грозное предупреждение И.И. Неплюева разъяснить мотивы его избиения и долгой задержки в аулах хан язвительно ответил: “не отправил для того, чтоб он, будучи у меня, обо всех моих состояниях видел, и Вам бы аккуратно донести мог, — генерал, я то учинил, хотя Вам противно токмо тем хотел страшать здешних плутов”[32].

Неравная борьба хана с облеченным “высочайшей благосклонностью” губернатором рано или поздно должна была иметь своим следствием уход Абулхаира с политической арены. Это и осознавал хитрый хан, который, помогая упрочения своей личной власти, объективно выступал за укрепление устоев ханской государственности и без ведома Оренбурга осмелился пойти на отчаянный шаг, созвав в июне 1747 г. в своем ауле Курултай старшин, в руках которых была сосредоточена реальная власть над родоподразделениями. Об этом в, частности, доносил бригадиру А.И. Тевкелеву старшина сакмарских казаков Кобек,

раздосадованный непослушным поведением ряда влиятельных биев, батыров, державшихся пророссийской ориентации в ущерб задачам общенациональной консолидации. Хан выступил с речью, проникнутой “великой горестию и сердцем и с немалым криком и почти с бранью”. Еще раз не преминул напомнить собравшимся о своей заслуге, что он в числе других виднейших ревнителей смог уберечь государственность от опустошительных вторжений ойратов, обратившись к русской императрице. “Он, Абулхаир, сию благодать и неизреченное сокровище Киргис-Кайсацкое нашол один и без них всеподданнейше просил е.и.в., чтоб как ево, так и всю Киргис-Кайсацкую орду соизволила всемилостейше указать принять в подданство России”[33]. Хан сердился на своих соотечественников, что не все осознавали тогда значение его поступка, увидев в его политическом шаге акт односторонней акции в целях утоления жажды власти, возвыситься над своими оппонентами, опираясь на российский щит, ... и тогда, они “не токмо киргис-кайсацкие старшины и весь народ, от него, Абулхаир хана были недовольны, но зло с ним поступили, без их совету и согласия оное учинил и просил быть в подданстве ...”, — сокрушался хан. Хан, стыдя собравшихся, убеждал Курултай на то относительное спокойствие, которое установилось благодаря его прозорливости. “Несмотря на неразумное дурачество, от своего прошения не отрекся и крайне старался оное действительно совершить. Абулхаир поступил не для себя, но для пользы и спокойного житья всего киргис-кайсацкого народа ...”[33].

Увы, мы не располагаем решениями всенародного собрания, впервые после “Актабан шубырынды — Великого бедствия”, созванного по инициативе хана. Представляется резонным предположение, что этот случай, с одной стороны, следует рассматривать как факт демонстрации его четко наметившейся особенной позиции, с другой, попытку еще крепче склотить своих единомышленников в двух смежных жузах в целях блокирования усилий тех, кто разделял его опасение от фактически самочинных действий колониальной администрации. Более того, хан на свой риск и страх, созвав Курултай выразителей интересов политической автономности, не мог не знать о последствиях своего шага, вполне резонно полагая на скорую информированность Оренбургского губернатора об этом Курултае.

Чрезмерная активность опального хана, хотя на сей раз и позволила ему собрать ярых приверженцев восстановления былых функций чингизидских ветвей, стосковавшихся по единой государственности эпохи Аз-Тауке, но не смогла сказать яснее, избудоражить умы находившихся на распутье, сомневавшихся в его чистых замыслах. Как ни старался Абулхаир упрочить свои позиции в собственном владении, устои ханской власти настолько

оказались зыбкими, что, увы, ни его энергичные действия, ни громадное влияние среди номадов не были в состоянии возродить былое значение чингизидской славы.

К тому же, последовательное проникновение русского влияния в степи, меры по активной миграции русского населения ослабляли институт ханской структуры управления. Представляется обоснованным предположение, что если бы не убийство его султаном Баракком, то в любом случае вследствие вероломных, разновариантных, комбинированных действий Оренбургской администрации он оказался бы не у дел.

“Великий интриган”, как его охарактеризовал И. Неплюев, своими незаурядными личными качествами еще был в состоянии как-то продлить на некоторое время свое пребывание у власти. Такие исследователи XIX в., как В.Н. Витевский, А.И. Левшин, даже живой свидетель той бурной эпохи П.И. Рычков, апологетически, с точки зрения интересов русской власти оценивали политику и деятельность Абулхайра в конце 40-х годов XVIII в., видя в его борьбе против колониальных акций царизма стремление не допускать расширения присутствия России. “Долго-бы еще пришлось бороться Неплюеву с Абулхайром, если бы в 1749 г. (1748 – Ж.К.) не убил его во время междоусобной вражды султан Барак, положивший предел дальнейшим замыслам Абулхайра, — писал В.Н. Витевский, один из рьяных сторонников русского монархизма[34].

Мы достаточно подробно изложили различные версии об убийстве хана Баракком, увязав это с событиями, происходившими в смежных землях (см.: Касымбаев Ж.К. Титулованный убийца. Очерки жизни и трагедии Барака. Столичное обозрение, 1998, NN 16, 20, 23, 24).

В данном же случае, избегая возможных повторений фактологических материалов, мы бы хотели предложить вниманию благосклонных читателей те детали, непосредственно сосредотачивающие наше внимание на том, что было связано с его личной судьбой в момент горькой трагедии, случившейся в начале августа 1748 г.

Представляется бесспорным, что поводом к столкновению степных гигантов[35] Абулхайра и Барака послужила вражда за влияние на каракалпаков, ограбление ханской свитой подарков (калыма), отправленных султаном Баракком своему будущему зятю, хивинскому хану Кайыпу[35], обязанному своим восшествием на трон персидскому шаху Надиру. У нас нет оснований опровергать эту версию, ибо она с некоторыми оговорками повторяется и в архивных, и в печатных документах. Барак султан также не исключал возможные, неприглядные последствия покушения на жизнь хана, ибо дети последнего, как объявлял “собственный

человек” Абулхайра, Итжемес, “зберутся в одно место, то де у них будет великая рубка”[36].

Не входя в подробности кровавой свалки в степи, еще раз сопоставим версию его убийства: казачий урядник Федор Найденов, собравший сведения в аулах об этой драме, говорит: Барак “из своих рук саблей отрубил ему голову”[37]; другой вариант убийства хана приводит И.И. Неплюев в письме Коллегии иностранных дел: “Бараковой одним киргизцом так жестоко ударен копьем, что и с лошади упал, а Барак де салтан, сверх того, слезший с лошади своей, ево хана уже лежащего раза 3 в живот приколол. И тако он, хан того же часа и умер, и Барак, с своими людьми отъехал”[38].

С особым рвением усердствовал Сарымбет, приближенный Барака; “по поручению его, с дипломатической миссией посетил столицу, который и стащил хана с лошади, с остервенением нанося своему государю удары, и только после этого прискакал султан, заколовший хана ножом”[39].

Итак, хан погиб на 56-м году жизни, будучи жизнедеятельным, в расцвете сил, с ним ушла целая эпоха — эпоха Абулхайра. Некоторый интерес представляет так называемое “посмертное письмо” хана. Оно адресовано А.И. Тевкелеву в Оренбург, было получено 26 августа. Письмо будто бы составлено за несколько дней до его смерти в доме близкого сторонника хана Кидай бия. По мнению А. Добросмылова, оно никак не могло быть написано в канун смерти, которую и сам Абулхайр не предполагал. Исследователь считает автором этого письма Попай ханшу, отличавшуюся большим умом и некоторым тактом. “Эти качества были известны пограничному начальству, которое не раз старалось влиять чрез нее на самого Абулхайра, задабривая ее подарками”, — писал А. Добросмылов, подтверждая свою версию[40]. К тому же письмо никак не могло быть написано известным батыром Жанибеком, одним из приближенных Абулхайра, который подарил ему одну из пленниц — калмычку, давший основание для ошибочной, увы, вследствие широко распространенной версии о нем, как о, якобы, зяте хана. Однако, все дошедшие до нас источники в один голос твердят о факте самых близких общений первого тархана с ханом Младшего жуза.

Хотя в последние годы в отношениях хана и тархана Среднего жуза наметились явные трещины, Жанибек оставался верным дому Абулхайра, хотя не следует исключать некоторую сдержанность прославленного батыра в отношении политики хана по вопросу расширения российского присутствия в регионе. Мы уже касались этого сюжета в предыдущих публикациях (Столичное обозрение, N26, 1998г); в данном же случае не повторяя изложенный материал об отношении тархана к Баракку, затрагиваем этот аспект лишь в

контексте выявления личного участия батыра в судьбе фамилии Абулхаира.

14 сентября 1748 г. тархан писал И.И. Неплюеву: "... много с Вами неоговоренного ничего не осталось. ... доношу, что Абулхаир хан по ссоре за каракалпаков Бараком султаном убит до смерти. Того ради прошу Вашего благоразумного в то наставления, что Вы прикажете о том злодее учинять"[41]. Содержание письма опровергает старую версию, что тархан был автором "посмертного письма" хана. Более того, оно было адресовано А.И. Тевкелеву, который, как мы уже заметили, с завидным постоянством относился к дому Абулхаира еще при его жизни, отчетливо предполагая, что тем самым он навлекает на себя гнев более высокого по чину и занимаемой должности человека — И. Неплюева.

Однако, как мы предполагаем, составитель письма, т.е. ханша Попай, заранее предполагала, что получатель сего полковник А.И. Тевкелев, соблюдая субординацию, непременно покажет письмо Неплюеву, или, учтя частный характер этого эпистолярного документа, изложит ему его подробности.

Главное назначение письма — заручиться согласием Оренбурга расправиться с Баракком и его единомышленниками. Но документ помимо отмеченного обстоятельства был нацелен убедить А.И. Тевкелева, а через него — губернатора в реализации прежнего согласия Коллегии иностранных дел избрать ханом одного из потомков почившего хана.

Умная Попай ханша не могла не заметить все более обнажающихся расхождений между супругом и Оренбургским начальством. Хотя в казахских семьях той эпохи женщины обладали относительной свободой, однако характер взаимоотношений не доходил до эмансипации в современном понимании этого понятия. Женщины, отчасти даже незаурядные, стояли вне государственных дел. Тем более такая цельная натура, как Абулхаир, не допускал ее вмешательства в дела государственной важности, хотя она действительно обладала редкими качествами, порою несвойственными для супруг степных властелинов. Однако хан погиб внезапно, не успев выразить свое отношение по самому важному вопросу — кто же займет ханский престол? Поддержит ли И.И. Неплюев его старшего сына — Нуралы, или на трон сядет еще заметная фигура в Младшем жузе брат Абулхаира — Булхаир?

На долю ханши Попай выпала очень сложная миссия — добиться избрания одного из сыновей вместо умершего, сохранение прежнего значения ханского клана. Попай ханша, на редкость энергичная, старалась выиграть время с целью изменения чаши весов в свою сторону, к тому же располагая информацией с почти безразличной позиции Коллегии иностранных дел, смотревшая на

убийство хана как на дело "личной вражды соперников за власть над каракалпаками" и со своей стороны полагала рискованным отправить войско для привлечения к ответственности убийцы хана — султана, также российского подданного. "Прошу нарядить 3000 человек, 1000 русских, 1000 калмык и 1000 башкирцев, и при них 10 пушек и велеть, сообщаясь с моими доброжелателями Алгинского роду людьми, ехать в мой улус и, обороняя мой дом от разорения и мою погибель над Средней Ордой отмстить"[42], — предлагал автор письма, домогаясь выделения воинского контингента для борьбы со сторонниками Барака. Коллегия же, остерегаясь быть втянутой в конфликт между видными чингизидами — подданными России, "желела Неплюеву в дело мести над Баракком не мешаться и смотреть на такие их поступки сквозь перстов"[43]. Недовольство хана, которое он испытывал к царскому правительству, было выражено в письме, в первую очередь: "Обещали Вы меня содержать на сем свете без всякой печали, токмо я опечален остался. Дай боже, нам отныне видится уже на том свете ... имеющихся у Вас Айчювак солтана с знатных алчинских биев, детей прошу в печаль не допускать ..." [44].

Попай ханша, как и все женщины, особенно чингизидского происхождения, чрезвычайно трепетно оберегала своих сыновей от превратностей судьбы. Ханская вдова с явным усердием обращала внимание А. Тевкелева на сохранение особого отношения к ханским детям, которые согласно степным обычаям воспитывались в особом режиме: муллы учили их арабской письменности, военные упражнения были для них делом чести. Сопровождая своего беспокойного отца, дети приобретали опыт по ведению дел в ханстве. "Прилежнейше прошу, хотя при жизни моей того не учинили, то ныне во удовольствие моей Попай ханши, детей и народа, и, чтоб дети мои в сиротстве в печаль допущены не были, оное учинить"[45].

Ханша умоляла А. Тевкелева помочь клану Абулхаира отомстить за предательское убийство, призывая старого знакомого погибшего "с протчими неприятелями искоренить и тем приятелей (хана — Ж.К.) обрадовать и сию погибель, паки прошу без отмщения не оставить"[46]. Смерть "великого интригана" (И. Неплюев), "великого падишаха" (Нуралы) настолько потрясла всю степь, ввергла в шок Оренбургское начальство, что и Коллегия иностранных дел, и Оренбургская пограничная комиссия, впервые со времени дачи клятвы хана на верность Российской империи, вдруг столкнулись с необычным явлением, рассматривая этот случай как столкновение двух непримиримых противников, вовсе не вникая в суть более глубоких обстоятельств, вот уже почти четверть века влиявших на взаимоотношения двух гигантов. Российские чиновники, привыкшие к дворцовым переворотам в

Петербурге, опираясь на гвардейские штыки, стаскивали с трона законных государей так же легко, как и с легким сердцем сажали на трон других. Внешнее отличие заключалось в том, что сторонников свергнутых ссылали в далекую Сибирь, лишали высоких чинов, знаков отличия. В Младшем же жузе после коварного убийства хана участники гнусного злодейства спокойно кочевали в степи; кровожадные клеветы Барака – Намаз, Иманали Дуйсенбаев, Бигильдик, Сарымбет, которые были повинны в этой трагедии, несколько лет при попустительстве Оренбургского начальства чувствовали себя вольготно, возможно, только лишь испытывая угрызения совести, что стало слепым орудием в руках незадачливого султана Барака. Бездействие властей сильно омрачало не только разветвленный клан знаменитого хана, но и порождало ропот недовольства даже в стане тех, кто в недавнем прошлом уклонялся от Абулхаира, считая его “главным агентом” царского правительства в казахских степях[47].

Опять-таки заботу об умножении посмертной славы и обережении интересов ханской фамилии взяла на себя та же энергичная вдова Абулхаира. Она сразу же после предания земле праха умершего мужа спешно отправила в Оренбург несколько писем, изо все сил пытаясь сохранить в руках его наследников трон, стараясь вызвать сочувствие у Тевкелева и Неплюева. Кроме “посмертного письма” в архивах сохранилось несколько обращений ханши, отправленных через доверенных лиц, таких, как Кудайберды “с товарищами”. Некоторые из них в советскую эпоху опубликованы в сборниках документов и материалов, как, в частности “посмертное письмо” хана, которое, как мы уже говорили, ей принадлежало. В фондах Государственного архива Оренбургской области также хранится ряд ее писем, адресованных А.И. Тевкелеву и И. Неплюеву. Одно из них, датированное 13 сентября 1748 г., предназначалось тайному советнику и представляло собой ответ сочувственному обращению Оренбургского губернатора. Факт, на который следует сосредоточить акцент – это то, что ханша подписывает все свои письма в Оренбург сообща, от своего и от имени своих детей, чаще всего Ералы султана.

“Я печального состояния Попай ханша”, далее упомянув имена Ералы и Кожамета султанов, она благодарит Неплюева за письмо-соболезнование, которое было доставлено в аул ханской вдовы через переводчика Якова Гуляева. “Я только было хотела со известием к Вам послать то об Вас уже к нам посланные уже прибыли. И хотя я Вас в дальности нахожусь, однако сердцем моим к Вам в близости”[48].

Как никогда она нуждалась в искренней поддержке влиятельных султанов и биев.

Конец 40-х годов XVIII в. – время резкого возвышения

знаменитого хана Абылая, и ханша прилагала немало усилий, особенно через султана Ералы, с целью расширения более доверительных контактов с Абылаем. Это было тем более очень важно в условиях явного раскола общества на два противоположных лагеря, один из которых возглавлял тот же султан Барак, действия которого против Абулхаира хан Абылай вовсе не разделял, что сильно тревожило убийцу. И ханша намекает И. Неплюеву “о всеобщем с Абылаем согласи”[49].

В канун убийства Абылай и Ералы султаны, не без рекомендации Абулхаира, совершили поход против верхних каракалпаков. Хотя султан Ералы пишет, что военные действия были совершены “по приказу его родителя”, мы полагаем явно преувеличенным тон ханского сына, ибо Абылай наряду с Баракком после откочевки Абулмамбета в Туркестан оставался реальным соправителем Среднего жуза, и вряд ли Абулхаир мог позволить себе превысить свои полномочия, предписав независимому султану совершить дальний поход. Все же представляется достоверным факт активного участия известного султана в совместном походе против верхних каракалпаков и вполне терпимого отношения к деятельности Абулхаира, особенно, что касалось упрочения устоев слабеющей государственности.

Абылай, извещенный о подломе убийства, был глубоко опечален, с покойным его связывали родственные узы. После разгрома каракалпаков по пути Абылай посетил аул ханши, подарил ей 16-летнего мальчика, взятого в плен, “двои сутки” побыв у нее, отъехал в свои улусы[50].

В данном случае все действия и помыслы умной ханской вдовы были направлены на то, чтобы при любых условиях не выпускать власть из рук семейства почившего хана. Она действительно несказанно обрадовалась, когда ей доставили письмо И. Неплюева: и теперь “радуясь немало, заметно убавила свою печаль”. Слова утешения, которые выразил опытный дипломат И. Неплюев, “яко подой залили ее сгоревшее и палящее сердце”[51].

Ханша очень сожалела о преждевременной гибели Абулхаира, сравнивая две личности: хана и Барака, последнего не ставила и в грош, с умилением прославляя погибшего мужа. “Токмо против Абулхаировой чести ни единый человек не стоит, ибо он, по моему мнению, благоразумный и государство сам изыскал ..., Барак, то и единого Вашего (губернатора – Ж.К.) слова не стоит же”[52].

В письме тому же И.И. Неплюеву от 5 октября 1748 г. ханша раскрывает свое душевное состояние, говоря, что “она со своими детьми, остается сиротою, ... покорной рабыней”[53].

Попай, долгие годы делившая с ханом и радость, и прискорбные дни, оплакивая хана, глубоко сожалела, что супругу не удалось завершить свои замыслы, в которые, надо полагать, она была

посвящена. "О ханской смерти плачем, сколько уже о том, что испорченные ему хану даже остались без окончания"[54].

Попай ханша внимательно следила за действиями и передвижениями его сторонников, стараясь в этом заручиться солидарностью как Оренбургских правителей, так и ойратов, куда мог бы обратиться убийца, ища пути выхода из тупиковой ситуации. Она была проинформирована о домогательствах Барака уйти в ойратские пределы в случае одобрения его просьбы джунгарским ханом. Действительно, Барак почти сразу после гибели хана Абулхаира отправил двух своих представителей в ставку ойратского правителя, представляя дело таким образом, что "он, Барак, его, Абулхаир хана убил за то, что он Зенгорскому владельцу не только не послушен, но и во многих случаях, но и обидчиком был, для того просил его Зенгорского владельца ежели ему за то оно хана и убийство и стороны его хана будут усиленное отмщение, он принужден будет от того удалиться, то принять бы его защещение"[55].

24 сентября 1748 г. об этом доносил казачий урядник Федор Найденов, отправленный Неплюевым в Младший жуз "для разведывания хановой смерти, который, прибыв в улусы Бармак батыра в сопровождении его брата Табылды, привел в аул Жанибек батыра".

"Обшив лицо его сырою кожею, к нам пришлите"

Попай ханша, желая опередить Барака, в начале сентября 1748 г. направила через доверенного письмо ойратскому правителю Цеван-Доржи "с изъявлением дружбы и принять участие в мести султану Бараку" за смерть Абулхаира. "... а после его мы, Попай ханша, с детьми хана - Нуралы ханом и Ирали султаном, в том же состоим и для того при жизни Вашей Аджан и Нуралы ханов, между собою в любви и согласии находиться ... того злодея и именно Барака (Барак - общий нам неприятель), искореня всю его фамилию и товарищей его, его самого поймав и обшив его лицо сырою кожею к нам пришлите, ибо он находится в Вашем ведомстве ... он же Барак доносил Вам, якобы родители наш ... проезжающих купцов грабил, грабеж чинил он, Барак"[56].

Оказалось, что в конце августа 1748 г. предположительно по поручению ханши и тархан Жанибек отправлял к Бараку своего представителя с таким "объявлением, что он над ханом учинил, завидуя его ханству, чтобы самое ханство достать"[57]. Это было предостережением Бараку, что он никак не сможет ускользнуть из своих пределов, что ему, как и его сообщникам, не миновать заслуженной кары. Тем временем, наступал октябрь месяц, Барак

по-прежнему пользовался некоторой свободой передвижения, хотя и в самом Среднем жузе прославленный мудрец Казыбек бий, Абылай и другие влиятельные лица весьма были озабочены возможным усилением конфронтации между жузами в условиях явно укрепляющейся консолидации трех этно-политических объединений.

Россия по-прежнему воздерживалась от вмешательства во внутренний, казалось бы, конфликт, рассчитывая на ослабление двух крупных жузов. И. Неплюев ограничивался прелестными посланиями в адрес эмоциональной ханши; А.И. Тевкелев же, занимая промежуточную позицию между Неплюевым и ханским домом, не решался на какие-либо конкретные шаги, чтобы подставить плечо в поддержку семьи погибшего. Ханша же, не очень вникая в суть политики России в регионе, отправляла Тевкелеву несколько писем, называя его "благодетелем своим", желая, "чтобы тот здравствовал веками благополучно и счастливо", называя себя "снохой господина бригадира". "... хотя нам несколько и нестерпимо, досадно, есть однако же Ваше наставление, приняв за благо против только печальной стрелы, вооружиться шпом сердца своего, удержались ..." [58].

Попай ханше удалось добиться бескровного осуществления нескольких задач, которые она определила сразу же после гибели мужа: окончательно дискредитировала Барака перед Оренбургским начальством; добилась благосклонности И. Неплюева в пользу избрания ханом одного из своих сыновей, в частности первенца - Нурмухамед Али Бахадура. Увы, в личном плане ее потери были неизмеримы. Похоронив Абулхаира, она лишилась той основы, на которой зиждилось ее влияние. Ее планы - в скором времени соорудить величественный надмогильник - мавзолей - все более отодвигались российской стороной, хотя инженер-поручик И. Ригельман незамедлительно подготовил чертежи и другие документы, которые были возложены на него. Ханская могила оставалась на прежнем месте первоначального спешного захоронения в 80 верстах от р. Тургая при впадении речки Кабырга в Олкейек (в документах искажено - Уль-Каяк). В скором времени могила заросла густым бурьяном[59].

В конце XIX в. потомки хана разыскали ее. Забытая всеми, в т.ч. его непосредственными потомками, могила, как пишет об этом И.И. Крафт, отличалась от других тем, что на ней росла одинокая березка[60]. Убитая горем ханша изо всех сил старалась скорее довершить строительство астаны - погребального сооружения. Однако в связи с избранием Нуралы ханом, она оказалась не у дел. Тот же И. Ригельман в донесении от 7 июня 1750 г. передавал содержание ее бесед с Я. Гуляевым: "... хотя де я для сиротства своего и рассуждала было, чтобы для лучшего покоя и спасения,

взяв с собой кости мужа уехать в Туркестан и жить там до окончания своей жизни ...” [61]. Астану она предполагала возвести на берегу р. Илек, в урочище Бестамак. Однако дальнейшая забота по сооружению мавзолея легла на плечи молодого правителя, ее старшего сына.

В многовековой традиции кочевых народов, в повседневной жизни которых к моменту присоединения Казахстана к России довольно стойко сохранились пережитки патриархальных обычаев, закон непреклонного и обязательного возмездия вступал в силу незамедлительно после совершения убийства: за убийство - смерть, за увечье - увечье. Причем, уплата куна (форма материального возмещения причиненного морального ущерба) в случаях крайнего обострения отношений между двумя противоборствующими сторонами, его размеры устанавливались степными судьями - биями. Прав исследователь Л. Мейер, серьезно изучивший систему правосудия у казахов в пору массивной колонизации края. “Все вообще судебные приговоры: гражданские и уголовные, равно как дела общественные, по обычаю никогда не могли зависеть исключительно от воли одного человека, а всегда совершались с согласия нескольких старшин, биев, вообще почетных лиц” [62]. К услугам бийского суда обращались почти во всех случаях за исключением барымты, когда виновных-то установить в точности не представлялось возможным. Обычай круговой поруки, взаимная обусловленность внутриродовой сплоченности обеспечивали материальную поддержку даже бескотным членам родовой общины (подробности бийского суда над Бараком см.; Столичное обозрение, N 26, 1998). В этих условиях по мужской линии защита посмертной чести хана выпала на плечи старшего сына Абулхаира - Нуралы.

Султан Нуралы в конце августа - начале сентября, находясь в ставке погибшего отца “в великой печали”, никого к себе не допускал, регулярно советуясь со своей матерью и братом Ералы о дальнейших действиях по поводу неотвратимой кары убийцы хана. Прилагал усилия к тому, чтобы продемонстрировать единство ханских отпрысков до избрания нового хана, всецело ориентируясь на Попай ханшу. “Братьям своим (Нуралы) сказал, нигде уже нам не надлежит быть между собой согласными и во всем почитать и слушать родительницу нашу, ... когда же де у нас между собою общего согласия не будет никакой киргизец к себе присовокуплять мы не можем, а киргизцам верить и надлежит и от проложенные де родителями нашими дороги отставать весьма недобро” [63].

Положение Нуралы, несмотря на поддержку И. Неплюева и кипучую энергию своей матери, изрядно осложнилось в связи с появлением на вакантный трон Батыр султана, потомка по

Чингизидской линии Жадига, имевшего на ханство больше прав, нежели сыновья Абулхаира.

Самый значительный род из всех тех, поддерживавших клан Абулхаира-Алшинский, 24 сентября послал Нуралы палуана - силача Мырзакул батыра, объявившего решение алшынцев пригласить на Курултай Батыр султана [64]. Нуралы, видевший в этом желание части сторонников почившего хана, помирить их и избрать Батыра ханом, не удалось отговорить алшынцев от этого шага: влиятельные бии и старшины, батыры вынудили Нуралы отправить к Батыр султану четырех биев - Жаралгана, Сырлыбая, Бабия и Кобек мурзу. Представители родов “растолковали” свои позиции ханше, султанам Нуралы, Эралы [65]. По прибытии делегации Нуралы ойратских послов застали у Батыра, “а также приехавших из великой России, которым да всем надобно ответ учинить”.

После исполнения процедурных формальностей бийская депутация допытывалась, “не есть ли де ты Батыр желаешь быть главным ханом быть, то те зовут тебе што приехал к народному собранию” [66]. Это был первый Курултай со времени принятия Младшим жузом Российского подданства, на которое лишь после гибели Абулхаира решились пригласить представителей родов на юго-западное побережье Арала. Это был политический жест, продемонстрировавший единство Младшего жуза, побуждавший сына знаменитого Кайып-Батыра согласиться с общей кандидатурой всего Жуза с целью внушить сторонникам Барака о значительности потенциала фамилии Абулхаира.

Реальный правитель региона Батыр, не без оснований усмотрев в этом ущемление своих прав, высказался следующим образом: “... ханом быть и навсегда стороны ответственать не в состоянии, и как де я бедный человек то де к Вам и к Вашему собранию не мешаюсь, что де Вы учините тому и непротивен” [67]. Это был решительный отказ поддержать Нуралы. Султан Батыр понимал всю сложность последствий его явки со своими сторонниками на Курултай; его присутствие рассматривалось бы российской стороной как факт поддержки его кандидатуры и фактического признания его полномочий, державшегося прохивинской ориентации.

Миссия бийской депутации Нуралы была обречена на провал, нетрудно было предугадать негативное отношение султана Батыра к дому Абулхаира. Без того хрупкое согласие, удерживавшееся противоборствующими сторонами, оказалось вновь нарушенным, теперь главой миссии Кобек мурзой, который непочтительно оборвав фактического правителя региона резким окриком, практически сорвал и так неудачно начавшиеся переговоры. “... Не для того мы сюда приехали, народ, чтоб Вас со своими Вашими биями звать к народному совету, едешь или нет скажи именно ...” [67].

Ошеломленный таким дерзким поведением рядового судьи, султан Батыр, еле сдерживая себя, открыто высказал свои соображения на сей счет: “Я де знаю, что Вы меня обманываете. Хотите и ежели де меня ханом учинить, то де и поехал к тому против других...” [69]. Перепалка Кобек мурзы с султаном Батыром достигла острого конфликта, и вдруг мурза так распалился, что раскрыл истинные цели своего прибытия к султану. “... Мы де Батыр султана не для совету и учинения ханом звали, но только де он принес свою повинность и просил бы у ханши и султанов прощение...” [70].

2 октября 1748 г. Нуралы был избран ханом; преемник Абулхайра оказался в выигрыше, вновь после небольшого перерыва закрепив власть в руках прямого потомка почившего хана; 15 октября как бы в ответ на это ревнители потомков Кайыпа возвели его сына в ханское достоинство в данном регионе Младшего жуза.

Когда-то, в 20-х годах “по причине старости отца” султана Батыра - Кайыпа, фактическим соправителем Младшего жуза избирался Абулхайр, причем, без какого-либо вмешательства России. И это обстоятельство, как справедливо замечал позднее замечательный исследователь И. Крафт, привело “к новым смутам” [71].

Вознесение же на ханский трон султана Батыра казахскими родами, кочевавшими на юго-западном побережье Арала, явилось самым открытым проявлением протеста приверженцев потомков Кайып хана. Причем, выборы султана Батыра производили не только известные представители “черной кости”, но в нем участвовало немало знатных людей. В документах сохранились имена видных батыров, биев, а также старшин, решительно высказавшихся за избрание султана Батыра, т.е. отказавшиеся признать легитимность избрания наследника Абулхайра - Нуралы, функции которого первоначально поддержанные Россией, распространялись на большую часть Младшего жуза.

Весть о провозглашении Батыра ханом чуть позднее, т.е. 20 ноября 1748 г., сообщил в Оренбургскую губернскую администрацию казачий атаман Смаил Абрезаков. Правда, трудно полагаться на достоверность всей его информации, но все же приведем ряд сведений о тех, кто непоколебимо стоял за Батыра: из Шумекей Каратамырского рода: Мамет аталык, Татлымбет батыр; Шумекей Балкийского рода: Банабек бий, Дадык батыр; Шумекей-Жалтырского рода: Жадык, Алман, Шебентай, Жолай Жасаул (доверенное лицо хана для особых поручений), Кенже абыз; Шекты-Кишкенеского рода - Карабай аталык, Боранбай, Калубай, Тутлубай, Карабас; Торткаринского рода: Картока бий (член бийского суда над Бараком), Кожебай бий, Жалтыр (сын Айтеке бия), Даулет бий; Карасальского рода: Мурзакелди батыр [72].

Таким образом, гибель хана отодвинула на неопределенное время примирение враждующих сторон. Младший жуз оставался раздробленным, являясь уязвимым регионом для последующего проникновения Российского влияния.

Нуралы же, реальный правитель региона, оказался между двух огней — с одной стороны, Россия, которой он был обязан ханским троном, с другой, султана, теперь хана, фактического соправителя - Батыра, на которого он также вынужден был временами осмотрительно поглядывать и которого, между прочим, поддерживало Хивинское ханство, где влияние потомков Кайыпа было значительно.

И Нуралы, при всех незаурядных качествах правителя, полководца, все же не обладал теми свойствами и природным даром прозорливости, хитрости, которые были присущи его отцу. Судьба ханства оказалась в руках человека, который долгое время лишь сопровождал знаменитого отца, был неукоснительным исполнителем его воли. Теперь он был подавлен тяжестью врученных ему атрибутов власти, которой он так или иначе, как подданный империи, должен был делиться с Оренбургскими губернаторами.

Тем не менее, надо отдать должное Нуралы, с самого начала своего трудного, самого длительного правления, чем кто-либо из числа правителей ханской государственности, сразу же после того, как он был утвержден Елизаветой Петровной в ханском достоинстве, по настоянию своей матери добивался от губернатора выделения средств и людей для возведения мавзолея.

Мы выше упомянули об усилиях инженера-поручика Ригельмана по подготовке документации. Яков (Жумагул) Гуляев, крещеный татарин, переводчик Оренбургской губернской канцелярии, кроме своих профессиональных обязанностей, как доверенное лицо И. И. Неплюева осуществлял и разные его поручения. Нуралы, имевший непосредственные контакты со всеми, кто был вхож к его отцу, также близко общался с чиновниками, которые часто посещали ставки умершего хана. Строительство же погребального сооружения он считал делом чести. Об этом часто умоляла его мать, к тому времени вышедшая замуж за двоюродного брата Абулхайра - султана Досалы. Закон шариата в казахском обществе, закрепившийся как амангерство, согласно которому вдова умершего выходила замуж за одного из братьев, и здесь имел свое проявление.

6 января 1750 г. тот же Я. Гуляев был приглашен в кибитку нового хана, интересуясь ходом подготовки чертежа и дальнейшего состояния строительного дела. Ханский дом давно предполагал построить небольшой городок вблизи его могилы и перенести тело умерщвленного туда же, однако переводчик заметно был озадачен

внезапным изменением плана ханова семейства возвести надмогильный памятник не там, где было согласовано с губернатором, ханшой, а там, где его тело было погребено, при этом сославшись на якобы прижизненную волю своего отца: "...иметца отца моего при жизни яво приказание, чгоб ево с этого места никуда не возить, где умрет, тут и хоронить ..." [73]. По неизвестным обстоятельствам Коллегия иностранных дел не одобряла ходатайства молодого хана построить мечеть около первоначального места погребения тела отца [74]. К этому времени умер, будучи отравлен одним из ходжей вблизи города Икана, и ярый враг семейства Абулхаира султан Барак, как богом проклятый за свое подлое злодейство (см. подробности: Столичное обозрение, NN 26, 20, 23, 26. 1998).

И только после гибели великого хана даже недруги его стали понимать и признавать историческую роль столь энергичного правителя. Простые казахи почитали его "аки бы за святого"; люди разносили по аулам слухи "о разных чудесах", совершающихся над его могилой. Рядовые общинники связывали с его именем то спокойствие в степях, которое поддерживалось в конце 40-х годов ХУШв., называя его "богоугодником" [75].

Тот же Я. Гуляев, довольно осведомленный о событиях в регионе после гибели хана, собрал информацию об этом, доносил в Оренбургскую губернскую администрацию: "да и сверх того, ныне прошедшего зимою, некоторым около кладбища его Абулхаир хана, кочующим киргиз-кайсацким старшинам яко во сне учинилось благополучное объявление, почему в тутошних местах нынешнею зимою со всем скотом зимовать остались и препроводили зиму без дальних зимних беспокойств" [76].

Первоначальным успехом на поприще управления ханством и некоторой сплоченности Младшего жуза Нуралы был обязан тому, что и белая, и черная кости с благоговением относились к памяти Абулхаира и поддерживали начинания молодого правителя. Большая часть казахов искренне досадовала на трагическую судьбу хана, почитая его поистине выдающейся личностью, воспринимая его как главного хана; тот же казачий атаман Смаил Абдразаков 20 ноября 1748 г. доносил в Оренбургскую канцелярию: "Главного киргизского хана Абулхаира убил (Барак); он (Барак) к нам ханом не надобен, потому что де он нужного им (народу) человека погубил; он же хан сколько для своего собственного, при том де и для общаго всех их покою и благополучия, и сына своего в аманаты белому царю отдал, чрез что де многие знатные и торги произвел и удобные к кочевкам места распространил, также и другие к их народному состоянию увеселения достиг, которыми и до днесь со всяким удовольствием пользуются, почему де они ево, Абулхаир хана, яко знатного и главного почитали" [77].

Таким образом, роковая гибель великого государственного деятеля заметно изменила политическую ситуацию прежде всего в самом Казахстане: борьба за власть, которую иными методами домогался решить султан Барак, оказалась весьма пагубной; осложнила расстановку соотношения сил как в Младшем жузе, так и за его пределами, с уходом с политической арены опытного правителя в столь сложное время, когда хан добивался усиления автономных начал в управлении жузом, всячески сопротивлялся военно-колониальным акциям царского правительства; будучи весьма искусным дипломатом, Абулхаир пользовался на все лады реальными возможностями, избегая при этом нежелательной конфронтации с Оренбургской администрацией.

Хотя юридически он оставался подданным империи, в определении своей линии по всем важнейшим аспектам, после устранения ойратской угрозы хан придерживался другой ориентации, взяв курс на восстановление реальной независимости. Это была самая трудная задача из всех тех, которые приходилось ему решать с момента принятия Российского покровительства. Долгие годы об Абулхаире удерживались по существу явно противоположные суждения: сторонники ярой коммунистической концепции видели в нем последовательного поборника дружбы казахского, русского народов, несколько отвлеченно истолковывая понятие "дружбы народов", не допуская иных интерпретаций по поводу начального этапа присоединения Младшего жуза к России, рассматривая радетелей противоположной позиции чуть ли не "врагами народа", применяя в отношении последних самые суровые меры политического остракизма. При этом строго ограничивали круг проблем для исследования этой сложной, противоречивой проблемы, так или иначе связанной с именем Абулхаира, фатальным исходом его трагической судьбы.

Удивительная метаморфоза происходит в оценке личности хана в Отечественной историографии. С достижением реальной независимости подверглись серьезной переоценке характеристики таких выдающихся деятелей, как Абылай, Абулхаир. Если в отношении Абылая современная историческая наука продолжает придерживаться устойчивой превосходной оценки, то по поводу последнего среди прежде всего национальной творческой интеллигенции по сей день продолжают иметь место явно диаметрально противоположные воззрения. Да и еще во второй половине XIX в. среди кучки порусски образованных просветителей утвердилась мысль о нем, как об объединителе трех казахских жузов, но лишь под эгидой России. В одной из широко распространенных поэм можно было прочесть следующие строки:

*Едет хан для народных благ
Царя белого упросить
Дать важнейшую из бумаг -
Все три жуза под власть Руси.*

Сторонники гипернезависимости, зараженные патриотическим угаром, не вникая в суть крайне неблагоприятной ситуации, сложившейся в первой трети XVIII в. в казахских степях, обвиняют славного сына казахского народа чуть ли не в предательстве национальных интересов казахов, не держа в своих руках ни одного архивного документа. Отдельные ретивые писатели несколько узко представляют историческую миссию хана, даже отвергают те истинные мотивы обращения хана к Российской императрице, которые отражены в печатных источниках, ныне вполне доступных для широкого круга читателей. Мы осознанно публикуем завершающую главу рукописного варианта нашей уже упомянутой монографии, по возможности, раскрывая его последовательную борьбу за сохранение института ханской власти в одном из территориальных объединений. Научная интерпретация введенного в настоящий раздел фактологического материала не оставляет ни тени сомнения о явной, даже непоколебимой приверженности хана к сохранению, а в отдельных случаях упрочению тех позитивных элементов политической обособленности, которые ему удавалось достичь в условиях крайне усложненной ситуации.

Ортодоксальный единомышленник тогда еще султана Абылая хан Младшего жуза в числе немногих чингизидов предвидел последствия продолжавшейся массивированной колонизации посредством расширения военно-оборонительных линий.

Конечно, мы так же, как и историки XIX в., не закрываем глаза на личные человеческие слабости, его стремление прибрать власть в трех жузах в свои руки или же рассадить везде, где возможно, своих сыновей, укрепив потенциал своего клана. Его борьба с султаном Баракком, желание любыми путями изжить знаменитого султана с политической арены послужили причиной внезапного краха его долгой карьеры; добровольное же его участие в сокрушении восстания башкирского народа составляет одну из трагических страниц в сложной, противоречивой биографии хана.

Подытоживая вышеизложенное, следует констатировать общее заключение о нем, как об одном из самых выдающихся деятелей за всю многовековую историю казахской государственности. Как Юрий Долгорукий в истории русского, Салават Юлаев - башкирского, Богдан Хмельницкий - украинского, Темир (Сахиб Киран) - узбекского, Шамиль - чеченского народов, Абулхайр остается в замечательной плеяде самых популярных личностей Евразии. Благодарное потомство давно соорудило вышеназванным

великим борцам за национальную независимость своих народов величественные памятники. Их именами названы широкие проспекты, оживленные улицы. К сожалению, по поводу увековечивания памяти выдающихся наших предков: мы как-то чего-то побаиваемся, часто боязливо оглядываемся. Да, у нас есть сложности в переосмыслении ряда исторических явлений, жизни государственных деятелей минувшей эпохи. Хорошо, согласимся с существующими полярными мнениями об Абулхайре. Но кто же осмелится усомниться в чрезвычайной одаренности, многогранности этой удивительной личности, которые с успехом служили казахскому народу. Даже и эти замечательные черты вполне достаточны для того, чтобы его бронзовый бюст украсил одну из площадей Алматы.

Велик интерес к личности Абулхайра в Оренбургском крае. Может быть от того, что инициатива в создании города принадлежала ему, да и на самом деле он непрестанно считался основателем того крупного поселения, которое казахский народ никогда не изживает из своей памяти. Мне представляется, что устойчивая память о нем среди россиян прежде всего связана с его буинной деятельностью в 20-40-х г.г. XVIII в., в период активного расширения юго-восточных границ многонациональной империи, в переломную эпоху в русской истории.

Как это не горестно признавать, ни историки, ни романисты (за исключением Есенберлина И.), даже они после обретения независимости до сего времени вниманию общественности не смогли предложить ни серьезного монографического исследования, ни документированного литературного сочинения, опираясь на которые можно было бы сформировать новое общественное мнение о нем.

В 1998 году исполнилось 250 лет со времени трагической гибели выдающегося казахского хана. Мы, при нашей нищете, с умопомрачительной пышностью проводим юбилейные даты батыров рядового масштаба, в жизни которых много легендарного, поэтического. Жизнь же Абулхайра при обилии достоверных данных можно было воссоздать по годам, не допуская отступлений. Я имею в виду недоговоренности, однобокие рассуждения ряда представителей художественного мышления, так рьяно старающихся навязать свое мнение, писательские воззрения профессиональным историкам, не всегда сознавая своеобразие научной постановки проблемы, специфику художественного переосмысления явлений прошлого.

Первая треть XVIII в. явилась для казахских ханств как смутное время; оно не прошло мимо деятельности видных чингизидов, прославленных батыров и, конечно, таких популярных в народе личностей, как Абулхайр, который, естественно, не мог избежать

влияния своей эпохи, ибо он, как и другие, был сыном своего времени. Поэтому мы должны как-то снисходительно относиться к ошибкам хана.

Каков век, таков и человек, гласит русская пословица. И в анализе его исторической миссии мы не должны забывать народную мудрость, ибо его миссия ныне не поддается однозначной оценке. Пора нам проявить солидарность хотя бы в одном, что Абулхаир видел гораздо дальше, чем его близкое окружение — чингизидское сообщество, включая правителей соседних жузов. Историческая роль великого хана более или менее конкретно определена была еще в XIX в. русскими историками, такими, как А. Добросмыслов, И. Крафт, А. Левшин и пр. Не нам же историкам последней четверти XX в., кидаться в ревизию личности, такой, как Абулхаир, до последних дней борющийся за сохранение того, что было завещано его предками. Несколько строк из поэмы “Абулхаир и Каналы”:

*Лучше пусть приносит покой
Нам завещанный предками край
Скот, что собран по капле тобой,
Ты, как воду, неразливай!*

*Ты значишь то, что ты на самом деле,
Надень парик с миллионами кудрей,
Стань на ходули, но в душе своей
Ты будешь все таким, как ты на самом деле*

ТИТУЛОВАННЫЙ УБИЙЦА (ОЧЕРК О ЖИЗНИ И ТРАГЕДИИ БАРАК СУЛТАНА)

В политической истории Казахстана первой половины XVIII в., в изложении ее бурных, порою драматических событий наряду с именем знаменитого Абулхаир хана стоит имя Барак султана. Если первый был широко известен как прославленный сардар, дипломат, видный государственный деятель в Центральной Азии, о роли которого в истории Казахских ханств в среде научной общественности по сей день бытуют диаметрально противоположные воззрения, то второй, высокородный чингизид, после ухода Абулмамбета в Туркестан, почитавшийся как полнокровный властелин Среднего жуза, сын Турсын хана, вошел в историю как “злодей”, посягнувший на жизнь самой популярной в народе личности. Он пользовался громадным влиянием среди местных чингизидов, и противоборство степных гигантов рано или поздно должно было завершиться уходом с политической арены одного из них. А потому выяснение места Барака в истории края 30 - 40-х годов, оценка его роли, личного участия в системе взаимоотношений Казахстана с сопредельными странами назрели, ибо убийство им хана Абулхаира 11 августа 1748 года произвело крутой перелом в судьбах Младшего и Среднего жузов. Не будь жестокого посягательства султана на жизнь хана, все более дистанцировавшегося от Петербургского двора, приложившего усилия в укреплении внутреннего единства Младшего жуза, трудно предопределить, как сложилась бы ситуация в Зауральной окраине. (Подробно политика хана будет изложена в нашей книге: “Мухамед-Гази Абулхаир Бахадур хан: величие и трагедия века”).

Итак, герой нашего сюжета — Барак султан. Однако в исторической и фольклорной литературе под именем Барак мы имеем дело, по крайней мере, с пятью довольно известными личностями, каждый из которых заслуживает особого внимания: об одном из них упоминает Ш. Уалиханов — султан наймановского поколения синегривый (кокжал Барак, или же он известен как “гривастый” “жалды Барак”), который приобрел печальную славу во время похода на Тяньшанских киргизов — “осквернил их святыню — могилу Кошкар-Ата[1]; второй — также из найманского поколения

– Барак, популярный батыр времен борьбы против ойратских нашествий, отличался недюжинной силой, громкую известность приобрел как богатырь – неоднократно победитель единоборств с джунгарскими батырами[2], третий Барак – один из сыновей Суюка Абылайханова, бледная фигура, не оставившая следа в истории; четвертый – знаменитый оратор, особо почитавшийся среди своих соплеменников – Барак Асанов, тоже выходец из найманского рода, который в 1748 году посетив аул знаменитого героя борьбы с ойратами Есет батыра перед его смертью, заслужил его благословение, что и отразилось в народном шежере[3]:

*Есетті ізден шығып Барак шешен,
Жас жігіт жас өспірім сөзге шешен.
Ай шапан сұлық тартып Есет ерге,
Бата бер деп тілеген ұлым десе.*

Следующий Барак известен в истории как умелый дипломат последней четверти XVIII в., неоднократно входил в состав посольских миссий Уали хана в Пекин, о которых история не сохранила детальных сведений[4].

Череду одноименных знаменитостей завершает первый старший султан Аягузского округа, тоже найманского поколения Барак Абулфеизов, сын близкого соратника Абылая, султана Абулфеиза Абулмамбетова. Знаменитый великан, перед которым трепетали даже прославленные мудрецы - бии. Последний Барак пользовался громкой славой степного рыцаря, именно о нем Адольф Янушкевич писал, что "...не было равного из чингизидов помериться силами с Баракком... Белая кость рядом с Баракком кажется серой, чем белой"[5]. О своеобразном меценате, в аул которого с разных уголков степи стекались знаменитые оленши (певцы), кобызши, с пафосом говорили народные импровизаторы: "О повсюду и всегда велик султан Барак. О! Недаром по всей степи разносится только имя Барака! Барак! Барак!". Так вдохновенно пел акын-импровизатор Орынтай, надрывая струны своей домбры[6]. По иронии судьбы одного из сыновей Галдан-Цэрена также звали Баракком[7].

Из всех названных зловещей популярностью пользовалось имя султана Барака, сына хана Среднего жуза Турсына, двоюродного брата другого хана Среднего жуза Кучука. Фактический владелец обширных кочевий этого этно-политического объединения, по своей знатности стоявший гораздо выше, чем Абулхаир хан, Барак со второй половины 30-х годов XVIII в. становится в эпицентре событий в казахских жузах.

Фактически его имя настолько прочно укоренилось в памяти народной, что ни один исследователь русской дворянской

историографии, советской эпохи не проходил мимо этой легендарной личности. Однако многие авторы прошлых времен до недавнего времени связывали его имя с одной трагедией - его убийством Абулхаира, своего соперника, долгие годы праждававшего с ним за ханскую шапку. А ведь Барак султан вполне мог бы остаться в истории, его имя укоренилось бы в доброй памяти потомков не потому, что он высородный чингизид, гораздо более чем его не менее знаменитая жертва, и как отважный батыр, один из организаторов отпора иноземным захватчикам, полководец, под знаменем которого в один миг по его грозному оклику могли собраться десятки тысяч всадников.

Человек, которому нельзя было отказать и в дипломатическом искусстве, единственный султан без ханского трона, имевший право самостоятельно отправлять свои миссии в Петербург, обособленно присягать на подданство европейской державы, дети которого наряду с ханскими отпрысками отправлялись в аманаты и в Петербург, и ко двору Галдан-Цэрена[8]. Один из "сильнейших султанов", как его охарактеризовал В.В.Вельяминов-Зернов[9], "в блистательный период его жизни" он владел Иканом, Оттаром, Угултаном, Созаком, где "он распоряжался ханом", даже не считаясь с протестами местных чингизидов, как их полновластный правитель собирался подать[10].

Почти все историки, так или иначе освещавшие причины его давнего, постоянного противоборства с Абулхаиром, угрожавшего единству Среднего и Младшего жузов, увязывают это с острой борьбой за ханский трон. Даже такой вдумчивый исследователь, как М.П.Вяткин, трудности внутреннего положения Абулхаира обуславливал тем, что хан в его глазах выглядел выскочкой[11].

Однако изучение пока что не изданных данных из Архива внешней политики Российской империи и госархива Оренбургской области позволяет раскрыть малоизвестные нюансы во взаимоотношениях двух достойных соперников несколько иначе, рассматривая эти моменты прежде всего в аспекте их отношений к двум соседним странам – России и Джунгарии, оказывавшим заметное воздействие и на межличностные явления внутри казахского общества, то обостряя, то уменьшая накал страстей вокруг проблемы сохранения политической обособленности казахской государственности, к чему более склонялся Абулхаир, нежели его политический оппонент Барак.

Отход от политической конъюнктуры послевоенного времени и "развитого социализма", ввод даже печатных документов далекой эпохи побуждает нынче несколько по-иному оценивать позицию хана с начала 30-х годов XVIII в., в плане сохранения традиционной власти. В своей переписке с Иваном Неплюевым Абулхаир не стеснялся употреблять грубые выражения: "кто плуты, те Вам

угодны, а я Вам стал неподобен, уже от меня Вы ничего не ожидаете, и я от Вас ничего себе не ожидаю” [12]. Он с оренбургскими чиновниками вел себя дерзко, опасаясь в то же время дальнейшего усиления колониальной зависимости, видя в то же время свою беспомощность в борьбе против наметившейся тенденции захвата царизмом казахской земли, “...русские хотят поступать с нами, как с калмыками и башкирцами, но мы согласны умереть, чем жить под тяжким игом” [13]. Озлобленный жестокой позицией И.Неплюева “не захотев более у Тайного советника сидеть, встав со стула, не простоясь, пошел выговоря притом ... что он не из-под сабли, но из воли своей в подданство и вступил” [14]. Таких фактов о резкой перемене позиции хана в отношении российского протектората множество, и вряд ли представляется правомерным приписывать хану позиции непреодолимого сторонника подданства империи и искать в его постоянной вражде с Бараком лишь мотивы степени их лояльности к Петербургу. Так что с годами обострявшееся противоборство между ними следует истолковывать, прежде всего, исходя из своеобразия политической ситуации, складывавшейся во взаимосвязях крупных феодалов двух смежных жузов - Среднего и Младшего.

Несбыточная мечта Абулхаира стать старшим ханом казахской государственности, как великий Тауке батыр, объединить под своим стягом большую часть великой степи, наталкивалась на сопротивление не только Барака, но и сыновей Кайып хана. Бараку явно не давало покоя то громадное влияние, которым пользовался Абулхаир, величавший себя в переписке с Оренбургской администрацией Главным ханом. А потому знаменитая фраза Барака, что “нашу фамилию зовут Тогым-Шигаевской, а его Абулхаира ханская фамилия Белкоянская (т.е. Булякай-Куянская) и его де народ против нашего силою не будет, ибо де наша фамилия честная и многолюдная...” [15], произнесенная во время бийского суда над ним, в оригинале сохранившаяся в делах Оренбургского архива, через два года после его убийства наряду с другими факторами оправдала султана, подтвердив древность его рода, по сравнению с ханским. К тому же инициатором организации суда над Бараком был никто другой, как Каздауысты Казбек бий [16].

Как мы уже заметили, вражда Барака с ханом усилилась лишь после устранения угрозы ойратских нашествий, последовавшего после смерти Галдан-Цэрена. Увы, мы не располагаем документами, позволяющими установить его возраст, хотя предположительно можно определить 35 - 40 лет, ибо отец его Турсын незначительное время ханствовал в Среднем жузе в начале ХУІІІ в.

Прозорливый Барак полагал пагубным вести борьбу с общепризнанным деятелем, каким был Абулхаир в годы общенародного отпора врагу, которая могла свести на нет процесс

консолидации казахских земель, в котором роль деятельного, энергичного Абулхаира была более чем очевидной.

Еще в начале ХУІІІ в. продолжавшееся сохраняться сложное положение казахских ханств побуждало влиятельных султанов избегать всякого обострения отношений с ойратскими владельцами, и в начале 40-х годов в переписках между Сибирской администрацией и ойратскими правителями казахская проблема оставалась первостепенной. Казахские ханы, соглашаясь с “требованиями ойратской стороны“, отправляли в Джунгарию аманатов. Недовольство ойратов было обусловлено “беспокойством и задором, чинимыми (российскими – Ж.К.) подданными кайсаками пограничным улусам“. В одном из писем Галдан-Цэрена к Сибирской администрации ойратский хан ставил под сомнение юридическую обоснованность российского подданства частью казахов: “кайсаки не Ваши, а ты их, посторонних, называешь своими” [17]. Причем имя Барака фигурирует почти во всех документах, где ойраты добиваются отправки влиятельными султанами, батырами, ханами своих сыновей в Джунгарию в качестве аманатов. Институт аманатства явился одним из взаимообусловленных факторов по поддержанию доверительных отношений во взаимоотношениях преимущественно восточных стран.

В декабре 1741 г. Галдан-Цэрен направил Абулхаир хану и старшинам Младшего жуза грозное письмо с требованием аманатов. Хотя его обращение адресовалось окружению владельца Младшего жуза, тем не менее оно прозвучало как угроза и видным чингизидам соседнего Среднего жуза, в их числе назван Барак, которому предписывалось обеспечить прибытие своего аманата в Джунгарию: “если ... хотите жить без вражды спокойно, то прикажи перекочевать сыновьям Абулмамбет хана, Барак султана и Жанибека и сыновьям старейшин родов с семьями их, чтобы прибыли сюда в среднем летнем месяце” [18].

Из упомянутых влиятельных феодалов только Барак султан к 40-м годам ХУІІІ в. сохранял независимость своих владений и, конечно, всякая информация о вероятном сближении с ойратами вызывала обоснованную тревогу с российской стороны. К тому же Коллегия иностранных дел не имела правового основания предписывать гордому султану поступать по ее рекомендации, ибо тот различными ухищрениями отодвигал сроки признания покровительства России. К примеру, Тайный советник И.И. Неплюев, стремясь расстроить планы ойратского повелителя, обращаясь с письмом к Абулхаиру, предписывал: “на требование Зенгорского ответ учинил и что аманатов ему без особого указа дать невозможно” [19].

Государственная Коллегия иностранных дел настолько была

обеспокоена возможным отходом Барака, за которым стояло многочисленное найманское поколение, что отправляя майора К. Миллера в ставку ойратского повелителя, вменяло в его обязанности разузнать подробности этого сообщения. “Киргискайсацкой Средней Орды Абулмамбет хан, Барак батыр и салтаны предаются в подданство зенгерского владельца Галдан-Цэрена, к которому несколько аманатов со себя дали, и дань платить обязались” [20].

Приведенный документ свидетельствует о почти равном отношении ойратских правителей как к ханам Абулмамбету, Абулхаиру, так и султану, с которым были вынуждены считаться, имея в виду реальное воздействие, оказываемое им на крупные родоподразделения Среднего жуза. Боязнь перед его авторитетом побуждали ойратских правителей относиться к нему как к государю. Удивительным нам представляется взаимная терпимость Барака и знаменитого Абылая. В документах, которыми мы пользовались, не было ни одного факта неприязни друг к другу, значимость их для автохтонных обитателей степи была гораздо отчетливее, чем личность хана Абулмамбета, власть которого продолжала оставаться номинальной. Причем значение Барака заметно поднялось в глазах казахского населения, когда Казбек бий и видные старшины на Курултае решились взамен сына хана Абулмамбета направить в Джунгарию сына Барака, более достойного, почитаемого калмыками как степная знаменитость. Об этом говорит, к примеру, запись показаний башкира Т.Балтасаева от 22 сентября 1743 г., ездившего в Средний жуз для выяснения взаимоотношений хана Абулмамбета и султана Барака с Галдан-Цэреном. “Прежде отпуску Аблай салтана их полону зюнгарский владелец Галдан-Цэрен к Абулмамбет хану и Барак салтану присылал от себя с таким требованием, что на смену Абулмамбетову сыну, у него в аманатах находящемуся, прислали Баракова сына, почему они с знатными старшинами Казбек бием и протчими и советовали... дабы будущее весною Баракова сына Шигая султана к Галдану-Цэрену в аманаты отдать и там Абулмамбетова сына сменить ...” [21]. Для обхождения Галдан-Цэрена Курултай решил помимо знатного аманата послать ему в подарок белого кречета, да борзую собаку; отдельным пунктом оговорено - сына султана Барака отправить “с домом” и при нем держать батыра Найман-Каракерейского рода Ерлыкапа [22]. Внешнее проявление некоторой зависимости Барака, выразившееся отчасти в даче аманата, дало основание отдельным исследователям для утверждения о будто бы переходе его на сторону ойратов.

К Бараку тянулись и другие правители соседних владений. В частности, Ходжентский властелин, враждовавший с ойратами, добивался союзнических отношений с Баракком, об этом, к примеру,

сообщал посетивший аулы казахского султана переводчик Р.Уразалин [23]. Однако отсутствие каких-либо достоверных сведений не позволяет подтвердить или опровергнуть эту информацию.

Владения Барака вплотную примыкали к границам Джунгарии, и события, происходившие в непосредственной близости от Казахстана, так или иначе отзывались в душе каждого кочевника. Барака в связи с перекочевкой Абулмамбета к Туркестану почитали за полновластного хана. И он понимал свою ответственность за судьбы родовых подразделений, смотревших на него как на своего сюзерена. Это сильно огорчало и вечного претендента на пост Главного хана — Абулхаира, ни под каким видом не желавшего смириться с ростом влияния своего соперника и постоянно искавшего случая подорвать его престиж, прежде всего в глазах русской администрации, которая, естественно, держала сторону своего подданного в ущерб интересам гордого наймана. В документах находим немало обращений, исходящих от неутомимого хана Младшего жуза, односторонность которых относительно Барака и других его политических оппонентов имела своей целью дискредитировать их в глазах колониальных властей. Обратим внимание на письмо хана от 4 марта 1742 г. на имя императрицы Елизаветы Петровны: “... Барак салтан с находящимся Карасакалом (одним из предводителей башкирского восстания, нашедшего со своими сторонниками приют в аулах Казбек бия), препятствуя всяким делам, стал на путь разбоя, возглавив его”. Причем тут же он задел и Абулмамбета и Батыр султана, характеризуя их “четырьмя единомышленниками” [24]. Налицо явное стремление хана обелить себя перед Петербургским двором, представляя своих недругов противниками России. “Барак салтан и Батыр салтан, внося разногласие, уговаривают давать калмыкам белый дом и алман. На это мы говорим: какой же вред Вы потерпели от государыни, которой мы подчинились и она стала нам отцом и матерью” [25]. В дискредитации Барака в равной мере от хана не отставали и его сыновья, в чем в некоторой степени преуспел один из деятельных его наследников - Ералы, в одно время по настоячивым усилиям своего отца временно управляющий многочисленным Кереевским родом.

Иван Неплюев как-то, ссылаясь на информацию от Ералы, сообщал Коллегии иностранных дел о предупреждении командиров форпостов, от “противностей и пакости”, к которым будто бы “склонны” Абулмамбет хан и Барак султан [26].

Летом 1742 г. один из комендантов сибирской пограничной линии, характеризуя ситуацию в случае начала военного вторжения ойратских сил, следующим образом выразил позицию Сибирской военной администрации, в случае создания сложной ситуации для

видных феодалов обоих жузов: “Абулхаир хана со всем домом его для лутчей от зенгорцев безопасности в Орскую крепость впустят, а Абулмамбет хана, Барак салтана и прочих знатных старшин в городке удержать запотребно не разсуждается”[27].

В то же время посланцы Галдан-Цэрена, так часто посещавшие улусы Барака, изо всех сил старались настроить влиятельного феодала против многочисленных военно-инженерных сооружений, создававших угрозу как для ойратского влияния в регионе, так и для казахов, кочевавших в этом регионе, расширяя почву для крестьянской колонизации земель в Обь-Иртышском междуречье и на Алтае.

Вбить клин между казахскими султанами, перетянуть на свою сторону видного властелина, настроить султана и его окружение против создания сплошных военных линий - составляли не последнюю заботу ойратских повелителей. “Посланцы три человека (ойраты - Ж.К.) ... Бараку при всех говорили, что русские де люди у них зенгорцев, Иртышем, а у вас отняв Яиком реками завладели, что де ни непринадлежащие, а затем де уское и так забраться не оставят, что в кочевье их места не будет. И тако де, что вы думаете, и мы де своего не уступим и, что де они на Иртыше построили, то все збивать будем”, - читаем в выступлении главы миссии ойратов во время приема у Барак султана[28].

Коллегия иностранных дел довольно оперативно, через своих лазутчиков в аулах казахских султанов, получала достоверные информации о домогательствах ойратской стороны, однако воздерживалась от решительных мер, ибо “верноподданный” Абулхаир вел себя несколько странно, одновременно тайно контактируя с теми же джунгарскими правителями.

Как ловкий дипломат хан довольно четко представлял себе тяжкие последствия однобокой ориентации на Россию. Нейтрализация ойратской позиции, сохранение политической обособленности Казахстана всеми ухищрениями добиться отстранения своих соперников за власть, объединение разрозненных жузов - мечта энергичного хана. И на этот раз он поступил так, как действовал на протяжении длительного времени: завязал “сношения” с джунгарским хунтайджи, ему даже удалось успешно сосватать за Цеган-Доржи свою дочь. Этот шаг хана был сочтен царской администрацией чуть ли не за измену[29].

Дополнительные информации подтверждали об участвовавших случаях посещения ойратскими представителями владения непокорного султана. Посланный в казахскую степь “для проведывания” событий Иван Лапкин, будучи в улусе Барака, “слышал от батыра Сара бия”, что до его приезда в ставку султана “здесь было собрано зюнгарское войско, ходившее в Ташкент, под самаркандских татар до 12 тыс. человек”[30]. Ойраты, ловко

подыгрывая на чувствах казахов, также выражали возмущение заселением “русских людей за Иртышем, что на кочевье мест не будет”[31].

Барак сознавал прямые издержки присутствия в его ставке ойратских посланцев, могущих озлобить Оренбургскую администрацию, и в ответ на попытки их настроить его против России, заявлял, что “от построения на Яике крепостей от русских никаких обид ... торгом при них довольствуются”[32].

“Между всеми киргиз-кайсацкими владельцами знатнейший...”

Начало 40-х годов XVIII в. — период массивной колонизации казахских земель, постепенного утверждения российского присутствия в Центральной Азии. Постепенное затухание агрессивных действий ойратских правителей, соответственно восстановление былых, посреднических функций казахских ханств в международных отношениях в регионе вызывали беспокойство Петербургского двора, изо всех сил старавшихся не допускать распространения иноземного влияния в этом стратегическом районе, а потому усилия Коллегии иностранных дел, а также Оренбургской губернской администрации призваны были всемерно поддерживать тех степных правителей, которые уже признали имперское подданство, а также, по возможности, привести в лоно российских интересов непокорных, влиятельных казахских султанов, по своим реальным потенциалам почитавшихся как полноправные правители разветвленных родо-племенных подразделений Среднего жуза с учетом специфики общественного устройства казахов той поры. В числе первых, естественно, может быть назван тот же прославленный герой борьбы против ойратских нашествий, высокородный чингизид султан Барак.

Оренбургская администрация сознавала реальную раскладку соотношения политических сил в Казахстане середины XVIII в., когда постепенно залечивавшие свои раны казахские ханства в случае углубления явной тенденции к упрочению традиционных взаимосвязей между автохтонными этно-политическими объединениями - жузами - могут оказать противодействие территориальным претензиям России.

Однако ситуация пока что складывалась в пользу Российской короны, ибо наиболее крупные политические фигуры, такие как прежде всего Абулхаир, Абулмамбет ханы, набирающий вес султан Абылай, юридически рассматривались как вассалы Петербурга, а их ханства находились на положении

обособленного, своеобразного протектората. Ни хан Младшего жуза Абулхаир, ни хан Среднего жуза Абулмамбет, ни тот же Абылай хотя бы внешне не пытались расторгнуть в свое время конформированные договорные обязательства с Россией, хотя Абулхаир, более всего испытывавший все возрастающий прессинг колониального влияния и сужения своей ханской прерогативы, временами осмеливался перечить хитроумным комбинациям И. К. Кириллова, а после его смерти И. И. Неплюева. По существу, вне пределов российского внимания оставался Барак, управлявший одним из самых многочисленных родовых общин - найманов, кочевья которых простирались от Шынгыстауских гор до р. Или.

Теперь геополитические интересы Петербургской администрации побуждали Оренбургское начальство и комендантов сибирских пограничных линий обласкать грозного Барака султана, апробированными методами перетянуть его в сферу досягаемости воздействия России. 10 июля 1744 г. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев, отзываясь о личности султана, писал: "А понеже и сие оной коллегии довольно известно есть, что тот Барак салтан между всеми киргис-кайсацкими владельцами за знатнейшего и многочиснейшего салтана почитается". Перенацеливание вдруг внимания царской дипломатии на частные моменты жизни увенчанного славой батыра было порождено отчасти его явной протекцией, как самостоятельным правителем части Среднего жуза, вождю Башкирского восстания 1740 г. Карасакалу, бежавшему в казахскую степь от преследования царских карателей и нашедшему теплый приют именно у султана. Тот, выдавая себя за брата контайши Галдан-Цэрена, известного Шуно батыра, добившись расположения известной в степи личности, углублял свои контакты со знаменитым Казбеком, а также влиятельным батыром Кабанбаем[33].

Барак, как независимый местный правитель, даже "сговорился" с Карасакалом выдать за него свою сестру; видя благорасположение к нему Кабанбай батыра, мудрого Казбек бия, он решился на тесное сближение с опальным башкуртским вождем, однако, при этом проигнорировал позицию ойратского повелителя Галдан-Цэрена, искавшего подходящий случай наказать самозванца.

Казбек бий, Кабанбай батыр, состоявшие в подданстве России, остерегаясь досады Петербургского двора, раздраженного благосклонным отношением влиятельных лиц Среднего жуза к "мятежнику", мгновенно отреагировали на окрик И. И. Неплюева, все более удаляясь от политического изгнанника, и Карасакал с ним несколько "разрознился", ему не оставалось иного выхода, как искать более тесное сближение с Баракком. Нам следует уточнить степень доверительных отношений ойратского контайши и Барак султана: Джунгария была ослаблена, но не сломлена, и

она продолжала представлять опасность в отношении всех казахских жузов, тем более для кочевий наймановского поколения, соприкасавшегося с ойратскими землями. Учитывая сложную ситуацию, Барак опасался гнева Галдан-Цэрена и, конечно, как и прежде ориентировался на позицию мудрого Казбек бия. К тому же Галдан-Цэрэн, информированный о благосклонности султана к Карасакалу, настолько ужесточил свою позицию относительно происходящих событий в кочевьях Барака, через своих лазутчиков давал ему знать о последствиях подобной любезности. Ч. Валиханов даже приводит факт подкупа Галдан-Цэреном недоступного Барака, чтобы он "убил самозванца" или выдал ойратам[34]. Галдан-Цэрэн обуславливал возвращение сына Барака - Шигая из аманатства его "поимкою" Карасакала. Распространялись слухи о якобы согласии султана задержать «знатного башкуртца», что и побудило его отказаться от своего бывшего теперь покровителя[35], опасаясь за свою жизнь, хотя большая часть свободных общинников поддерживала позицию влиятельных родовых старшин, до его смерти в 1749 г. осмелившихся не реагировать на устрашающие предупреждения своего покровителя - России, и еще сильного врага - Ойратского хана. Карасакал же внимательно, с тревогой следивший за моментально меняющейся обстановкой в регионе, проинформированный теперь о желании Барака принять Российское подданство, "потом рассорился" с Баракком.

В середине 40-х годов XVIII в. сильно изменилась ситуация во всей Центральной Азии: упрочилась позиция России на Западе — Елизавете Петровне удалось добиться там желаемых успехов в решении своих проблем, что дало ей возможность активнее внедряться в глубь азиатской окраины.

Губернатор И. И. Неплюев, практически облеченный полными полномочиями в отношении подданных, особенно Младшего жуза, усиливал натиск на Абулхаира, срамливая его с Барак султаном и Абулмамбет ханом, последний, предпочитавший "тишину и спокойствие", сильно остерегаясь комбинированных действий "великого интригана", как охарактеризовал Оренбургский губернатор неутомимого Абулхаира, снялся и перекочевал со своими сородичами к Туркестану, оставив громадные просторы Среднего жуза на попечение двух знаменитых чингизидов - Абылая и Барака, которые, кстати, к великому удивлению современников находились в добром согласии, углубляя наметившуюся тенденцию консолидации казахских земель.

И Барак уверился во мнении о фактической необратимости процесса давления на него российских военно-административных структур, и вынужден был выразить свое несколько запоздалое возмущение к принятию российского подданства, хотя после откочевки Абулмамбета на юг "всеми почитался за главного"[36].

Еще до 1774 г., когда Барак официально присягнул наследнику российского престола Петру Федоровичу III, его представители, хотя не сформировались, входили в состав ханских миссий. В 1742 г. его люди были в дипломатической миссии, отправленной в Москву от Абулхаир хана [37], в том же году его доверенные лица посетили Оренбург, подготавливая и изучая условия принятия Российского подданства. Его послы были щедро награждены подарками. 24 марта 1743 г. «на имя Барака была составлена грамота, посланная в Средний жуз вместе с золотой саблею» [38]. 23 ноября 1744 г. посольство Барака во главе с близким к нему султаном Даулетбаем, в которое вошел опытный в ведении переговоров башкирец Тюкан Бамбатаев, возвратились обратно. Кроме грамоты императрицы послы доставили Бараку и письмо от первого Оренбургского губернатора и, конечно же, давно им ожидаемые награждения: бобры, драгоценные камни, золотую саблю [39], лекарства, чай, сахар. Барак «с великим благодарением и порадованием принял похвальную от ее И. В. грамоту и саблю» [40]. Как прославленный сардар, он прежде всего облюбовал обрамленное золотом оружие.

Грамота на подданство давала ему и политический вес, облегчала его стремление как-то избавиться от двусмысленного положения, когда султан, будучи правителем крупного, но одного рода, наряду с ханами отправлял в резиденцию ойратского контайши в качестве аманатов своих сыновей. Теперь же, облеченный поддержкой России, он мог перенацеливать ориентацию на Джунгарию, полагаясь на гласную поддержку Петербурга, сосредоточить свои усилия на решении внутренних вопросов. «Послал тогда от себя Зенгорскому владельцу Галдан-Цэрену письмо с требованием от него дзунгарского владельца содержащего его сына Шигая салтана, отданного на смену Абулмамбет хана ... реченного сына Барака и отпустил» [41]. Несколько смягченный тон ответного письма ойратского властелина подтверждал факт заметного ослабления прежней настойчивости сакраментального неприятеля казахского народа «... ему в киргизских владельцев в аманатах нужды нет и впредь Вы не присылали ... , что от него Зенгорского владельца безпричинных (следующее слово не разобрал - Ж. К.) никаких к ним не будет, и спор с ним иметь не желает ...» [42]. Но в то же время ойратский владыка дал знать Бараку о возможных ответных действиях его войск в случае военного вторжения казахского ополчения в пределы его страны: «... но охотя от них и задоры какие случись, то до прежнего раздора презирать обещал. Раз буде они киргизы в том себя окажут, тогда уже к отмщению себя в орду же рукою освободять...» [43].

Заметно упрочив свою позицию в отношении Джунгарии, и продолжая меры по нейтрализации политики ойратской стороны, видя неотвратимость расширения колониальных приобретений

России в Младшем жузе, покорении Башкирии, Барак, переборов свои личные амбиции, в 1746 г. вновь решил отправить миссию во главе с дипломатом Искандером в Петербург, ко двору племянника императрицы Елизаветы Петровны, будущего монарха Петра III по случаю объявления его наследником престола. Императрица в ответном послании «одобрила сей поступок (Барака — Ж. К.) и похвала (его) распространения купечества при Оренбургской торговле» [44]. По указу же ее от 22 октября 1749 года султану Бараку было назначено жалованье, члены же дипломатической миссии удостоены различных наград. Текст указа императрицы: «Мы, Елизавета первая, императрица ... нашего и. в. подданному киргиз-кайсацкому Средней Орды Барак султану со старшинами наша императорская милость ... Иван Неплюев доносил яко ты по своей к нам великой государыне всеподданнейшей должности от нас всемилостивейшей определенному нас наследником нашей империи любезному племяннику нашему великому князю Петру Федоровичу присягу учинил и о распространении при Оренбургском купечестве старание прилагавши. От тебя же для поздравления племянника нашего ... прислали сюда нарочной посланец Эскандер султан со старшинами пред наше допущен и с императорским указом отпущен, возвратно указали мы губернатору Неплюеву отправить и тебе жалованье и притом о нашей императорской к тебе милости и вящеизъявить повелели» [45].

Документ был подписан 22 октября и незамедлительно отправлен в ставку султана Барака и, по существу, явился официальным ответом российской императрицы на вышеупомянутое обращение его в Петербург. Письмо же казахского султана датировано 24 июня 1745 г., теперь целесообразно воспроизвести текст обращения его, но не к Елизавете Петровне, а к Великому князю, голштинскому аристократу, волею судеб оказавшемуся в центре внимания российской дипломатии Петру Федоровичу: «Я, Барак салтан, Тюрсюн (Турсун - Ж. К.) о здоровье и благополучии Вашего высочества с знатными нашими биями и батырами моление производили ... шаствие Ваше умножили бы против Александра царя Македонского, а здоровье сохранил на многие лета во веки веков ... Я Барак салтан и к Бухарскому хану о том объявил Искандер салтана з знатными людьми от себя посылал. При том приказал, дабы Бухарский хан для поздравления з знатными людьми прислал ко мне купеческий караван с объявлением я оной отсюда з знатными те моими биями в Великую Россию отправлю» [46].

Итак, Батыр султан — единственный из влиятельных чингизидов Среднего жуза, так оберегавший свою политическую обособленность, тем заслужив признания своих племянников,

зависть своих оппонентов, распростился со своей независимостью, встав вровень с другими видными правителями двух соседних жузов. Впрочем, как популярный батыр, в случае конфронтации с иноземными неприятелями он без напряженных усилий мог выставить несколько десятков тысяч превосходно оснащенных всадников, и Оренбургскому губернатору, как и Сибирскому, приходилось считаться с воинской его доблестью. По сведениям, изложенным им при церемонии вручения грамоты Елизаветы Петровны, число жителей в одном найманском роду простиралось до 40000 кибиток; из расчета в среднем пять человек на семью - 200000. Его ополчение было вооружено "большими карабинами без замков с фитилями"[47]. Эти данные изложены им в помпезной обстановке, в присутствии как представителей Оренбургского губернатора, так и знатных степных аристократов, а потому трудно исключить факт осознанного утрирования сведений " ... они (его сарбазы - Ж.К.) слезая с лошади на сошках целно стреляют и порох каждый про себя делать умеют, также в свинце у них не ускудевает". Как тонкий восточный региональный правитель, он отчетливо представлял себе свое место во вновь складывавшейся обстановке в связи с явным дифференцированным подходом правительства к наиболее влиятельным местным султанам, ханам Среднего и Младшего жузов.

После смерти Галдан-Цэрена Джунгария вошла в полосу длительной кровавой борьбы между претендентами за престол и, теперь, в основном, была озабочена внутренней междуусобицей; Россия же, положив в основу военно-политические устремления, прежде всего экономический фактор, в 1747 году объявила собственностью Романовской династии все горнозаводские предприятия со всеми военно-хозяйственными принадлежностями на Алтае; массивная частная крестьянская колонизация земель в районе Ишима, Яика, Сары-су, Жем (Эмбы), Иртыша постепенно переплеталась с правительственной политикой аграрных захватов. Осуществление замыслов колонизации обширного края в 1745 г. было поручено И.И. Неплюеву, когда тот был вызван в столицу по поводу продолжения аманатства Кожамета, сына Абулхаира от Попай ханши (байбише) или замены его способным его же сыном от калмычки - Шингисом. Бараку не чужды были и дипломатические свойства, и он понимал, какую роль могут сыграть межличностные отношения, в частности с Оренбургским губернатором, в его предстоящей конфронтации с Абулхаиром. В этом плане постичь намерения Барака было вовсе нетрудным делом, и султан вкладывал много сил для поддержания с тайным советником конфиденциальных контактов, убедившись в бесплодности, в конечном счете, неприязненных отношений с всемогущим хозяином обширного края.

4 июня 1747 года Барак отослал генералу И. Неплюеву свое письмо: "Всепоподанейше приношу Вам генералу, приятелю моему желаю премного лет здравствовать. При сем объявляю, что видя благополучное возвращение Искандер салтана, как я, так и все с Средней Орды киргиз-кайсаки весьма радовались, за что мы о здравии всемилодливейшей государыни и его императорскому высочеству ... молимся и впредь даже до окончания жизни своей в верности служить обязуемся, кто на Российское государство зломыслить будет, то мы таковых искоренять будем"[48].

Подобным образом он тянулся к тайному советнику, стремился втереться в его доверие, располагая достоверными сведениями об охлаждении его взаимоотношений с Абулхаиром, с которым прежде противоборство теперь переросло в открытую вражду, которая должна была увенчаться уходом с политической арены одного из них.

На стороне хана Младшего жуза - чрезвычайная популярность среди кочевников, опыт в развязке сложных политических противоречий во взаимосвязях с царизмом, внутрижузовых проблем; Абулхаир был искусным дипломатом, люди по прежнему верили ему, в его прежнюю неустрашимость, и в Среднем жузе у него было немало поборников, к примеру отважный Жанибек Тархан, да и Абылай, Казбек бий, престиж которых и других влиятельных лиц долгие годы удерживал Барака от необдуманных поступков, нанесящих ущерб общенародному делу; вдобавок к сказанному, разветвленный клан хана своими щупальцами держал в поле зрения всякие, казалось бы, мельчайшие перемены, происходившие в двух жузах. Нуралы - старший сын Абулхаира, будучи относительно молодым, обладал всеми качествами государственного деятеля, безропотно исполнял все предначертания отца; Ералы султан еще в 30-х годах прославился как искусный дипломат, часто привлекался для выполнения чрезвычайных, порою деликатных поручений. Даже султан Ералы, хотя короткое время предводительствовал в керейском роду, кочевья которых располагались рядом с найманскими, где властвовал тот же Барак, вынужден был терпеть нежелательное соседство.

Барак, как мы уже заметили, также пользовался широкой известностью как один из деятельных организаторов антиойратской борьбы, более возвышенным благородством, как сын Турсын хана, брата Кучук хана, нежели Абулхаир, который не мог похвастаться таким дородным происхождением; Бараку было присуще тщеславие, чингизидская спесивость, которые он продемонстрирует в 1750 г. во время бийского суда над ним. Ни ойратские правители, ни Оренбургские администраторы так жестоко не напирала на его достоинство, как это было сделано в

отношении Абулхаира, а после избрания общеказахским ханом - над великим Абылаем. Его владения, как независимый островок в окружении степной стихии, часть которой присягнула России почти через 6 лет после события 1738 г., продолжала сохранять свою автономность. Теперь наступил момент решительной развязки в отношении двух могущественных деятелей соседних жузов. Противоборство никак не могло довершиться на поле боя их военным столкновением, чего не допускали печальные уроки внутрифеодальной междоусобицы даже в самые трагические годы.

Актабан шубырынды - Великое бедствие; путь к вооруженному исходу затворяли выдающиеся политические деятели, прежде всего Абылай, дальновидная политика которого во многом отпугивала степных рыцарей, искавших приключения, жаждущих славы побед в межродовых распрях. Историческая память хранит немало удивительных, да и отчасти случайных фактов трагического исхода противоборства весьма знаменитых личностей. И вот такое мгновение, решившее судьбу Абулхаира, а во многом и Младшего жуза, наступило ...

Прежде чем рассмотреть подробности первой в истории Казахстана насильственной смерти владыки Младшего жуза, отметим факт, что и в Младшем, и в Среднем жузах среди близкого окружения двух знаменитостей было немало склочников, строивших козни ради вождения своих узкородовых амбиций, выискивающих всевозможные поводы к их столкновению.

Недрузи Абулхаира все энергичнее подбивали против него султана Барака, имея в виду и российский фактор в их судьбах, что имело негативные последствия особенно для хана, ибо вторая половина 40-х годов XVIII века применительно к его позиции относительно России была настолько ослаблена, что его противники в любой миг готовы были использовать это обстоятельство в своих интересах.

В предыдущих разделах мы уже заметили резкую реакцию хана на жестко регламентированные действия И.И. Неплюева, которые, помимо других обстоятельств, ограничивали его традиционные ханские действия, на что опять-таки довольно бурно реагировал степной правитель. Мы склонны несколько детально раскрыть суть охлаждений его позиций к Оренбургским администраторам, полагая вполне допустимым считать одну из причин, побудивших Барака войти в открытое пререкание с ханом, именно это обстоятельство, т.е. почти прекращение поддержки И. Неплюевым ханских предначертаний.

И. Неплюев, может быть, и не без оснований допускал мысль, что фактически подстрекателем участвовавших в нападении казахов на русские караваны, следовавшие на Восток, на русские военные линии явился не кто иной, как сам хан, подданный России. И

Оренбургский губернатор уже усердно вынашивал планы устранения Абулхаира от ханского трона, что, с другой стороны, отвечало несменяемым замыслам Барака. Но это было случайное совпадение интересов Барака и Неплюева, так редко общавшихся между собой, которых также разделяли разногласия по поводу усиления влияния России в регионе.

Цель И. Неплюева - отстранить от ханства Абулхаира, сменить его на престоле другим, более разговорчивым чингизидом, а если удастся, вовсе упразднить институт ханства, управляя регионом через Оренбургскую администрацию; цель же султана Барака - тоже отлучение заклятого супротивника от управления Младшим жузом, но, однако, он расходился с губернатором по более глобальным задачам - стоял за укрепление традиционной власти чингизидов, но его не устраивала персона Абулхаира. А потому усилия бригадира А. Тевкелева, вызванного в Коллегию иностранных дел и получившего особые полномочия, стержневым из которых явилось предписание Петербурга "помирить Абулхаира с Неплюевым", оказались безуспешными. При личных выдающихся качествах дипломата, близко знавшего обоих противоборствующих, он, увы, не был в состоянии "привести их в согласие и дружбу"[49]. Испытывая постоянный напор изнутри со стороны Барака и извне со стороны И. Неплюева, хан решился испробовать иной вариант - привлечь внимание прежнего своего приятеля, с которым его связывали доверительные отношения, бывшего наместника правительства на Южном Урале, ныне Астраханского губернатора, выдающегося историка В.Н. Татищева. Абулхаир уже в середине 40-х годов осознанно постигал смысл своего величия для казахского народа и всевозможными мерами старался отвлечь крайне нежелательную для него конфронтацию с Баракком, ставшим грозной непредсказуемой фигурой в степи, заодно и с И. Неплюевым, доверенным представителем "белой царицы". Его обращение к В.Н. Татищеву - своего рода жалоба на промежуточную инстанцию в создаваемой царизмом управленческой иерархии в регионе. "К тайному советнику Оренбургскому губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву, - писал хан, - наши люди ездят, хотя я оным и нахожусь, однако, не очень доволен, понеже случается нужды моей о донесении Ее императорскому величеству, то оного ничего не исполняет и оставляет втуне ... посланцам нашим чести никакой не имеется ... от детей своих нахожусь в стыде"[50].

Василий Никитич Татищев, известный организатор горнозаводского дела на Урале, деятельный координатор хозяйственного освоения богатого, но мало обжитого края, издали сопереживая степному приятелю, будучи не в состоянии оказать какое-либо содействие ему, признав свое бессилие, дал

знать о намерении строго соблюдать административную субординацию, имея в виду, что он управляет Астраханским краем, Оренбургским же – И. Неплюев, отвечал: “... в кайсацкие дела вступать невозможно, ибо все сие указания Ее императорского высочества (позучены) Оренбургскому губернатору – тайному советнику” [51].

И.И. Неплюев не мог не знать, хотя и игнорировал дошедшую до него распространившуюся по всей степи информацию о намерении Барака расправиться со вторым сыном Абулхаира Ералы султаном. Дело в том, что Ералы, как мы уже выше отметили, с малых лет проявлявший дипломатический такт, поставленный своим отцом во главе кереевского рода, не чинясь, сходил с видными чингизидами, в т.ч. с султаном Абылаем, единственно остерегаясь козней Барака. И когда Ералы находился вместе с Абылаем на р. Сары-Тургай, где они совместными усилиями громил улусы Верхних каракалпаков, Барак отправил к Абылаю “шпионов”, чтобы тот стал его пособником в “лишении жизни” сына Абулхаира. Абылай, еще с молодых лет отличавшийся честностью в своих поступках, выказав отвращение к злодейскому порыву своего соратника, тотчас предупредил Ералы о готовящемся намерении, на что Ералы, тут же поднявшись со своими приверженцами, перекочевал к матери Попай. Обо всем происшедшем вокруг своего клана хан был своевременно осведомлен, но, как умный деятельный политик, не мог не почувствовать, как постепенно вокруг его семейства сжималось кольцо смерти.

Тем временем вооруженные тюленгуты Барака, повсюду через узункулаков – распространителей разной, порою достоверной информации, зорко следили за каждым шагом Абулхаира. Ханские маршруты в Орск, Оренбург были известны почти каждому кочевнику. В силу сохранившихся традиций за свитой нукеров и вооруженной охраны его, как правило, следовало немало всадников, часто посещавших Оренбургский караван сарай, где они на месте изучали возможности обмена скотом и животноводческого сырья на товары повседневного спроса, особенно мануфактурного производства, в которых потребности народов, в т.ч. аулов хана были очевидны.

П.И. Рычков, впоследствии первый член-корреспондент Российской академии, удостоенный этой чести прежде всего за превосходные исследования по истории Оренбургского края и по рекомендации М.В. Ломоносова, который, кстати, так часто общался с Абулхаиром, писал: “Иногда ханы сами являлись на Оренбургский меновой двор, и скупали значительную часть русских товаров с тою целью, чтобы потом раздарить их корыстолюбивым киргизцам” [53]. К тому же ханский отъезд и

отъезд его окружения в Петербург, обставлялся с такой пышностью, известия о сих широко распространялись по глубинным аулам, ибо он не без основания считал себя не кем иным, как основателем главного форпоста России на Южном Урале, зачастую вызывающе демонстрировал свою кипучую деятельность в ущерб интересам таких славных батыров, как Барак, раздражая их, побуждая их на ответные шаги. Тот же П.И. Рычков в данной связи верно заметил: “Абулхаир признавал себя основателем Оренбурга (инициатива строительства города вблизи казахских кочевий исходила от него – Ж.К.) ... всячески тшил оных Средней Орды владельцев (читай прежде всего Барака – Ж.К.) обесславить и через интриги свои то, что другие о них, разглашал...” [54].

Тем временем злоба Барака на Абулхаира еще пуще возрастала, что, между прочим, усугублялось явной поддержкой А.Тевкелевым Абулхаира. Тот придерживался мнения “лучше домогаться главного хана указом сделать (т.е. Абулхаира – Ж.К.), ибо отнюдь без главного хана (порядка) быть не может” [55].

В череде взаимной вражды Барака с ханом неизменно оставалась борьба за влияние на каракалпаков, в том султана подбадривал вечный оппонент Абулхаира “Аральский хан” Батыр. И вот подвернулся случай, положивший конец затянувшейся ссоре двух степных гигантов, потрясший всю Центральную Азию и Петербургский двор.

Яков Гуляев, татарин, переводчик при Губернской администрации, впоследствии отправленный в улусы Абулхаира для выяснения обстоятельств гибели хана, составил подробную записку о случившемся и, по его же мнению, поводом к последней кровавой драке послужило противоборство его с Баракком за влияние на верхних каракалпаков. В начале лета 1748 г. человек двадцать жалаирцов Старшего жуза посетили аулы своих соплеменников, тоже жалаирского рода, которых было 1500 кибиток [56] и предложили им кочевать вместе, “клятвенно обещаясь защищать их как однородцев от нападений и грабежа врагов” [57]. Те, нуждаясь в подкреплении и совместной защите, выразили согласие. Однако через некоторое время приверженцами Барака были начисто ограблены; это случилось в смежных землях с владениями Абулхаира, рассматривавшего случившийся факт как унижение его достоинства. Абулхаир без промедления решился на ответный шаг, вооруженный отряд в 250 сарбазов, не мешкая, явился к каракалпакам, “встретивших хана весьма склонно” [58], на что так остро среагировал неистовый Барак, считавший себя обойденным. Яков Гуляев рассказывал: “Барак о том уведал, что соединясь с помянутыми (т.е. Старшего жуза – Ж.К.) жалаирцами, что Абулхаир хан не только каракалпак, и Вас, и нас уже грабить

начал и против себя никого не оставит, а как де мы соединимся, то уже в самом о себе знать дадим и тако согласясь обще на него хана пошли и стали нападать ...”[59]. Однако Яков Гуляев, собравший эти сведения со слов очевидцев этого убийства, несколько ускоряет событие; между каракалпацким делом и вооруженным их столкновением еще некоторое время. На бийском суде на вопрос почему же он решился на убийство хана в числе других, побуждавших его на это страшное преступление, он отвечал, что хан “погребил присланное от (его) зятя (подарки - Ж.К.) на трех верблюдах”[60].

Дело в том, что если признать версию Барака за правду, то действительно закон “Жеты жаргы” на стороне убийцы. По действовавшим степным канонам, сохранившимся со времени Касым хана, ограбление калыма за невесту рассматривалось как акт святотатства, за которое сородичи могли совершить барымту. К тому же, по уверению Барака, его дочь засватана за сына соперника Абулхаира “Аральского” хана Батыра так же, как и Барак, отличавшегося более знатным происхождением, чем Абулхаир.

Говоря о стычке двух высородных чингизидов, и для определения центра тяжести в развитии последующих событий в Младшем жузе, нам следует присмотреться к неприглядной роли “Аральского хана” Батыра, который, претендуя на престол в Младшем жузе, не упускал случая перечить позиции Абулхаира. Практически Батыр султан ускорил развязку событий, подталкивая будущего “свата” Барака на кровопролитие. Тотчас же, после получившего широкую огласку ограбления “разных вещей на трех верблюдах”, Батыр султан “нестерпя о такой ханской наглости, писал Барак султану с объявлением, что те вещи присланы якобы в калым дочери ево Баракова”[61].

В канун кровавой драмы каракалпаки решили объединиться с Баракком “и напали на Абулхаира”[62]. Желание Батыр султана во многом сходилось с личными устремлениями Барака. Батыр также лелеял надежду на устранение Абулхаира и на переход власти в свои руки. “Батыр салтан желание имеет в Меньшой орде и ханом быть, чего ради некоторых биев чрез свое умение к себе привлекал, от себя в разные роды людей рассылал с таким объявлением, что он старший и ханом быть ему, а не Абулхаиру”[63].

Нам представляется подтвержденным факт перехода каракалпаков на сторону Барака, вследствие антиханской агитации Батыра султана, жаждущего сокрушить своего соперника - законного властелина Младшего жуза.

В начале августа 1748 г. Абулхаир с небольшой свитой возвращался из Орской крепости, и здесь, на притоке Ол-Кейек (а не Уль-Каяк, как обозначено в трудах русских исследователей XIX

в., да и советской эпохи — Ж.К.), хан встретился со своим ярым врагом.

Теперь постараемся выяснить — случайной ли была эта роковая встреча? Детальное изучение документов той эпохи приводит нас к заключению, что в ней не было нечаянности; это была фатальная неизбежность; это могло свершиться рано или поздно, по обстоятельствам; однако судьба распорядилась несколько иначе, гибельный рок наступил 1 августа 1748 г. Мы предполагаем, что Барак через верных ему каракалпаков, а также своих соглядатаев разузнавал о возможных маршрутах возвращения хана из Орска и, конечно, не мог не знать о малочисленности ханской свиты. Чем ближе ханское окружение приближалось к своей летней ставке, тем он с легким сердцем распускал своих тюленгутов по своим аулам и, в момент неожиданной встречи с отрядом Барака, с ним осталось всего пять или шесть сопровождающих[63]. Судя по документам, Барак имел явное численное преимущество. Видя трагический исход рокового столкновения, узиры ханского дивана (правительства — Ж.К.) начали уговаривать его немедля покинуть злополучное место. “Имевшиеся киргизцы яво, хана, отвращали, объявляя, что Барак многолюден, со всеми жалайрцами и каракалпаками соединился” - свидетельствовал Яков Гуляев[64].

Легендарный участник многих кровавых побоищ с иноземными захватчиками, не раз прежде оказывавшийся на волоске неминуемой гибели, отважный воин Абулхаир посчитал для себя позором отступить перед заклятым недругом и, ослепленный жгучей ненавистью к нему, с тревогой окинув взором вокруг стоящих своих многочисленных врагов, ободряя своих нукеров сказал: “кто де Барака боится, тот может бабой прослыть, ибо де Барак сам нелутче бабы...”[65].

Мучительная ненависть одержала верх над рассудком; ослепленный непримиримой враждой к своему ненавистнику, предпочитавший смерть на поле боя позорному бегству, Мухаммед Гази Абулхаир бахадур хан смело шагнул навстречу своей гибели, видя как “бараковы партии к драке начали порываться”. И тут произошло самое чудовищное, неожиданное: без того малочисленная охрана хана разбежалась, оставив своего сюзерена на съедение его кровных, жаждущих гибели врагов. Находясь в одиночестве, Абулхаир вдруг с богатырским кличем набросился на нападавших; те сначала робко, затем видя его безнадёжное одиночество, смелее налетали на него. Тем временем, Барак, избегая жертв из числа своих людей, распорядился своим “киргизцам, жалайрцам и каракалпакам” напасть с тыла[66]. И вскоре хан оказался в крайне гибельном окружении лютых врагов. Даже в этих условиях, хан не потерял мужества, хотя ему было пятьдесят пять лет, он крепко держал в своих руках свой лук, ранил одного

сарбаза Барака, а у другого ранил лошадь; первое ранение он получил ударом копья. Но могучая сила хана, непреодолимое желание скрестить сабли, позволяла ему так проворно увертываться от ударов еще некоторое время, продолжая находиться в полном окружении, сопротивляться как молодой воин, удивив обрушившуюся на него вооруженную толпу. Между тем, один из нападавших приблизился на близкое расстояние и изловчился ударить хана топором в голову, и батыр, слабо отпаривая удары противников, вдруг зашатался; далее хан “к отпору чинить уже не был в состоянии”, хотя, как могучий израненный медведь, отбрасывал шакалов, поразив своей отвагой нападавших. Уязвимый, еле державшийся в седле, мгновенно решил на отчаянный поступок - вырваться из кольца окружения. Но тотчас, издали наблюдавший за происходящим сын Барака Шигай султан “догнал его и сшиб с лошади”[67].

О последнем мгновении хана источники излагают различные версии: А.И. Добросмыслов пишет, что Барак сам отрубил ему голову, когда хана свалили с лошади: “Киргизец Сарымбет, который от Барака султана в подчинении и присяги Ее императорского величества, на лошади, схватив, закричал ему, знаешь ты, что я Сарымбет, что де на свете ни делал токмо де на тебя обратились и, стащил его с лошади, даже с ним упал”. Вдруг Барак прискакав, слез с лошади “ево хана заколол ножом до смерти”[68].

П.И. Рычков, также изучавший детали внезапной гибели хана, в своем труде приводит иную версию: “один киргизец из Барак салтановых людей копьем до смерти ево, хана заколол”[69]. Такой вдумчивый исследователь, как В.В. Вельяминов-Зернов, вторит П.И. Рычкову, что Барак “заколол ножом несчастного хана”[70]. В документах сохранились имена и других соучастников этого убийства: матай-найманского рода - Нура-Мойнак, Тугалак, Кабай Нарбут. Эти сведения 24 сентября 1748 г. Жанибек тархан сообщил уряднику Ф. Найденову, также отправленному в казахские аулы для выяснения обстоятельств означенной трагедии[71].

Итак, знаменитый полководец, бесстрашно водивший казахское воинство на жестокие битвы с иноземными захватчиками, столько раз одерживавший победы над ойратами, один из организаторов разгрома врага в 1726, 1728 гг., при одном упоминании имени которого содрогались верхние каракалпаки, отчасти уральские башкирцы, центробежные силы внутри казахского общества, теперь простирался на земле как обыкновенный смертный. Его бездыханное тело не подавало признаков жизни. Говорили, что видя смерть хана, все обомлели и никто не осмеливался закрыть ему очи, над ним уже кружились изумрудные мухи.

30-летнее единоначальное правление его вдруг прекратилось как-то случайно; окружение Барака только начало понимать суть происшедшего насильственного лишения жизни хана, за которую степное законодательство предусматривало суровые меры наказания. Если бы не внезапная гибель главы Младшего жуза, может быть, колонизация северо-западного края не пошла бы с такой быстротой, как это наблюдалось после его смерти. “Долго бы еще пришлось бороться Неплюеву с Абулхаиром, если бы в 1749 (1748 – Ж.К.) не убил его, во время междоусобной борьбы султан Барак, положивший предел дальнейшим замыслам Абулхаира”, - так кратко резюмировал известный исследователь В.Н. Витевский[72] печальный исход долголетнего противоборства двух непримиримых супостатов.

Весть о гибели Абулхаира с невероятной быстротой разнеслась по степи. Этому способствовала традиция разноса различной информации по аулам, через узун-кулак, людей, которые моментально скакали в соседние аулы с новостью - хабар; прежде всего свежих, взбудораживающих аулы новостей достаивались близкие соплеменники. Со времени образования казахской государственности среди кочевников сложился своеобразный обычай: кто нес непривычное известие, пользовался даровым угощением; при некоторой склонности беднейших слоев общества пользоваться при таких случаях даровым свежим бараньим мясом и вдоволь напиться кумысу, охотников на мгновенное разглашение чрезвычайной информации, особенно в период летних кочевков, было немало.

Российская сторона была повергнута в шок - ей казалось невероятным насильственная гибель человека, пользовавшегося громадным влиянием. Оренбургский губернатор получил об этом весть только 26 августа. Первым делом для получения достоверной информации об этом, он отправил разными маршрутами, как мы об этом уже проинформировали любезных читателей, трех своих доверенных лиц, превосходно владевших местными наречиями, довольно близко общавшихся с казахскими старшинами, батырами и, конечно, неоднократно в ставках хана, в Оренбурге, Орской крепости встречавшихся с убитым: Матвея Арапова, Бузулукского казака, к которому губернское начальство питало устойчивое доверие. Арапову предписано было следовать совсем другими маршрутами - через Башкирию до Ямышевской крепости[73], пробраться в аул Барака, минуя расположение ставок сыновей почившего хана с целью сбора достоверных данных из уст очевидцев этой трагедии. Посланец губернатора застал Барака в марте 1749 года в устье реки Джидил (Жедел - Ж.К.); двуличие И.И. Неплюева, также отчасти причастного к гибели хана, проявилось в том, что он, с одной стороны, сразу же после получения известия о гибели

хана отправил письмо ханше Попай, ставшей волей судеб во главе ханской фамилии, в которой изъявил сочувствие по этому случаю; с другой, направляя Арапова к Бараку, через него дал знать о невмешательстве Оренбургской администрации в споры противоборствующих, тем самым обнадежив убийцу в безнаказанности с российской стороны; и Барак, проявив жесткость, “уверил Арапова в преданности русской императрице и (своем) расположении к пограничному начальству...”[74].

Как доносил И.И. Неплюев 25 октября 1748 года Коллегии иностранных дел, “с каким наставлением отправлен в орду (в Младший жуз - Ж.К.) и другой переводчик Яков Гуляев, в делах, с азиатскими народами более сведущий”, многократно выполнявший дипломатические поручения Неплюева. Помимо отмеченных заданий, Я. Гуляев имел скрытое наставление зондировать почву для “возжалования в Орде ханского правления, “... , чтоб оное согласовать могло с подданнической должностью того народа и с пользою высочайших интересов”[75]. Кроме названных лиц И. Неплюев также направил в Младший жуз башкирского старшину Кобека, казахского Байбека, “татарского атамана”, из Орской крепости - Смаила муллу, придав им провожатых из местных, снабдив их наставлениями[76].

Таким образом, позиция России в отношении убийцы вырисовывалась довольно четко: Барак султана оставить в покое, заодно ослабляя позиции ханского дома в плане судьбы дальнейшего функционирования института ханской власти, всевозможными мерами отворачивая возможные ответные действия сыновей и вдовы хана.

Наиболее непримиримой позиции придерживалась старшая жена Абулхаира, мать пятерых сыновей из шести - Попай, по мнению А.И. Добросмыслова, отличавшаяся большим умом “даже некоторым тактом”[77]. И. Неплюев, больше всего бригадир А.И. Тевкелев с подчеркнутым почтением относились к ханше, имея в виду ее влияние на Абулхаира и возрастающую роль в решении внутренних проблем в Младшем жузе. Ее реакция на убийство мужа была резкой. Собрав своих детей, в т.ч. Нуралы, преемника на ханский престол, в момент гибели своего отца, находившегося в 6 днях езды от его ставки; ханша, безутешно заливаясь слезами, умоляла потомство своего мужа отомстить за злодейство “Барака”.

13 сентября 1748 года ханша, в ответ на успокоительное письмо губернатора со вторым своим сыном Ералы отправила совместное послание, полное горечи и печали; вот некоторые выдержки: “понеже мы всегда в слезах и в такой печали находимся, что никакого к тому лекарства не имеется”; “... и при таком случае, не имев увещателя в таком состоянии, хотя горячий огонь водой залить можно, но мое сердце столько горит, что воду может сжечь”; “...

только против Абулхаир хана чести ни единой человек не стоит, ибо он благоразумный Абулхаир хан и государство сам изыскал...”[78].

Несколько оправившись от скорби, видя нежелание Оренбургской администрации преследовать и привлечь к ответственности убийцу, 6 октября 1748 года, Попай обратилась к И. Неплюеву, с очередной депешей, еще раз напомнив пагубность затягивания как ни в чем не бывало спокойно кочевавшего Барака “... а паче всего прошу об отмщении оному злодею нашему Бараку; старанием Вашим и отмстить и обещают, токмо я на них не надеюсь, но в том и протчих нужных случаях чрез Ваше старание от е.и.в. высочайшую милость получить уповаю”[79]. Попай ханша сознавала последствия вооруженной борьбы со сторонниками еще сильного Барака, а потому добивалась выделения военного контингента от губернатора; последний же дипломатическими увертками постоянно отмахивался от назойливых, как казалось ему, обращений ханши, и ее нестерпимое желание покарать убийцу, знатного российского подданного, повисло в воздухе. К тому же Коллегия иностранных дел рассматривала факт смертельного насилия над ханом, как дело личной вражды соперников “из-за власти над каракалпакскими” и считала “с войском ходить за одним яко, за ветром, непристойно”. Она велела И. Неплюеву в дело мести над Баракком “не мешаться и смотреть на такие их поступки сквозь персты”[80]. Итак, усилия энергичной Попай ханши добиться сокрушения и наказания ненавистного Барака были обречены на провал вследствие явного противодействия тому И. Неплюева.

Позиция ханских сыновей отличалась удивительным взаимосогласием относительно убийцы. Об этом говорят многие свидетельства современников, в частности, однозначно подтверждает об этом записка Я. Гуляева. “7 октября (1748 года - Ж.К.), - пишет он, - призвали меня в ханскую кибитку, в которой сидели ханша, Нуралы, Ходжа Ахмет, Ералы, Адиль и Чингис салтаны и, во-первых, приказала ханша поздравить господина тайного советника (Неплюева - Ж.К.) и бригадиру (Тевкелеву - Ж.К.) донести, хотя мужа ее Абулхаира в живых нет; однако ее ныне дети все в добром состоянии ... ”[81].

Особенно решительно был настроен против Барака старший сын Абулхаира, известный в жузах как талантливый военачальник, политический деятель, в одно время хивинский хан, которому дальновидный его отец завещал свой трон на сей предмет, заручившись согласием всеильного губернатора. “Родителя моего Барак по злобе убил, хотя оное нестерпимо досадно” - так донес 17 октября 1748 г. наследник ханства И. Неплюеву о своем состоянии после убийства, через три месяца после трагедии[82]. К этому времени Нуралы стараниями прежде

всего Попай, особенно А. Тевкелева, отчасти самого И. Неплюева, был избран повелителем Младшего жуза, и его мать, “вооружившись прежде всего щитою сердца против той несчастной стрелы” [83], изо всех сил подталкивала молодого правителя исполнить долг перед памятью великой личности.

26 сентября преданный ханской фамилии многолюдный Алшынский род по предложению биев и батыров “между собой имели Совет” после учинения ханом Нуралы “... пойти на Барак салтана и его убить” [84]. Нуралы не пытался осуществлять степную вендетту, вплотную окунувшись в дела своего ханского управления, и прежде всего его усилия были направлены на прилаживание контактов с Оренбургом и, по возможности, нейтрализации позиций “Аральского хана” - Батыра, отправив к нему четырех биев: Сырлыбая, Жаралгана, Бабия, Кобек мурзу. Он с нетерпением ожидал, как отнесется к его восшествию на престол его соперник — Батыр. Молодой хан постепенно отодвигал свершения мести за кровь своего отца, как-то удерживая своих братьев от необузданных внезапных действий. Нуралы отчетливо сознавал всю тяжесть взвалившейся на него ответственности; с одной стороны, будучи взвешенным деятелем, искал разумные средства расправы над осквернителем ханского достоинства; с другой, он никак не мог игнорировать непредсказуемую позицию молодого контайши Цэван-Доржи, мнение которого в отношении собственной персоны еще не определилось; другой сын Ералы, как мы уже отметили, предпочитавший кровавое столкновение с Баракком, опираясь на степные уложения “Жеты жаргы”, к тому же долгое время предводительствовавший над кереевским родом Среднего жуза, кочевье которого проходило в самой непосредственной близости от наймановского владения Барака, сознавал последствия военных стычек с султаном, который слыл умелым полководцем в степных войнах; из всех сыновей хана Айшуак султан выделялся невоздержанностью характера, особой мстительностью. “Человек весьма запальчивый и к военным поступкам весьма склонный, да и, по-видимому, острой и горячей натуры”, - доносил И. Неплюев 2 сентября 1748 года в Коллегию иностранных дел, “и для того с общепомянутым бригадиром (А. Тевкелевым — Ж. К.) решили ему с объявлением (о смерти отца — Ж. К.) пообождать, дабы он со злобы на Барака над собой вреда, или какой продерзости, не учинил” [86]. И. Неплюев неплохо изучил Айшуака, часто встречался с ним в Оренбурге, когда тот находился в аманатах. Удержать сыновей от открытой конфронтации с Баракком, не допускать кровопролития, которые могли нанести ущерб интересам Российской империи в регионе, подталкивали губернатора все активнее вмешиваться в суть отношений ханских детей с гордым убийцей.

Однако все это, в некоторой степени зависело не только от отпрысков, а также от близких соратников великого хана.

В числе самых доверенных лиц почившего хана в первую очередь может быть назван Жанибек Тархан, пользовавшийся всеобщим уважением, как один из предводителей казахского ополчения в годы борьбы с ойратами, осторожный в своих действиях, с которым, наравне с видными султанами, считалось Оренбургское начальство. Многие исследователи ошибочно рассматривали его как ханского зятя. Он не был ни султаном, тем более зятем Абулхайра. По словам потомка Жанибека Ахмета Беремжанова (все потомки Ахмета носили фамилию Беремжанова, впоследствии проживали в Тургайском уезде), он имел в качестве наложницы калмычку, подаренную ему Абулхайром, но никогда не был женат на его сестре ... [86].

Институт дарения получил повсеместное распространение в Казахской степи: подношение вещами, богато украшенным оружием, прекрасными аргамаками (скакунами) верным друзьям, сватам, вдохновенным певцам народной были (оленши, жырши) и вообще знаменитым особам. Подарки разыгрывались в виде своеобразных призов на конских скачках (байге), преподносились приветствующим удачно торговавшим на ярмарке (базарлык), при успешном разрешении исковых дел (сатал), что-либо купившим с обновой (байгазы), с рождением младенца (суйынши), с новосельем (ерулик), как презент девицы накануне сватовства (каршы бау) [87].

Проявление отмеченных и иных архаичных форм дарения имеет место в семейно-бытовой жизни казахов и поныне, за исключением одной, суть которой следующая: в 20-50-х годах XVIII века во всю ширь получила огласку форма одаривания ханами, видными чингизидами, особо отличившихся своими ратными победами в борьбе, преимущественно с ойратами — уступка прелестных пленниц (кун). Кстати, один из сыновей Абулхайра — Шынгыс также родился от калмычки.

Пленницы же у казахов в то время почитались, как наивысший элемент военной добычи (олжа) и, как правило, разделялись между любимыми народом, близкими к ханам батырами по порядку старшинства. В героическую эпоху уступка пленных красавиц являлась как бы выражением кочевого джентльменства, кланового рабства, ибо батыры пользовались особым расположением народа, всю взрослую жизнь посвящая служению интересам Отечества [88]. Это отчасти позволяет нам разгадать суть одной легенды о Жанибек Тархане как якобы зяте Абулхайра.

К тому же закон “Жеты жаргы” запрещал дочерям султанов выходить замуж за простых казахов, хотя для сравнения скажем, что у соседних киргизов маналпы отдавали своих дочерей за желаемых [89]. Эти данные представляются нам веским аргументом

для подтверждения необоснованности версии, рассматривавшей Жанибека родным зятем Абулхаира, что весьма существенно для оценки его реальной позиции в последующих событиях.

Определяя личное участие тархана в противоречивой ситуации, мы, тем самым, выявляем степень сопричастности видного представителя казахского плебейства в сглаживании остроты политической ситуации в двух жузах — Среднем и Младшем. Оговоримся, принадлежность Барака и Жанибека тархана к одному Среднему жузу, их совместные усилия по консолидации казахской государственности озадачили многих.

Батыр, часто посещавший ханскую ставку, почему-то “не скоро после смерти Абулхаира приехал” под тем будто предлогом, что семья хана не принимала меры к отмщению Барака[90]. У оппонентов Жанибека складывалось опасение: не сблизился ли знаменитый батыр с убийцей? Как объяснить его явку в ханский аул со значительным запозданием, тогда как из глубинных регионов сочувствующие прибыли буквально через несколько дней после его смерти. Хотя шестнадцать человек, в т.ч. три бия, три батыра — “не весьма знатные, а протчие и с подлости (т.е. черной кости)” [91] - тоже усиливали сомнение в искренности тархана. В тот же день, т.е. 26 сентября бии Алшынского рода, твердо стоявшие на стороне Абулхаира, относительно Жанибека согласовали свои позиции и решили добиться от него разъяснений, почему “от Вас де Средней Орде происходят непорядки, ... чего же для хана (Абулхаира - Ж.К.) учинили. Ежели де Вы желаете с нами соединиться, то пойдем на Барака салтана и ево уьем, а когда де того не учините, то де мы с Вами и кочевье иметь не будем”[92]. Трагедия в степи настолько взбудоражила население, что в прежних добрых отношениях Среднего и Младшего жузов появились трещины; Кожахмет, один из сыновей хана, призывал “вырубить Среднюю орду”[93]; все это не могло не повлиять на Жанибека. Документы, которыми мы располагаем, позволяют раскрыть двойственность его отношений относительно наказания убийцы. Федор Найденов сообщал И. Неплюеву о нежелании тархана “ссориться с Бараком”, предлагая ему “з детьми Абулхаира помириться платою по их обычаю, всемерно по их обычаю против рядового киргизца из лошадей, ясырей, паншырей и прочих вещей ...” [94], несколько удивленный странной позицией батыра Ф. Найденов передает И. Неплюеву его намерение “Барак салтановой головы искать”[95].

Источники говорят еще и об ином предложении батыра - “выпросить” у русского правительства тысячу солдат “и их переодетыми в купцов отправить в Хиву, завоевать последнюю”, убить Барака, а в Среднем жузе избрать ханом Ералы султана[96]. Таким образом, и надежный соратник погибшего хана, первый тархан, к голосу которого прислушивалась и российская сторона,

относительно незамедлительной мести над убийцей придерживался выжидательной позиции, полагая себя не в полной мере пригодным “войти в дело” знатных чингизидов, когда даже сыновья почившего правителя явно не торопились взять реванш за его убийство.

Тем не менее, положение Барака, как писал в свое время В.Н. Витевский, было незавидным. Рассчитывая, что насильственная смерть Абулхаира проложит ему путь “к славе и власти”, султан своим тяжким проступком только восстановил против себя большинство своих соплеменников, в т.ч. известных биев, вершителей судопроизводства, даже среднеазиатских ханов. Кто-то из влиятельных сородичей, настолько были озлоблены против султана, что отстали от него, “некоторые были готовы выдать его головой семейства Абулхаира”[97], Барак же, разузнавая через своих лазутчиков намерения ханских детей начать против него действия “по первой траве”, т.е. сразу же как сойдет снег; и находился “в робости”[98]. Он был ошеломлен поразительным сходством позиций вчерашних, казалось бы, недругов Абулхаира, которые ныне начали сплачиваться против него. Даже в близком окружении Батыра, стойкого приверженца Барака во всеуслышание выражали протест против убийцы. Дети известного Айтеке бия - Жалтыр, Коншыбай, видные законодатели рода Шекты Тлемис бий, Жайлыган бий были озлоблены “убийством главного хана, который о народном благополучии старание имел”[99].

Чувствуя враждебное к себе настроение, боясь быть застигнутым врасплох, Барак склонялся к мысли, с одной стороны, покинуть со своими поборниками земли найманов, откочевать в пределы Старшего жуза, в район Туркестана; с другой, податься в сторону врагов нации - Джунгарии.

Сары-Абыз, татарин, бывший очевидец убийства хана, один из немногих лиц, составивших его свиту в последний миг его жизни, уведенный в плен в Средний жуз по велению Барака, которому впоследствии удалось на трех лошадях ускакать из его ставки, рассказывал о намерении наймановского правителя с тремя тысячами кибиток аргынов, матайцев, кара-кесеков покинуть свое кочевье[100]. Однако замысел этот пока оставался лишь в тайном плане.

Закон “Жеты жаргы” - Семи уложений - запрещал покидать родной очаг до определения степени его вины за убийство хана. Другой вариант его спасения от народного гнева и преследования приверженцев убитого хана выражался в его обращении к контайши Цэван-Доржи; и султан тотчас “по умерщвлении Абулхаира” отправил в Джунгарию послов к зюнгарскому владельцу с заявлением, что киргизы Малой орды, согласившись, разграбили караван кашгарцев”[101]. Заранее обдуманый замысел Барака найти приют у заклятых врагов своего отечества, против

которых он, как прославленный батыр, не раз водил казахское воинство, вписан позорной страницей в его долгую биографию. Более того, чтобы войти в доверие молодого контайши, старался показать себя защитником ойратского купечества, которое дескать грабит Абулхаир, “за что и убил его” [102]. Однако намерение Барака сблизиться с ойратами было обречено на неудачу. А. Добросмыслов, В.Н. Витевский объясняли это однобоко, объясняя его желание лишь поведением сына султана Шигая, который будучи еще в аманатах в ставке ойратского правителя вступил в сердечные связи с матерью новоиспеченного контайши; уязвленный оскорбительным поступком молодого султана, контайши поджидал подходящий момент, чтобы потормозить его. А потому Цэван-Доржа отмалчивался на обхождения казахского султана, и все попытки опального чингизида Среднего жуза остались без сдвига [103].

Здесь не следует упускать из вида и деликатные нюансы нравственного порядка: Цэван-Доржа собирался соединить свою судьбу с дочерью Нуралы хана. В случае выражения благосклонности к его врагу - Бараку, тот становился покровителем убийцы. Более того, Цэван-Доржа был осведомлен о замысле султана передислоцироваться к Туркестану, временно считавшегося оккупационной зоной Джунгарии; пребывание же нескольких тысяч кибиток убежденных приверженцев Барака в регионе могло ослабить позиции Джунгарии и в смежных со Средней Азией районах Старшего жуза, обострить противоядействие автохтонных жителей против ойратов, хотя в конце сентября - начале октября 1748 г. Барак со своими аулами в самом деле переместился в район р. Сары Су, “находясь в недалеком расстоянии от калмык”. Очевидно, именно в это время он и отправил своих доверенных к Цэвану-Доржи.

17 октября 1748 г. батыр Байбек, донося в Оренбург о положении в Младшем жузе, в связи с гибелью хана и о переговорах Барака с ойратами, обращал внимание губернатора на отнюдь не сладкое состояние опального султана. *“Он Барак султан его неприятеля Абулхаир хана до смерти убил и затем ему киргиз-кайсацкой (Средней - Ж.К.) Орде уже жить невозможно и для того бы привел его под своего протекцией и показал бы ему места, где кочевать”* (выделено нами - Ж.К.) [104].

Нуралы хан, будучи проинформированным о незавидных происках султана, встревоженный вероятным, хотя и шатким альянсом его с контайши, в целях упреждения подобного хода событий и расстройств мыслимых проделок за его спиной, заручившись согласием своего брата Ералы, спешно снарядил в Джунгарию старшину и “приказав ему с чем от зюнгарского владельца учинен ответ, чтоб он требование Барака как можно

проверил” [105]. Тучи над Баракком еще более сгустились в связи с резким порицанием поведения самым беспристрастным, в то же время популярнейшим бием Среднего жуза Казбеком, который, действуя в интересах сохранения между жузами традиционного согласия, остерегаясь непредсказуемых действий Барака, опираясь на однозначную поддержку других знатных людей, “удержал (его) от побега к “зенгорцам ...”, возмущаясь говаривал: “когда де (ты) пошел то учинить и такого знатного хана убить” [106].

Знаменитый бий, являвшийся олицетворением честности, принципиальности и носителем шариатского правосудия, пытался у того выяснить мотивы столь яростной мести, дав знать, что из-за его неистребимой вражды Средний жуз не станет ссориться с Младшим. “Из-за тебя, твоих товарищей мы с киргизцами Малой орды ссориться не будем и тебя с (твоими) товарищами первыми Абулхаир хановым детям отдадим, и как-де они с Вами (то) хотят, то и учинят” [107], - предостерегал выдавший виды белобородый мудрец Казбек бий, намекая своему земляку, что ему не удастся увернуться от справедливого возмездия.

Порывшись в документах тех лет, мы нашли единственный документ, свидетельствующий даже об отрицании Баракком своего участия в убийстве. “Когда-де он на ту их ссору приехал, то де хан уже лежал на земле мертв, и хотя де он, Барак, своих рук, на него, хана, не поднимал, однако оно убийство принимает на себя в таком рассуждении, что хану от подлых людей (черной кости - Ж.К.) убиту беззачетно, о смерти его сожалеет, дабы з детьми его Абулхаир хановыми, каким-нибудь образом согласиться” [108]. Казбек бий был непреклонен и, во имя сохранения традиционного единодушия Младшего и Среднего жузов, не приняв оправдательные доводы хотя и близкого ему Барака склонял его отдаться под суд биев.

Теперь нам следует рассмотреть своеобразие судебной системы казахов. Согласно соблюдавшейся традиции, дела особой важности, как то споры, в которых были заинтересованы разные роды, богоульства, убийство султана разбирались самим ханом при многочисленном стечении народа, преимущественно в дни поминок умерших и народных празднеств, и все являлись на маслихат (не путать с общим собранием - Курултаем) вооруженными в знак готовности исполнить приговор собрания тут же, силой [109]; существовал другой, более усложненный вариант рассмотрения особо тяжких преступлений - “в середине орды собирался народный съезд” и в присутствии знатных биев разбирались все взаимные претензии и обычно, к примеру, в той же Младшей орде съезды собирались в верховьях р. Эмбы (Жем) [110].

При этом за убийство рядового общинника полагались адекватные меры: за кровь мстить кровью, за увечье - таким же увечьем. За убийство родственникам убитого представлялось право

таким же образом поступать в отношении тех, кто отваживался на тяжкое преступление - таковы устоявшиеся к тому времени принципы основного законодательства “Жеты жаргы”, что, конечно, являлось проявлением пережитков патриархальных обычаев. Одним из самых суровых наказаний считалось непочтительное отношение сына к своему отцу, за что неблагодарный отпрыск подвергался публичному осмеянию и избиению. Дерзкого сына сажали на черную корову, затем водили ее по аулам, а сидящего на ней человека беспощадно стегали плетью. Судебное решение, вынесенное при соблюдении всех канонов “Жеты жаргы” было безапелляционным. Гласность судей с согласия ответчика обеспечивала беспристрастность приговора бийского суда [111].

В 30 - 50-х гг. ХУІІІ в. эти установления законодательства хана Тауке оберегали строжайше. Для кочевника эпохи Абулхаира и Барака блюсти эти юридические нормы считалось больше, чем закон, чем-то священным делом. Тем более все судебные тяжбы истцов рассматривались публично, что помимо своеобразия кочевой жизни большей части населения обусловлено “громаднейшим, доходящим до назойливости любопытством киргизов”, при почти однообразной жизни, невольно интересовавшихся сколько-нибудь значительным событием. Поэтому всякое, более или менее весомое дело между отдельными личностями становилось всегда делом обязательным, обсуждаемым всенародно, ибо народный суд у казахов основывался на юридических обычаях [112].

А потому от справедливо вынесенных приговоров биев во многом зависела не только судьба привлеченного к ответственности, да и вообще общественная значимость института бийства в Казахской степи. В этом плане нетрудно понять мотивы беспокойства Барака, совершившего тягчайшее злодеяние, которое не могло рассчитывать на милость биев, - ибо последние рассматривали выполнение своих судебных функций как ответственное, чрезвычайно важное поручение народа.

В случае же предвзятости, отступлений от общепринятых норм “Жеты жаргы” молва об этом мгновенно распространялась по аулам и более к услугам дискредитировавшего себя бия кочевники не обращались, что само по себе представлялось как срам для него. “За несправедливым решением дела бием не назначается в киргизских обычаях никакого физического наказания; бий, решивший дело несправедливо, лишается доверия своих родичей, следовательно, звания бия, не может быть судьей ... - бием” [113]. Эти фрагменты взяты нами из собранных исследователями степных правовых норм, сохранивших силу еще в 80-х годах ХІХ в., являвшихся частью “Жеты жаргы”.

Таким образом, бийский суд исключал вынесение неоправданных постановлений, а потому и в изучаемую эпоху однородцы или сами казахи, совершившие тяжкие преступления, нередко обращались к бийскому суду за оправдательным вердиктом и случае уверенности в своих поступках. Мы несколько подробно изложили специфику судеустройства той эпохи, обосновывая мотивы обращения в последующем Барака к бийскому суду. Но Барак как умная личность, достаточно знавший степные положения, понимал сложность своей позиции и в другом. Он совершил преступление не в честном единоборстве с Абулхаиром, что облегчило бы его изрядно пошатнувшееся положение; он поразил насмерть законного правителя гнусными методами, осознанно устроив западню, подготовив своих поборников.

Пострадавший, с точки зрения “Жеты жаргы”, мог рассчитывать на защиту своей персоны любым номадом. Даже позднейшие законодательные акты, собранные, изданные впоследствии в несколько видоизмененной редакции, предусматривали оказание помощи человеку, оказавшемуся в опасности; § 68 гласил: “Если, кто, видя человека в опасности, не подает ему помощь, имея на это возможность, тот подвергается телесным наказаниям от 45 до 75 ударов нагайкой или палками” [114]. В этом плане степень вины еще более усугублялась явным потворством, вернее, открытым содействием убийству хана. И так, по всем канонам шариата Барак никак не мог отвертеться от судебного остракизма. Однако шариат (исламский закон) допускал окончание судебного иска, включая наказания в отношении чингизидов гражданским удовлетворением, уплатив кун (возмещение ущерба) кровнородственникам потерпевшего. Размеры куна могли быть установлены словесным решением трех биев с привлечением не менее трех свидетелей, подтверждавших факт преступления. Но и здесь мы имеем дело с дифференцированным определением по “Жеты жаргы” размеров куна.

Пытливый читатель может поинтересоваться установленными для отдельных социальных категорий размерами куна за убийство. По древнему обычаю полный кун для рядового казаха предполагался в 200 кобыл и 60 лошадей: он, причем, дифференцировался по трем категориям: 20 лошадей – катын карасы (женам на траур), 20 лошадей - кыз шыгыны (для будущего калыма) и 20 лошадей – кара шыгын (расходы на похороны); помимо этого уплате куну предшествовал тарту (повинная) от 1 до 4 верблюдов “украшенных коврами” [115]. Во времена полновесного функционирования “Жеты жаргы”, т.е. в середине ХУІІІ в., за каждого убитого мужчину кун устанавливался в 1000 баранов, а за женщину - его половину - 500; за лишение жизни султана “вознаграждение” предусматривалось за семь человек [116].

Зажиточным скотоводам не представляло особых затруднений вносить кун в размере 3 - 5 тысяч баранов при громадном движении богатстве, когда многие из них, по свидетельству А.И. Левшина, имели 9 - 10 тысяч лошадей, 20 тысяч баранов, до 500 верблюдов. чего нельзя было сказать о бедных (жалшы, консы). Однако положение таких категорий людей спасал давно утвердившийся обычной круговой поруки, когда согласно "Жеты жаргы", "вознаграждение потерпевшему уплачивалось родственниками или одноаульцами ответчика" [117].

Мы процитировали некоторые выдержки с комментариями из "Жеты жаргы" с целью ознакомить наших читателей со спецификой степных законов, степенью тяжести наказаний или компромиссного удовлетворения желаний, вовлеченных в дело сторон к шариатским установлениям преступников, включая убийц ханов. Мы подошли к одному из существенных моментов этой истории. Вознаграждение за убийство хана полагалось в семикратном размере: 7000 баранов или 700 лошадей или же 350 верблюдов [118].

Султан Барак в степи был известен не только как видный полководец, знатный чингизид, но и один из самых состоятельных номадов. Уплаты за убийство хана - 7000 баранов и избавление от назойливых домогательств отпрысков Абулхаира не стоило ему особых напряжений.

Гордый султан отказался от изложенного варианта спасения своей жизни будучи уверенным в себе доказать всему "киргизскому журту" мотивы своего трагического поступка. И вот, не без жесткого воздействия Казбек бия, как мы уже отметили, добивавшегося прекращения раздора среди степных феодалов, султан Барак, умерив свою гордыню, решил отдаться под бийский суд. В руках оставался козырь, на что он лелеял надежду: согласно действовавшей традиции выбор биев оставался прерогативой "противной стороны", т.е. ответчиков, на том основании, что предоставление совершившим тяжкое злодеяние права "избрать такое лицо, на которое он мог рассчитывать", мог содействовать мирному окончанию дела. Выбранные бии, с другой стороны, никак не могли поступаться принципами, учитывая возможную реакцию массы кочевников, в присутствии которых происходили судебные процессы.

По просьбе Барака был установлен бийский суд из четырех видных знатоков "Жеты жаргы" - с Алшынского рода - Каратока, Каракесекского - Казан, Мамет аталык, Баганалы, Найманского - Утебай [119]. Перед судом Барак выразил свою готовность покориться какому бы то ни было вердикту, который бийский суд вынесет по его делу. "... когда оные бии поставят за неправильно убийство ево Абулхаир хана, то де на их воле отдаюсь, и что они

уже сами изволят взять мнение его или самому ему (голову) отрубят, что в чьих воля состоит" [120].

Располагаемые нами документы не позволяют во всех деталях воссоздать подробности первого бийского суда над знаменитым султаном, хотя некоторые сведения все же удалось собрать тому же Якову Гуляеву, со слов которого приводим два пункта ответов Барака на вопросы биев относительно мотивов убийства. "Солтан же им ответствовал, я де Абулхаир хана убил по притчине такой, что он был плут и многое делал плутовство, да именно он учинил воровство таково, что пограбил присланное от зятя моего на трех верблюдах (калыма)" [121].

Именно во время суда Барак произнес, ставшую впоследствии знаменитой, фразу о своем более знатном происхождении, чем его жертва - Абулхаир. (см.: Столичное обозрение. N 20, 1998 г.)

Бийский суд оправдал Барака; реабилитированный султан тем не менее продолжал чувствовать себя обеспокоенным ввиду непредсказуемости действий сыновей Абулхаира. Оправдательный приговор несколько восстановил его прежнее влияние среди казахов; и после этого он со своими последователями, по данным Вельяминова-Зернова, 3000 кибиток (около 15000 человек), по сведениям В.Н. Витевского - 5000 войском, сколоченном из каракесеков, коныратов, найманов, "частью из киргиз Большой орды" (до 500 человек), выступил против верхних каракалпаков. Причем, отряд Старшего жуза, предводительствуемый знаменитым Толе бием, находился под стягом Барака [122].

Прежний престиж Барака постепенно приобрел реальное очертание. Наслышанные о его былых подвигах и знатности особенно казахи Старшего жуза возлагали на него большие надежды. Тот же Толе бий, осенью 1749 г. писал в Оренбург, что "вся Большая орда сделала своим владельцем и управителем Барака"; И. Неплюев 24 сентября получил от султана письмо, "в коем он извещал", что 10 тысяч казахов Коныратского рода "приняли присягу подданства, и выбрали его себе в ханы" [123]. В начале 1750 г. Барак, заметно восстановив свой изрядно пошатнувшийся авторитет в глазах видных чингизидов, старшин родоподразделений трех жузов, с удивительной настойчивостью закрепил свое влияние более всего в Старшем жузе, со своими поборниками переместился в район Туркестана.

В скором времени и здесь, упрочив свои позиции, управлял городами Иханом, Угултаном, Отраром, Созаком, "распоряжаясь в них как хан"; по утверждению Вельяминова-Зернова, султан, как полновластный правитель, начал собирать подать с местных жителей [124].

В феврале или марте 1750 г., пропетляв по жизни самыми невероятными путями, через 2 года после гибели Абулхаира,

разделив его участь, он скончался в Карнаке, в 20 километрах от Туркестана [125]. Вельяминов-Зернов относит время его кончины к апрелю 1750 г. Весть о преждевременной смерти “вечного смутьяна” в Оренбурге стала известна 30 апреля того года. Огласку получили слухи об отравлении султана одним из ходжей, у которого Барак гостил. Говорили, что он был отравлен по распоряжению “зюнгарского владельца” Цэван-Доржи, которого будто бы об этом просил хан Нуралы, дочь которого была засватана за ойратского повелителя. Проклятие нависло над семьей Барака: с ним одновременно умерли два его сына, слуга, еще один казах, намекали на Сарымбета, соучастника убийства Абулхаира [126].

В апреле 1750 г. тот же переводчик Я. Гуляев рапортом донес в Оренбургскую губернскую администрацию “оной де Барак умер. из детей его некоторые померли, да и киргизец Сарымбет ... с женою умер, да и другие киргизцы, некоторые в том (убийстве хана - Ж.К.) померли, почему умершего Абулхаир хана киргизцы называют богоугодником” [127].

О кончине Сарымбета, “главного зачинщика убийства” хана, сохранились и другие сведения, что он был поражен Ералы султаном в Хиве, куда он бежал после гнусного преступления. Помимо того поползли слухи, что по приговору Толе бия родственники Сарымбета заплатили сыновьям Абулхаира два куна, остальных убийц хана султан Ералы великодушно простил [128].

Таким образом, ушел в вечность и султан Барак, его гибельная авантюра - убийством законного правителя Абулхаира возвыситься над другими чингизидами, опираясь на разветвленный клан, усилить влияние противников умершего потерпела фиаско.

Барак умер, в свою очередь, отравленный тайными врагами; короткий период его жизни после гибели Абулхаира и до собственного ухода в иной мир не ознаменовался ощутимыми событиями; несмыслаемое клеймо “кровавый убийца” как рок, проклятие над ним и его потомками не переставало преследовать его в течение почти двух лет после умерщвления хана; и только дальновидность, беспристрастная позиция Казбек бия и его близкого окружения, побудившего Барака отдаться под суд биев, спасли Средний и Младший жузы от вероятных бед, которые могли бы свергнуть большую часть Казахстана в пучину междоусобных распрей. И наоборот, народная молва значительно укрепила посмертную славу Абулхаира, представив его потомству как великого мученика, мужественно принявшего смерть от рук тщеславного претендента на ханский трон. Но в то же время мы не должны забывать и величие личности знаменитого султана, который наряду с Абылаем, влияние которого со второй половины 40-х годов XVIII в. стало бурно возрастать, сыграл громадную роль в укреплении казахских ханств в системе международных

отношений той поры. Потомки не вправе предать забвению его выдающиеся заслуги в спасении Отечества от иноземных нашествий или воспринимать его личные достоинства в несколько усеченном смысле, имея в виду его подлое убийство законного правителя Среднего жуза.

Люди не могут предать забвению жестокие уроки прошлого; события минувших веков, порою какими бы они ни были трагическими по своей сути и последствиям, более значительны для современников в контексте извлечения уроков бесплодности борьбы знаменитых личностей за власть, которая должна находиться в руках тех, кто в самые трудные моменты в судьбах нации может действовать только в ее интересах, добровольно уступая бразды правления тем, кто может объединить усилия народа для достижения благ своим соотечественникам.

*Перед ним бы дерзко могла восстать природа и
сказать вселенной –
Вот это человек'*

(Шекспир)

“ЕМУ САЛТАНУ БЫТЬ НАД ВСЕМИ ХАНАМИ ГЛАВНЫМ”

(Абылай – казахский хан)

Роль Абылая в судьбах казахского народа, да и Центральной Азии, неизмеримо возросла после его избрания в 1771 г. главным ханом в связи с кончиной престарелого правителя Абулмамбета, почти сорок лет (1734 - 1771 гг.) спокойно просидевшего на ханском троне, в Туркестане. По мнению Ш. Уалиханова, Абылай стал правителем «как более достойный из всех султанов помимо наследственных прав, которые имели по киргизским обычаям дети почившего чингизида»[1].

В советскую эпоху широкую огласку получила версия, согласно которой Абылай в основном признавался правителем одного обширного Среднего жуза; в пользу аргументации этого однобокого утверждения приводились малоубедительные доводы: он был признан Российской императрицей владельцем лишь одной орды - Средней; в Младшем жузе трон занимал Нурмухамед-Али бахадур хан[2]; в Старшем жузе, вернее, в большей его части распространялась власть кокандских беков; тем не менее, и в устном народном творчестве, и в архивных фондах отложились вполне достоверные данные, подтверждающие его функции главного правителя.

Поэтические высказывания о казахских батырах, мудрых государственных деятелях данной эпохи принадлежат к числу ценных источников. В дошедших до нас вариантах мы, конечно, сталкиваемся и с эпизодами сказочного, порой, фантастического характера. Вместе с тем, с учетом слабого распространения собственной письменности у казахов шежире и другие виды поэтических сказаний об Абылай хане в значительной степени отражают действительные события, имевшие место в бурную событиями эпоху, какой нам представляется период правления великого нашего соотечественника. И те строки, которые мы ниже приводим, не лишены достоверности, ибо подтверждаются другими данными[3]:

*Ұлы жүз: үйсін, қаңлы, ысты, дулат,
Орта жүз: ағыл, қыпшақ, найман, қоңырат.
Кіші жүз: байұлы, алын, тана табын*

*Ақыры Абылайдың хан болуын
Баріне бір ауыздан қабыл қойды.
Әжеліп ақ киізді жайып салып,
Үстіне отырғызды ханды апарып.*

Эти поэтические строки принадлежат Шади торе Жангирулы, который вдохновенными строками рассказал об избрании главным ханом Абылая видными представителями трех жузов.

Еще в первой четверти XVIII в., при жизни мудрого правителя Тауке, сохранился обычай избрания старших ханов из числа виднейших султанов одного из трех казахских жузов. Ни Абулхайр, рьяно старавшийся добиться этого звания, ни Семеке, ни Кушук, ни Абулмамбет, ни Нуралы, так долго сидевший на шатком троне, не добились этого. К тому же Петербургскому двору вовсе не было по душе кого-то из местных чингизидов поднять на войлоке старшим или Главным ханом, он целенаправленно разрушал ту традиционную структуру власти и управления, которые веками сохраняли традиционную систему государственности. С другой стороны, отрицание его власти над тремя жузами отвечало интересам и русской историографии, большая часть которой, апологетически обосновывая тезис “об единой неделимой империи”, поддерживало политику Петербурга в отношении Зауральской окраины - “разделяй и властвуй”[4]. Более того, представляется обоснованным, что эпические произведения как литературные памятники старины содержат ценнейший материал об истории казахского народа минувших веков.

Внимательное, порою критическое сопоставление шежире и других фольклорных источников и по данному случаю дает исследователям ключ к разгадке ряда сложных нюансов вопроса. Игнорирование же подобных материалов, увы, малодоступных для не владеющих государственным языком, оставляет в стороне важнейшие пласты весьма достоверных данных, хотя степень приукрашивания, увлечения метафорами, некоторая предвзятость степных импровизаторов также не следует упускать из виду.

Документы, которыми мы оперируем, позволяют проследить малоизвестные моменты избрания Абылая главным ханом. При этом следует оговориться, что при его избрании были строго выдержаны общественные правила процедуры, истоки которых заложены в Яссах “потрясателем вселенной” Шынгис ханом. Пункт 39 этого степного Закона, которого с некоторыми изменениями придерживались и потомки Джуши, Шагатай и Угедея, гласит: “Запрещено под страхом смерти провозглашать кого-либо императором, если он не избран князьями, ханами и другими монгольскими знатными людьми на общем совете”[5]. Степное положение “Жеты-жаргы” (Степное уложение), отдельные

моменты которого передавались из уст в уста, выдержки которого сохранились в фольклорных материалах, также предполагает избрание казахских ханов при многочисленном стечении народа, в присутствии видных чингизидов, когда “число прибывших на выборы довольно велико”, тогда и назначали народное собрание [6]. Как правило, выборы проводились чаще всего в августе, когда потучнее скот, начинается подготовка к осенней перекочевке – зимней стоянке.

Хан отчетливо понимал всю сложность своей позиции по части признания общепринятых переговоров реального предводителя всей казахской земли российской стороной. Прошло 5 лет после того как он был поднят на кошме властелином трех жузов.

Российская сторона с нетерпением ожидала приезда Абылая в Оренбург для оговорки двухсторонних обязательств. Однако каждый раз, когда Петербург добивался от него “ехать на русскую границу для принятия очередной присяги или подтверждения прежних договорных обязательств, следовал неоднозначный отказ строптивного хана, обосновывавшего свое нежелание покориться русским властям тем, что он облачен доверием народного собрания - Курултая, своеобразного степного парламента.

Сильно изменилась ситуация в Центральной Азии. Раньше еще при Абылхаир хане Оренбургская администрация призвала целесообразным отправку ханских делегаций в Петербург через 2-3 года; ханские отпрыски, близкое окружение его этого добивались сами. Помимо всего прочего их манила возможность получения от русской императрицы щедрых подарков; с другой стороны, это было обусловлено необходимостью подтверждения неизменности позиции степных правителей. После разгрома и ликвидации Джунгарии, как государства, этот дипломатический обычай также не прерывался, но все реже и реже стали посещать столицу на Неве дети и близкие степных ханов.

«... И теперь Абылай вознамерился отправить в Петербург своего сына Тугума со знатным посольством, в которое входили батыр Карабатыров, Таукел батыр Минембаев, “да хорошие же люди: дети Маметбек чан (Маметбекжан) Рыскелды, Абдулязимов, да и Танчу Сатыбалдиев. Документ подтверждает предварительную согласованность поездки ханских дипломатов “ко двору”. В ноябре 1776 г. граф Панин, который ведал иностранными делами России, “давал знать Аблай салтану о высочайшем ... соизволении на испрашиваемые им отправление” депутации в столицу [8].

24 апреля 1776 г. Коллегия министерства иностранных дел, ссылаясь на рапорт Тобольского губернатора Д. Чичерина, сообщала “о приезде сюда (в Оренбург - Ж.К.) Тугум султана с двумя старшинами и тремя служителями” [9].

Посольство Тугум султана прибыло в Петербург 13 апреля 1778 г.

Представляется маловероятным такая задержка миссии в Оренбурге-пребывание его около двух лет, что, по-видимому, следует объяснить сложностью доставки дипломатических документов в столицу: вероятным скорее всего представляется затяжной характер согласования Оренбургской администрации с Тугумом дипломатических документов, хотя главное, чего добивался сын грозного хана, - признание его отца главным повелителем трех жузов.

Не исключена ошибка в составлении документов настоящего дела, из которого почерпнуты эти сведения - переводчиком всех материалов, представленных посольством Тугума, был коллежский асессор Чучалов. «Перевод с места Киргис-Кайсацкой Средней Орды от Аблай салтана с сыном его Тугум салтаном, отправленного в Оренбург 12 августа 1778г. верноподданного Вашего величества Киргис-Кайсацкой орды Аблай салтана» - так гласит полное наименование (вернее перевод) документа, по существу, представляющего собой официальное обращение хана к Российской императрице.

Мы постараемся, по возможности, детально прокомментировать довольно обширное письмо Аблая, ибо оно позволяет глубже вникнуть в суть обстоятельств, которые побудили его обратиться к императрице, в некоторой степени раскрыв личные амбиции казахского повелителя; следует оговориться, что это было не первое посольство, отправленное по инициативе Абылая в Петербург. Еще в 1757-1758 гг. ханские дипломаты, направляясь туда, получили в Оренбурге и далее по пути в столицу “удовольствование”, т.е. были снабжены всем необходимым [12].

В порядке сближения с Аблаем Российская сторона еще раньше сочла необходимым использовать ожидаемый приезд султана в Петербург, в связи с возведением на престол нового монарха Петра 11. В Петербург тогда действительно прибыло Аблаево посольство, которое подтвердило присягу 1740 г. “Хотя тому же минуло сорок шесть лет, как мы салтаны всегда в счастливейшее Вашего императорского величества усыновлении, а подвластные будучи удостоены пользоваться высочайшего Вашего Величества милосердием» [13] - так начиналось пространное обращение хана, проникнутое духом восточной дипломатии, витиеватыми выражениями.

Далее хан сетовал на трудности, не позволявшие ему отправлять своих сыновей в столицу, хотя это не помешало ему поддерживать довольно устойчивые контакты с Сибирской администрацией, более близкой, нежели далекий Оренбург. “И так для донесения всеподданнейшего от моего представления к высочайшему двору Вашего Величества отправил трех моих больших сыновей Вали,

Чингиз, Гумер салтанов меньшего Тугум салтана с присовокуплением к нему хороших людей»[14].

Мы уже обратили внимание на главное назначение миссии султана Тугума - информировать де факто, де юре об избрании Абылая полномочным правителем казахских жузов, добиться согласия Петербурга именоваться единоличным правителем обширного края «... Абулхайр (на дочери его Карашаш когда-то он был женат - Ж.К.), Абулмамбет ханы скончались, которые предками моими были, родственники. Как они чего света отошли, так чредом ханское достоинство досталось мне. И по кончине их все киргис-кайсацкие орды, то есть Большой, Средней и Меньшей ханы и салтаны купно большими и меньшими, города Ташкент и провинции Туркестанской с общего согласия... в Туркестане при гробе нашего мусульманского святого Ходжи Ахмета, по обыкновению нашему прочтя молитву всех трех киргис-кайсацких орд ханом, в которое звание и действительно возвели...»[15].

Умный хан, подтверждая свою власть над тремя жузами как уже давно состоявшийся факт, напомнив о признании этого по исламским канонам в центре мусульманской святыни востока, домогался юридического узаконения своих функций теперь уже правительницей обширной империи; «... однако, хотя и по обыкновенному состоянию нашего в том звании и нахожусь, - писал Абылай, - только то, Ваше императорское величество, всеподданнейше прошу (признать - Ж.К.) мое пожалованное из благословенных рук Вашего величества за золотой печатью высочайшей грамотой всемилостивейше подтвердить, а кроме того и высочайшего Вашего величества *повеления ханом именовать...*» (подчеркнуто нами) [16].

Надо полагать достоверным факт получения Тугум султаном устных наставлений хана, как вести себя в случае непредвиденной ситуации на пути следования в Петербург, ввиду некоторой предосторожности комендантов военных линий, казачьи разъезды которых непременно заметили бы кортеж дипломатической миссии кочевников. «Причем особливо всенижайше ... прошу, - развивал свою мысль хан, - когда я повелеваю к высочайшему двору ... Паки из детей моих посылать, то дабы тогда оным в том препятствии не было, и в том бы ближних нам губернии господам губернаторам и крепостным комендантам и прочим начальникам всемилостивейше повеление с отпращенным ныне от меня к высочайшему двору сыном моим ...»[17].

Действительно, возведение новых укреплений и установление относительного затишья в Казахской степи после урегулирования взаимоотношений с Цинским Китаем, некоторая стабилизация политических связей казахских владетелей и комендантов пограничных укреплений способствовали налаживанию контактов

между номадами и жителями земледельческих селений[18]. С другой же стороны, сужение площади кочевых владений Абылая подбивало кочевников на ответные акции в районе расположения особенно Верхнеиртышских укреплений, порой порождая недоразумение в беспокойном регионе. В данной связи хан не преминул просить у государыни Российской придерживаться справедливости. «...Однако прошу ... высочайше повелеть, дабы к случающихся между нами малых делах правосудие и справедливость чинили»[19].

Этот период ознаменовался установлением временного затишья в Среднем жузе, а соседний Младший жуз лихорадило политической неустойчивостью, отчасти ослаблением власти Нуралы хана, вследствие внутрifeодальной борьбы и аграрных захватов яицкого казачества. Абылай в целях достижения политического единства в своих владениях и обуздания центробежных сил в лице части влиятельных особ, державшихся явно пророссийской ориентации, обратился с просьбой к Екатерине II в случае надобности выделить для него войска частей, расквартированных в регионе «...Когда изменники и плуты для воспрепятствования злочасо их предприятий России вреда, а при том и воздержания их в потребные мне времена высочайше повелеть из находящихся на границе войск Вашего Величества мне на (следующее слово не разобрал - Ж.К.) время давать столько, сколько когда понадобится и о том бы находящимся в близости стороне нашей крепостным комендантам и прочим начальникам... был указ, через чтоб мы в состоянии были всех тех злодеев воздерживать»[20].

Шел седьмой год ханства Абылая. Несомненным представляется факт осведомленности высших сановников Петербурга, особенно тех, кто ведал иностранными делами, об избрании Абылая правителем Казахстана. Об этом кроме Тугум султана и, конечно же, самого хана сообщали в столицу представители Оренбургской и Сибирской администраций. Любопытную информацию, судя по содержанию весьма достоверную, в свое время отправлял в столицу капитан Брехов. В рапорте от 5 марта 1776 г. «высочайшему» генерал-поручику, исполнявшему обязанности губернатора Оренбургской губернии Павлу Дмитриевичу Мансурову: «Салтан ханское титло приобрел еще прошлого 1771 г., во время преследования бежавших из провинции Ее императорского величества волжских калмыков - через трех орд (в присутствии - Ж. К.) ханов, салтанов, старшин киргизцов, ташкентцов, туркестанцов, самолутчих людей с общего согласия с тем, чтоб ему салтану быть над всеми ханами Главным ... на ханство возведен поднятному пред всем собранием на белой кошме...» [21].

Последнее обстоятельство как часть традиционной процедуры избрания чингизидов на троне в предыдущем документе не

обозначено. Видимо, это объяснялось тем, что те информации исходили от Абылая и его сына, для которых обычная традиция избрания ханов не представлялась чем-то особенным, нежели представителям российских властных структур, для которых детальное описание всего увиденного и услышанного было ценным, тем более речь шла о судьбе распространения Российской власти в Центральной Азии. Капитан Брехов обращал внимание П.Д. Мансурова на однобокость, вернее, по его мнению, юридическую несостоятельность избрания Абылая ханом без согласованности его кандидатуры с Российской стороной. «Однако де ханское звание он и несет только де без особливой всемилостивости государыни нашей высочайшего подтверждения, тем имяноваться за достойно не признает» [22].

Донесение капитана восполняет некоторые детали, опущенные в других документах. В частности, «это касается давно, с момента его утверждения Курьлтаем ханом, вынашиваемого намерения отправить неоднократно, «давняго времени» донесение Екатерине II. «Позволения просить домогался, только де сего никогда (Абылай - Ж.К.) допущаем не был» [23], - писал тот же Брехов.

Дальнейшее течение событий, судя по архивным документам, исходило без особых происшествий или обостренного обмена мнениями относительно подтверждения Петербургом функций казахского хана. Петербург не был намерен признать его всеказахским ханом.

Нам необходимо воссоздать детали этих переговоров и аудиенции у высших кругов империи. 21 апреля 1778 г. по приказанию его сиятельства вице-канцлера, графа Никиты Панина, глава миссии Тугум и сопровождающие его лица «привезены» были в его дом, в двух нанятых для них каретах. В одной «четвероместной» [24] размещался «посланец», занимая первое место, рядом переводчик - секретарь Коллегии иностранных дел и двое старшин, в другой пристав «оного посланца» со старшинами введен «для отдохновения» в переднюю комнату, где их ожидал один из виднейших дипломатов Европы - человек, который разрабатывал важные направления политики России, решал судьбы народов - Н.Панин. Он принял дипломатов Абылая, сидя на канате и тут Тугум султан стоя подал его сиятельству ханский шест, после чего членам посольства было приказано сесть на поставленные против графа стулья, и по «осведомлении о ханском здоровье были угощены кофе и сластями»; после кратковременного приема послы были отвезены в «их квартиру» [25].

22 апреля члены казахской миссии в Зимнем Дворце были приняты просвещенной императрицей, Тугум султан, ослепленный блеском Дворца и пышными одеяниями цвета русской аристократии «сказывал» Екатерине II перевод, привезенный из далекой степи

грамоты: «Отец возведен нынче ханом над всеми тремя ордами и (Тугум - Ж.К.) спрашивает от Российского императорского двора (признания Абылая - Ж.К.) в том достоинстве и подтверждения» [26]. Однако послу дали понять на бесперспективность добиться предполагаемой цели на том основании, что в Младшем жузе избранный народом хан Нуралы достаточно прочно занимает ханский трон, и в том достоинстве подтвержден, а Большая орда «издревле пользовалась своими привилегиями и поныне ими пользуется» [27]. Такой подход, с одной стороны, был порожден явным нежеланием Российского внешнеполитического ведомства утвердить Абылая ханом казахской земли; с другой стороны, попытка Тугум султана натолкнулась на юридическую формальность - Нуралы действительно занимал ханский трон более чем 30 лет, побив рекорд по длительности властвования; большая часть Старшего жуза находилась под властью кокандских беков.

Увы, дипломаты России, разрешавшие сложные нюансы взаимоотношений со странами Запада, несколько были озадачены своеобразной структурой системы политического управления в Казахстане по формуле: одна страна, три жуза во главе с тремя ханами с вполне автономными правами; более того, как потомки Джучи, Чагатая, Угедея они находились в близких родственных контактах. Российская дипломатия не разгадала сути ходатайства Абылая - утвердить главным ханом при полном сохранении всех функций остальных правителей по жузам.

Видимо, раздражение Тугум султана всплыло на поверхность, когда вице-канцлер заявил, что «...избранный в Средней орде хан не может иметь власть над прочими ордами без собственного тех орд согласия и признания...».

Казахские дипломаты согласились с аргументами, приведенными в докладе Коллегии иностранных дел, который зачитывался в присутствии императрицы. «Правда, что Нуралы хан почит в себе то за великую обиду, когда отец (Абылай - Ж.К.) будет властвовать над всеми ордами и последовать могли от того между подчиненными великие раздоры и несогласности, и подвергают оное на высочайшее рассмотрение российского императорского двора» - несколько настороженно согласился Тугум султан.

Для нас важным представляется не сам факт отрицания юридической обоснованности претензий Абылая, а, возможно, боязнь правительства России, что тот, заручившись согласием Петербургского двора, в последующем может укрепить свои позиции как самостоятельный властелин далекой, да и еще многим неведомой азиатской окраины. Порою, при изучении документов переговоров казахских послов с Российскими сановниками,

просматривается явная недоброжелательная позиция их в отношении расширяющихся функций Абылая.

В докладе Комиссии иностранных дел императрице можно прочесть следующее: "Он (Абылай - Ж.К.) сказывая себя таким образом избранным вообще от всех киргис-кайсаков... присваивает себе напрасно больше преимуществ, нежели сколько в самом деле ему принадлежать может"[28]. Нет смысла усомниться в факте достаточной осведомленности Коллегии иностранных дел положением в казахских жузах. Известная их обособленность по кочевьям, автономность владельцев в решении внутренних вопросов создавали превратное представление о них, как о чуть ли не постоянных враждующих образованиях, ждущих благоприятного момента, чтобы усилиться за счет ущемления интереса других. "Поелику Большая киргизская орда особливое и независимое сообщество составляет от Средней, в которой Аблай салтан живет, входясь (находясь - Ж.К.) в некотором оной расстоянии, нередко и по неприятельском в разсуждении..., а в Меньшей орде также от Средней независимой есть особливой Нуралы хан, получивший императорское подтверждение в 1749 г. на свое ханство..."[29]. Составители доклада Екатерине II, имея в виду вышеизложенные обстоятельства, не вникая в суть специфики традиций кочевой демократии, с явным нигилизмом отнесли к участию видных султанов, биев, старшин, батыров к процедуре избрания Абылая: "...почему, вероятном образом, и сия Меньшая орда также не смогла и не должна была участвовать в возложении ныне, в Средней Орде на Аблай салтана ханское звание"[30]. Все это приводилось к обоснованию общего заключения, чтобы отвергнуть просьбу Абылая и подтвердить его власть лишь в Среднем жузе. И в рекомендации государственной Коллегии иностранных дел императрице более оптимальным вариантом, с точки зрения интересов империи, осталось закрепить за казахским ханом свои удельные земли в Среднем жузе: "И так не будет ли Вашему величеству высочайше угодно... повелеть сделать ему подтверждение как вновь избранному в единственно киргис-кайсацкой орде, умалчивая ко всем притом обеих (жузов - Ж.К.) по непринадлежности сих обоих к его ведомству"[31], что и предлагалось объявить от имени Екатерины II членам казахской миссии.

На подлиннике документа собственноручная подпись Екатерины II: "быть по сему".

Казахское посольство в дни пребывания в Петербурге чувствовало неудобство по многим обстоятельствам: прежде всего был непривычен церемониал приема аудиенции, отработанный для азиатских дипломатов; трудности были в точности переводной передачи выступлений султана Тугума во время аудиенции в

императорском дворце. По мнению исследователя К.Ш. Хафизовой. Российский церемониал представлял собой сочетание элементов церемоний, оставшихся от пышностей византийских василесов, монгольских ханств, а затем и стран Западной Европы, и действия его в странах Центральной Азии не всегда были успешными. Это создавало определенные трудности в достижении поставленных задач[32]. Подобные частного порядка моменты сказались и на ходе переговоров посла с русскими чиновниками из дипломатической службы. После того, как Коллегия иностранных дел сочла целесообразным однозначно отказать от удовлетворения ходатайства Тугум султана, как мы уже отметили, правительство рекомендовало ускорить решение вопроса в одностороннем порядке, признав Абылая ханом в усеченном варианте – Среднего жуза; секретарь Коллегии иностранных дел отправился в казахскую миссию для изложения позиции внешнеполитического ведомства России "по сему обстоятельству"[33]. Была выработана общая позиция не отличать Абылая от других казахских владетелей и оформить патент на ханское достоинство в пределах Среднего жуза, который когда-то был выдан после гибели "великого интригана" Абулхаира его наследнику Нуралы[34]. "Изготовить и дать (Тугуму - Ж.К.) патент за государственной печатью, применяясь (в данном случае - Ж.К.) к патенту 1749 г., врученному в Оренбурге Нуралы хану.

Этот вариант Коллегии иностранных дел заметно отличался по содержанию от окончательно доработанного текста патента, позднее отправленного в Петропавловскую крепость: "... его, Аблай салтана верности совершенно удовлетворены и подтверждают его ханом Средней Кайсацкой орды, повелевая всем нашим подданным во всем долгом признавать, при всяких случаях делать ему почтение: ... Мы великая государыня надеемся (что он - Ж.К.) верность сохранит, по всем нашим указам поступать будет..., стараясь киргис-кайсацкой орды народ содержать в порядке..." [35]. Документ датирован: 2 мая 1778 г., подписан графом Н.Паниным, Иваном Остерманом, Иваном Пуговишняковым, Петром Курчатовым, Львом Никитичем, Петром Бакуниным.

В одном из ранних писем Абылая к Екатерине II содержалась просьба в деловых документах, переписках, вообще "при империи своей Аблая ханом изволишь выдать"[36]. И этот момент настал, однако, ханское посольство осталось разочарованным. "Патент Абылай хану "писан на пергаменте величиной" такой же, что было "подтверждено Нуралы ханом"; патент украшен в рамках, "припечатан" с переводом (казахский язык - Ж.К.) на таком же пергаментном листе, подтвержден государственной средней печатью; писан золотом, "оболочен оной патент золотым жлазетом, а внутри проложен белою тафтою"[37].

Как мы уже заметили, полный, окончательно согласованный с императрицей текст патента, предназначенного для Абылая, несколько отличается от приведенного нами варианта Коллегии иностранных дел. Не повторяя его текст, подготовленного службой Никиты Панина, частично опубликованного в печати[38], мы хотели бы произвести часть этого материала, не отраженного в публикациях. “Силою (Екатерины II) императорского указа”, просвещенная царица, подтвердив казахского владетеля правителем лишь Среднего жуза, помимо всего прочего предписала ему “... каждого (казаха - Ж.К.) правосудием довольствоваться... сей высочайший указ государственной печатью утвердить повелели”. Патент выполнен на татарском и русском языках, одинакового формата[39].

Надо сказать, что результаты переговоров ханских дипломатов ожидали с нетерпением и в казахских жузах, и в Сибирской пограничной линии, ибо речь шла о дальнейшей судьбе ряда стран Центральной Азии. Особое беспокойство проявлял Тобольский губернатор генерал-поручик Д. Чичерин, который еще 24 апреля 1776 г. переслал письмо Абылая об его намерении направить одного из своих сыновей в Петербург; тогда Д. Чичерин охарактеризовал Абылая салтаном, обитающем против Сибирской линии”, тогда получив “перевод на российский диалект таво ево (Аблаево - Ж.К.) письма, его предложение находил важным и достойным; не осмеливался удержать (у себя - Ж.К.) в оригинале купно и с переводом”[40]. Возвращения дипломатов с тревогой ожидал командующий сибирскими линиями генерал-майор А.Скалон, который первым известил о плане хана отправить депутацию в столицу, не решаясь исполнить “просьбу салтана отправить ко двору ее императорского величества без особого указа”[41].

Значение, которое придавалось поездке ханской делегации в Петербург, обуславливалось и личными мотивами Абылая, как примут в столице его доверенное лицо - собственного сына. На карту был поставлен и личный престиж популярного в Зауральской окраине деятеля. Дело в том, что пред тем никого из детей грозного хана в Петербурге не бывало, хотя столицу посещали в разное время, имея посольские поручения близкие родственники его: в 1762 г. - шурин хана Байр султан, чуть позже - Урус султан, сын его двоюродного брата в степи широко известного Султанмамета[42], последний, как личный представитель казахского повелителя не раз удостоивался аудиенции и в Пекине, зарекомендовавший себя как способный дипломат. Коменданты Верхнеиртышских и Новоишимских линий, уставшие от постоянных напряжений в степной зоне, вследствие открытого недовольства казахов расширением земельных наделов в пользу казачьего населения,

“за нужным почитали дальнейшего и лучшего склонения оногo Аблай салтана ко Всероссийской стороне”[43].

До того, как посольство покинуло Петербург, вице-канцлер Н.Панин специальным курьером отправил султанам, старшинам Среднего жуза особую грамоту, намереваясь опередить возвращение дипломатов в улусы хана, несколько успокоив влиятельных лиц в обширном регионе. “... наша императрица удостоила (Абылая - Ж.К.) конфирмации, приобретением им ханского достоинства”[44],- читаем мы в том послании.

Во взаимоотношениях России со своими восточными соседями процедура одаривания дипломатов особенно восточных владений занимала далеко не последнее место. И ханы Абулхаир, Нуралы, будучи султанами, сам Абылай не раз добивались получения подарков от Оренбургской администрации, и на сей раз послов не обошли вниманием. Сын Абылая “во время своего здесь пребывания держан с довольствием и при отпуске дано ему и всем находившимся при нем людям (удостоины - Ж.К.) пристойные по состоянию каждого награждения”[45].

В упомянутой грамоте Н.Панина вопрос об одаривании их не оставался без внимания, особенно это касалось знаков ханского отличия Абылая. “... повелено дать ему и приличные на ханство знаки, как-то: жалованную грамоту ..., саблю с надписью, шубу соболью и шапку из черной лисицы...”,- еще раз прибавив от себя “отдавать ему почтение и послушание во всем том, что касается к пользе и лутчему киргис-кайсацкого народа благоустройству и нашей императорской службы...”[46].

Итак, мы подошли к разгадке одного из недостаточно выясненных моментов, довольно долгое время дискутируемых в среде ученых - как готовились подарки и знаки ханского достоинства для Абылая, что же представляют собой эти драгоценные вещи, и каким образом и куда были доставлены эти предметы, интерес к которым и ныне не утихает. К тому же это был не первый случай подобного одаривания знаменитой личности.

Еще 27 марта 1758 г. Коллегия иностранных дел рекомендовала наградить оружием Абулхаира с сыновьями - Ералы, Айшуака и Абылая. Это решение было санкционировано еще раньше - 13 декабря 1757 г., по ходатайству действительного тайного советника И.Неплюева и генерал-майора А.Тевкелева, на саблях выгравированы на русском и казахском языках (по арабской графике) надписи: “Божиею милостию Елисавет первая императрица и самодержица всероссийская пожаловала сею саблею подданного своего киргис-кайсацкого салтана за верную службу...” [47]. На сей раз на сабле, которую предполагается вручить теперь хану, была сделана почти такая же надпись, которая была выгравирована на сабле, подаренной в 1749 г. Нуралы при

подтверждении его в ханском достоинстве Младшего жуза "... божиею милостию Екатерина императрица и самодержица всероссийская жалует сей саблю подданного своего Абылай хана"[48].

Однако как сабля, так и другие знаки ханского достоинства, были отправлены в Оренбург после выезда Тугум султана из Петербурга.

Члены посольств были обеспечены всем необходимым, что потребовалось для длительной поездки: "кормовые деньги" - султану Тугуму, двум старшинам на каждого по 50 коп. на 1 день; трем другим "служителям" по 25 коп. каждому, переводчику 50, приставу - поручику Шмидту - сопровождающему - 50, всего им полагалось для суточных нужд - 3 руб. 85 коп.; более того были приобретены две кареты для выезда. Всего расходов для поездки миссии полагалось - 2380 руб. [49].

После отпуска отсюда (из Петербурга - Ж.К.) дипломатов Абылай хана "восвояси" чиновники немедленно приступили к изготовлению и приобретению драгоценных вещей, о чем велел Никита Панин. "От имени" Екатерины II статс-контора отпустила необходимую сумму для покупки у разных лиц материалов: тысячу рублей для покупки двух собольих мехов, пятьдесят рублей - чернобурой лисицы на шапку хану; у поставщиков императорскому двору в тот момент этих мехов почему-то не оказалось: два соболиных меха были куплены один за 500, другой за 300 руб. у курского купца Федора Меленина. Каково было огорчение царских чиновников, когда купленная за 400 руб. чернобурая лисица для пышной шапки хану была мала, и тут же решили выделить еще 400 руб. для покупки второй. Как сообщал 1 июня 1778 г. некий Василий Овсянников приобретенные товары были отправлены в Коллегию иностранных дел через Москву; в Петербурге они были получены 15 июня.

Приблизительное "исчисление" средств на приготовление знаков ханского отличия выглядит так: два собольих меха - 1000 руб.; чернобурая лисица - 50, на покраску шубы и шапки - 16, 16 аршин золотой и серебряной парчи - 256, гравировка надписей на сабле - 50, "насечка" надписи - 25, надписи золотом на русском и татарском языках, пояса к сабле из золотого шнура и футляр - 25, золото-листовая краска и пергамент - 18, 1,5 аршина золото-серебряной "парчи для патента и 2 аршина тафты "на прокладину в середине патента" - 20. Всего 1494 руб. [50].

21 сентября 1778 г., т.е. почти через четыре месяца после подписания царицей грамоты, Коллегия иностранных дел от ее имени отправила Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу для последующего вручения Абылаю соболью шубу, покрытую парчею, шапку парчевую же с околышем чернобурой лисицы,

саблю и патент[51]. Одновременно Никита Панин, изощренный в хитроумных комбинациях дипломат, отправил на имя Абылая личное письмо, в котором виднейший деятель дипломатического ведомства империи, сообщив "о дозволении ему называться ханом Средней киргис-кайсацкой орды", предписал ему как подданному России "для достаточного ознаменования монаршей на то воли и повеления" получить от Рейнсдорпа "жалованную... грамоту" и другие символы ханской власти[52].

15 ноября 1778 г. генерал-поручик и кавалер И. Рейнсдорп информировал Коллегию иностранных дел о получении им всего того, что было отправлено по распоряжению Н. Панина. Судя по документам «жалованную грамоту» и другие ханские знаки И. Рейнсдорп «исправно получить удостоился у поручика Шмидта 3 ноября 1778 г.», рапорт же Оренбургского губернатора был получен в столице 19 декабря того же года[53]. Передача И. Рейнсдорпу символов ханской власти не обошлась и без курьезов. При принятии переводчиком, коллежским регистратором М. Бекчуриным сабли, на ней не оказалось двадцати одного бриллианта. Еще 5 октября 1778 г. командующий Сибирской линией генерал-майор Огарев в рапорте в Коллегию иностранных дел, затем Оренбургскому губернатору с завидной оперативностью ставил в известность об этом "... она (сабля - Ж.К.) и у него по осмотре в таком же состоянии была в каком и ко мне отправлена... Тех камешков не было, которые де видно в дороге выбились и пропали", - писал Огарев, подтверждая этот факт, стремясь в то же время отвести от себя возможное подозрение в изъятии бриллиантов..."[54]. Приведенный документ позволяет подтвердить факт первоначальной доставки сабли и других атрибутов ханской власти прежде всего Огареву, находившемуся в тот момент в Омской крепости[55], в более близком расстоянии к кочевьям Абылая, чем И. Рейнсдорп.

Огарев предлагал Оренбургскому губернатору вставить отсутствующие "камешки, употребляя на то деньги насчет расходов", посему он и распорядился "исправить упущение, дабы она (сабля) в совершенном виде была"[56].

“ДАВНО УТВЕРЖДЕН В СВОЕМ ДОСТОИНСТВЕ НАРОДНЫМ СОБРАНИЕМ”

(или о том, почему Абылай отказался принять
подарки царицы)

Желание Петербурга вручением Абылаю символов ханской власти ослабить его оппозицию в отношении Российской политики с самого начала была обречена на неудачу. Как Никита Панин, его ведомство, оренбургский губернатор, так и генерал-майор Огарев были далеки от верного восприятия реального положения в Казахстане и игнорировали или же не хотели признавать громадный авторитет Абылая. Попытки “привязать здешней стороне самого Абылая и воздержания подвластных от шалостей”[57] были порождены явной недооценкой его роли в политической жизни огромного региона.

Самоуверенность “первенствующего министра ее императорского величества”, как себя величал Н.Панин в вышеуказанном письме хану, подвела графа. Хотя он в очень льстивой форме, характерной для мусульманского Востока, “поздравляя” Абылая с новым патентом об утверждении его властелином Среднего жуза, писал: “Нет, конечно, сомнения, что ныне Вашим поведением заслужили здешнюю апропацию, только паче стараться буде и вовсе последующее время сохранению доброй Вашей славы,... доверенность к Вам более умножалась, возрастала в собственной Вашей пользе и пользе Вашего народа”[58].

Уверенность Н. Панина в добровольной покорности осторожного хана, очевидно, строилась на внешней видимости обращения хана к русской императрице через своего сына заручиться согласием Петербурга юридически оформить свою власть над всем Казахстаном. А потому предупреждение русского дипломата Абылаю держать свой народ от “всякого злодейства” задевало достоинство популярного в Центральной Азии государственного деятеля. “... всякие при границах вредные от киргис-кайсака поползновенности и злодейства быть могущие еще прежде их совершения непременно предупреждать и сотвращать с пристойными и согласными с пограничными начальниками мерами: злодеи, кои пойманы будут, наказывать, а укрывающихся прилежно выискивать”[59].

Этим была допущена непоправимая оплошность, дорого обошедшаяся Петербургу в стремлении приравнять Нуралы хана с Абылаем. Нуралы, хан Младшего жуза, вынужденный поделить свою власть со своим фактическим соправителем Батыром на побережье Аральского моря, хотя и был знатным чингизидом,

петлюхим полководцем, также обладал дипломатическим тактом, однако никак не мог встать вровень с Абылаем.

Нарочитая предвзятость в определении роли местных чингизидов не позволяла царским губернаторам дифференцированно выявить то значение, которое они приобрели в своих владениях. Рескрипт Оренбургского губернатора генерал-поручика Ивана Рейнсдорпа, к мнению которого прислушивалась Коллегия иностранных дел, предписывал чиновникам, чтобы “он (Абылай - Ж.К.) приблизился к одной из сибирских крепостей”. Более того, самоуверенный генерал рекомендовал своим подчиненным: “упрямой по своей стороне знаменитый варвар однако же (видимо, при принятии знаков отличия - Ж.К.) облечен был в одежду (шубу царицы - Ж.К.) [60]. Хотя хан через своих доверенных лиц оперативно получал проверенные сведения о действиях оренбургских и сибирских администраторов и вовсе не собирался поступать в соответствии с дерзкими предписаниями колониальных властей; тот же И.Рейнсдорп побуждал чиновников Оренбургского губернского управления “ему (Абылаю - Ж.К.) внушить”, что Нуралы получил такую же грамоту в Оренбурге, без принуждения приехав в губернский центр...” также и его, Абылай хана склонять на такой же приезд, принимая в нем непреодолимое от того обращением, пускай назначить по Вашему наставлению другое место, какое-либо из порученной Вам губернии место, ближе было ему приехать”[61].,- читаем в том же рескрипте И. Рейнсдорпа. Дело в том, что первоначально знаки ханского достоинства собирались вручить в Оренбурге или Троицке[62].

К тому же времени заметно изменилось соотношение сил в Центральной Азии - мусульманские владения, такие, как Бухарский Эмират, Хивинское ханство заискивали перед грозным ханом, стараясь поддерживать с ним доверительные отношения. По мере сближения с Цинским Китаем, Абылай, как об этом в свое время справедливо писал Ш.Уалиханов, явно стал избегать “сношений” с Россией; еще в 1771 г., когда он был избран Главным правителем казахской земли, не захотел ехать на русскую границу для подтверждения прежней присяги, говоря, что он “давно утвержден в своем достоинстве народным собранием и грамотою “сына неба”[63]. Об отказе Главного хана посетить Оренбург или вышеуказанные укрепления с явной нервозностью сообщали из Сибири и Оренбурга. По каким обстоятельствам он демонстративно отказывался нанести визит в Оренбург или другие пункты для принятия “знаков монаршей к нему милости” говорят рапорты, донесения Рейнсдорпа от 24 января, 11 марта, 17 мая, 13 августа и генерал-майора Огарева от 30 июня и 20 июля 1779 г. В частности, приведем выдержки из донесения Рейнсдорпа в Коллегию иностранных дел от 13 августа 1779 г. “Аблай на приглашение его к

приезде в односпособное место по его собственному произволу для принятия присяги, высочайших знаков подтверждения под разными претекстами (протестами - Ж.К.) уклонялся, показывая все виды неблагонамеренности..."[64].

Правительство же, в целях не возбуждать у чингизидов всякие мысли "о возможности быть ханом помимо нашего утверждения", прикомандировало в его аулы чиновника (по Ш. Уалиханову) для "возложения на него тех же знаков ханского достоинства"[65]. К этому моменту власть Абылая в Орде была устроена накрепко; проявлением упрочения его ханской власти явилось признание его большею частью Старшего жуза, где теперь стал управлять султан Адиль - один из сыновей хана[66]. Генерал И. Рейнсдорп в упомянутом донесении в Петербург обратил внимание на дерзость хана, который к тому же "грубым образом принял нарочного офицера, посланного к нему губернатором"[67].

С 1759 г. Абылау, как подданному империи, было определено ежегодное жалованье - 300 руб. и построен дом "для зимнего житья". Теперь власти решили как-то робко одернуть строптивого хана, "за такую противность" решено было удержать из годового жалованья 200 руб[68]. Между тем Коллегия иностранных дел рекомендовала И. Рейнсдорпу "ханские знаки" хранить в Петропавловской крепости в надежде на вероятность приезда Абылая в это укрепление, расположенное вблизи его кочевий, и номады его владения часто навещали этот торговый центр. Сибирская администрация лелеяла надежду, что он "образумится" и хотя с опозданием, но преклонит свою голову "перед императорской короной".

Журнальная запись капитана Линингрейна, датированная 27 июля, совершившего поездку в летнюю ставку Абылая для выяснения причин отказа хана получить "знаки ханского достоинства" содержит ряд косвенных деталей, подтверждающих нежелание хана выполнить требование властей. Ягуда Усманов, с которым тот беседовал, говорил об отсутствии у хана всякого намерения "ехать в Россию"; Каскальского рода батыр Таймас подтвердил то же самое: хан не желает "ни под каким видом" приехать для той цели в Петропавловскую крепость; более того, батыр сообщил русскому офицеру тревожную весть о возможном "выходе хана из протекции Российской"[69].

Рапорт И. Рейнсдорпа от 13 августа 1779 г. в Государственную Коллегию иностранных дел также, как и предыдущий документ, не раскрывает истинные мотивы нежелания хана откликнуться на неоднократные приглашения Оренбургского губернатора, объясняя поведение его "неблагопристойностью, презрительной дерзостью" Абылая[70]. Этот документ, с другой стороны, характеризует Абылая, как чуть ли не враждебно настроенного

деятеля, идущего наперекор интересам России. "Он доньне против совести поступает, имея несколько в подчиненной ему (Средней, видимо - Ж.К.) орде, но и у себя собственно много российских людей, коих по многому требованию не выдает, а притом и кутцов азиатских и российских грабить попускает"[71].

Рейнсдорп разгадал суть тайных замыслов хана в обращении к правительству выделить в его распоряжение войска. Домогательство Абылая, по мнению губернатора, было продиктовано его стремлением "усмирить противящихся ему киргизцов", а самое главное "по самолюбию власть свою умножить"[72]. Обратимся к письму Н. Панина к хану. Глава дипломатической миссии и в мыслях не допускал руками России укреплять позиции дальновидного восточного правителя, подкрепив его многотысячное ополчение регулярными отрядами империи. "Прошение Ваше о даче Вам здешних войск для усмирения (своих) противников сколько не желательно было б и в том Вам снизить и Вас удовольствовать но к здешнему разсуждению (отягощены - Ж.К.)... непреоборимыми трудностями"[73] - писал в вежливой форме Н. Панин, отказав удовлетворить просьбу хана.

Не добившись смягчения позиции Абылая, И. Рейнсдорп пустил в ход старый, испытанный метод - внесение разлада во взаимоотношения влиятельных чингизидов. На этот раз выбор пал на Абулфиза, одного из близких и давних соратников хана, долгие годы действовавшего рука об руку с Абылаем. Действуя по формуле "разделяй и властвуй", Государственная коллегия, поддержав мнение губернатора, рекомендовала "склонить его" послать в Оренбург нарочного для прошения о жалованьи..., когда он к здешней стороне пребудет верным и доброжелательным; кроме жалованья он каждый раз по мере своих заслуг может быть награждаем по рассмотрению пограничных начальников..."[74] Однако нам не удалось по документам проследить отношение сына почившего хана Абулмамбета, который с юридической точки зрения вполне мог вступить в борьбу за ханский трон, но, добровольно уступив свое место Абылау, как более могущественному, влиятельному из всех потомков Осека и Жадига.

Итак, мотивы отказа Абылая поклониться и принять знаки ханского величия в Петропавловской крепости оказались гораздо глубже, и объяснялись помимо всего прочего и факторами внутреннего развития Казахстана, усилиями хана по консолидации казахских земель; и нам следует обратить внимание на своеобразие общеполитической ситуации, происходившей прежде всего в Среднем жузе в контексте выявления личных заслуг его в них.

Представляется вполне обоснованным утверждение Ч. Валиханова о почти беспредельном характере его власти. "Ни один киргизский хан не имел такой неограниченной власти, как

Абылай, - писал правнук великого государственного деятеля[75]. На расширение его функций, как единовластного сюзерена казахской земли, местные номады смотрели как на вполне само собой разумеющееся явление, ибо во всей Сары-Арке, от Алтая до берегов Каспийского моря не было равного ему по цельности, изворотливости, настойчивости, прозорливости. Рассказывали, что когда Абылая поднимали на белую кошму, его осыпали похвалами за храбрость и проворство, пересказывали друг другу одержанные им победы, что потом разорвали (кошму - Ж.К.) на мелкие лоскутки и поделили между собой его на верхнее платье...»

Период правления Абылая ознаменовал установление долгожданного спокойствия в степи. В 70-х годах и правительство России практически приостановило строительство новых крепостей, занявшись укреплением старых и возведением на правом берегу незначительных сторожевых постов. В этом также следует усматривать возросший авторитет хана, с которым коменданты укреплений вынуждены поддерживать гибкие контакты, в основном развивая взаимовыгодные торговые отношения. Да и Российское подданство Абылая для его окружения и большинства киргиз оставалось лишь номинальным, которые «часто вооружались против нас... производили набеги на наших людей...», - писал Д.И.Романовский[76]. Да и характер, и юридическое состояние Российского подданства в 70-х годах XVIII в. были более чем странными, труднообъяснимыми - жизнь в степи протекала своим чередом, российского присутствия почти не замечалось. В этом помимо других обстоятельств следует видеть решительную позицию Главного казахского хана, резко реагировавшего на всякие действия начальников военных линий как на враждебный акт, пренебрегающий нуждами номадов.

Более или менее точно степень реального соблюдения подданства выразил известный исследователь генерал-лейтенант М.А.Терентьев: «вообще подданство киргиз было престранное: податей никаких не платили, повинностей не несли, а наше правительство ухаживало за ними, точно ради славы считаться владыкой киргиз. Ханов заманивали в подданство, удерживали в нем щедрыми подарками»[77].

Со времени принятия подданства России внешнеполитическое ее ведомство придерживалось опасной тенденции - попустительство и тем самым поощрение взаимных нападений, постоянной подозрительности между казахами и башкирами, между казачьими поселениями на Яике, Иртыше, Ишиме и номадами; в случае необходимости присвоение себе права грубо вмешиваться во взаимоотношения этих народов.

В самые трагические годы ойратских нашествий Россия, могучая военная держава, одержавшая множество блистательных побед над

армиями первоклассных европейских стран, предпочитала ограничиваться дипломатическими протестами, на которые воинственные ойраты не очень-то реагировали. «Из-за опасения ничтожных в сущности врагов, каковыми были джунгары, мы отдавали им на жертву своих подданных. Кредит наш пал» - писал М.А.Терентьев[78].

Абылай, как очевидец многих кровавых драм, перенесший на себе тяготы изнурительного, долгого противоборства с ойратами, на горьком опыте печальных событий 20-30-х годов, задолго до падения Джунгарии, пришел к однозначному выводу - всеми мерами, опираясь на усилия собственного народа, беречь единство нации как более действенный фактор, нежели расчет на благоденствие могучих соседей.

Свежо было в памяти хана событие, когда, испытывая напор цинских войск, неустойчивости ситуации в Джунгарии, он обратился в государственную Коллегию иностранных дел «дать ему пристанище внутри линии нам же, детям киргизов Средней Орды».

Тогда, 31 января 1755 г. последовала отрицательная реакция, что совершенно «оттолкнуло Абылая от России». Это решение значительно охладило его отношения с Россией с этих пор, и «до конца своей жизни он (Абылай) поступал с нами весьма коварно» - данная выдержка из книги того же М.А.Терентьева, хотя он явно преувеличивает последствия одного эпизода[79].

Как нам кажется, практику двоеданства Абылая, некоторую его близость к Пекинскому двору следует раскрыть, обратив внимание и на геополитическое расположение казахских жузов между двумя гигантами, когда смещение позиции хана в одну сторону вызывало естественное раздражение другой стороны. Абылай, как наиболее прагматичный деятель Центральной Азии второй половины XVIII в., не мог поступать по внешнеполитическому ориентиру иначе, чем по выработанной им и его окружением линии: Бухар жырау, Казбек бий и другими, еще в 50-х годах XVIII в. К тому же из тюркоязычных владений региона ханство Абылая явилось относительно прочным, многолюдным, и те, которые признавали преимущественное положение казахского хана, выискивали его расположение. (Об этом в разделе «Внешняя политика хана».)

«Двоеданство кочевников есть, в сущности, вполне естественный исход из их географического положения между двумя сильными соседями, когда летовки их находятся в пределах одного, а зимовки - в пределах другого соседа. Поэтому полной безраздельной покорности киргиз мы могли добиться только когда овладевали не только летовками, но и зимовками» - заключал М.А.Терентьев[80]. Соглашаясь в целом с верным замечанием

военного исследователя, тем не менее, не следует упускать из виду механизм достижения этой стратегической задачи - вытеснение номадов с насиженных веками мест, опираясь на военно-инженерные центры земледельческой колонизации и постепенное изменение историко-демографической ситуации на основе политики поощрения внутренних миграционных процессов[81]. Умение своевременно, гибко реагировать на события, происходившие в смежных с Казахстаном районах Цинского Китая и России, обеспечивало дальновидному правителю бескровными мерами рассеивать сомнения относительно лояльности своих намерений в отношении российской собственности на Алтае, китайских интересов в Сынцзяне.

Твердая позиция хана, его мудрость удерживали центробежные силы в самом ханстве от открытых проявлений вооруженной оппозиции, хотя мы далеки от однозначного мнения о якобы полном единодушии среди даже его близкого окружения, особенно по поводу взаимоотношений с Россией.

Но основной фактор - процесс национальной консолидации, поддерживаемый им на протяжении десятилетнего единоличного правления, не преминул дать свои плоды; большая часть номадов видела в нем непререкаемый авторитет, способный развивать объединительный процесс под его знаменем по принципу - три жуза—одна страна. Замечания известного знатока жизни казахских аулов П.И.Рычкова "Киргизы ханов своих слушают тогда, когда хотят, а паче, когда видят в этом свою пользу"[82] - отражают более ранний период, да и прежде всего применимы относительно к ситуации в Младшем жузе, хотя в его трудах мы находим весьма интересные наблюдения о родо-племенном составе казахов в Среднем жузе.

Политика двоеданства, как одно из удивительных явлений в дипломатической истории Центральной Азии, обеспечивала безопасность кочевой жизни, хотя в течение короткого отрезка времени, в период правления хана, мирные отношения с крупными державами являлись связующим звеном между востоком и западом, погрузив в размышления современников-историков, да и тех, кто специально по поручениям правительств двух соседей (Китая, России) посещали аулы своеобразного яркого политика.

В истории соседних кыргызов, узбеков или каракалпаков, в развитии которых так было много общего, объединяющих начал, подобная практика не наблюдалась, побудив деятелей той эпохи задуматься над феноменом Абылая, изумительными свойствами его, как оригинального политика, новатора в этой сфере. "Как лучший ходатай перед сильными соседями по нуждам орды, как

дипломат, умевший ладить с этими соседями в такой степени искусно, что считался подданным двух держав, ничем при том не обязывая и только пользуясь очередными периодическими подарками"[83], - с этим верным определением исследователя начала XX века трудно не согласиться.

"СБЛИЖАТЬСЯ С КИТАЕМ, НО ХРАНИТЬ СОГЛАСИЕ С РОССИЕЙ"

Китайский фактор занимал все более устойчивое место. Близость его границ, давние торговые, экономические и посольские связи, расчет хана в случае осложнений контактов стараться заручиться дипломатическими и другими возможными вариантами поддержки Пекина - все больше бросало Абылая в объятия восточного гиганта. Это объяснялось настороженностью хана расширением российского присутствия, экспроприацией казахских земель, тенденцией Петербурга ограничивать сферы ханских прерогатив.

После избрания его ханом Маньчжуро-Цинское правительство открыто, грубо не вмешивалось во внутренние дела Казахстана, не добивалось попыток к ослаблению и ликвидации ханской власти. Шокан Уалиханов в свое время писал об этом: "Абылай в наставление своим детям советовал более сближаться с Китаем, но хранить согласие с Россией. Китайцы, по его мнению, не могли быть никогда опасны для ханской власти. Между тем как в русском правительстве он видел сильную оппозицию туземной власти"[84].

Не потому ли каждый шаг Абылая в сторону Цинского двора производил угнетающее впечатление на Сибирскую или Оренбургскую администрацию. Генерал-поручик И. Рейнсдорп в одном из своих, нами приведенных, рапортов, предложил государственной Коллегии иностранных дел разгадать причину отхода от Российской ориентации. "Не развращен ли он (Абылай - Ж.К.) китайской стороной, которая от давнего времени, продолжая пересылку людей, старается его со истощением малого иждивения в свое подданство преклонить"[85]. Рапорт датирован 13 августа 1779 г., Абылай же вступил в Китайское подданство еще в 50-х годах XVIII в. Так что догадки царского губернатора выглядели несколько запоздалыми и вряд ли могли возбудить интерес в Коллегии иностранных дел, которой были очевидны все нюансы постепенного перемещения ориентации казахского хана в сторону Пекина. Однако немало высокопоставленных чиновников царской колониальной власти, хотя и представляли себе детали "вступления Абылая в близкое сношение с китайцами"[86], полагали, что те "не в состоянии присваивать оную орду к своему подданству"[87].

Похолодание позиций Абылая относительно Российской стороны бросалось в глаза и его нежелание отправлять свои аманаты в Оренбург «нескладными вопросами относительно к почестям и содержание их»[88]. Он постепенно вел дело к прекращению отправки своих сыновей или детей высокородных чингизидов своего ханского двора в Оренбург. Русское правительство избегало обострения контактов с ханом и не очень энергично хлопотало об отправке аманатов в Оренбург, и в патенте об утверждении Абылая ханом Среднего жуза отсутствовало даже упоминание об аманатстве.

Институт аманатства постепенно исчерпывал себя и не играл той роли, которая была присуща ему в 30-50 годах ХУІІІ в.

Тем временем верные России старшины, а также султаны, склонные строго придерживаться подданнических отношений к Петербургу, порой информировали комендантов крепостей, начальников военных линий об умонастроении в ханском дворе, аулах. Записка, отобранная у старшины Среднего жуза Кулбаки батыра, достаточно подробно характеризует состояние «самого Аблай хана». Подданным Кулбаки по поводу позиции хана «к Российской стороне» Абылай обращается «лицемерно, делая разные притворства, изменчивости»[89].

Даут батыр, мулла Тауекел, сопровождавшие Тугым султана в Петербург и обратно, уговаривали Абылая воздержаться от поездки в Петропавловскую крепость, пугая хана арестом «за находившихся у него российских пленных под караулом...»[90]. Подобная, отчасти малодостоверная информация создавала в ханском сарае нервозность, усиливала сомнение относительно искренности приглашений его в крепость на Ишиме. Недруги хана, стараясь усугубить отношения Абылая с Сибирской администрацией, распространяли в степи заведомо ложные слухи о будто бы готовящихся карательных мерах «на весь киргискайсацкий народ». Некоторые же убежденные сторонники российской ориентации, «а именно Байжигит (ова рода – Ж.К.), султан Бикбулат, Кенжебай с подчиненными атыгайскими, каракульскими и кара-кесекскими родами «не захотели ему, Аблау последовать»[91].

Расположившись «близ гор Кукчетау», предупрежденный доверенными лицами о возможных столкновениях «противными ему сопротивления», держа бразды правления в своих руках, тем не менее, он прилагал усилия к объединению разных родоплеменных объединений, интересы которых не всегда и по многим аспектам явно расходились. Тем не менее, он проводил жесткую линию в отношении лиц, ослаблявших единство народа и территориальной целостности. Как явствует журнальная запись батыра Кулбаки, «он продолжал своего предприятия к выезду на

киргизцов»[92], не прекращавших феодальные распри, родоплеменные раздоры. При этом Абылай опирался на влиятельных старшин, батыров наиболее многочисленных родов Среднего жуза, занимавших лучшие кочевья, влиявших на ход событий в обширном крае. Как-то из владения Абылая откололась часть сильного найманского рода и перекочевала к приграничным пределам Китая. Этот факт сильно обеспокоил грозного хана, ибо многочисленное крыло автохтонного населения всегда поддерживало усилия хана в предыдущий период. Увы, документы не позволяют выяснить причины их недовольства. Айтыс (поэтическое состязание) знаменитого акына Жанака с молодым жигитом найманского поколения содержит следующие строки о значении этого рода в жизни степных обитателей:

*Честь найманов (жанак - Ж.К.) не задевай,
И найманов не унижай!
Всех твоих аргынов затмит
Наш безносый бай Токабай.*

Для возвращения перебежчиков наймановцев хан лично отрядил своего сына, будущего отца Шокана – султана Шынгыса, который «некоторое время увещевательно находился у тамошнего пограничного командира» и долго задерживается[93]. Порой борьба со своими непокорными занимала немало времени и усилий хана. Абылай даже «домогался» получить у командиров Сибирских линий «пушек и воинских людей»[94] для борьбы с внутренней оппозицией.

В литературных памятниках можно почерпнуть немало интересных фактов, подтверждающих факты проявления некоторой жестокости Абылая против своих противников. Одним из таких мужественных лиц, бросавших вызов могучему хану, был старшина Ботахан, казненный им за непослушание[95].

*Абылай, Ботақанды сен өлтірдің,
Есілер жарығын неге өлтірдің?
Хан басың қарашынмен даулы болып,
Үстіне ақ орданың қол келтірдің.*

Оппозиционное настроение против довольно жестокой линии Абылая выражали отдельные роды; аульно-общинная структура жизни довольно крепко поддерживала своих соплеменников, когда речь шла о земельных и иных их интересах. Примером может послужить открытое недовольство рода Мейрам с политикой Абылая:

*Абылай күйіп кетті салған қалаң
Мейрамға не еді сенің жапқан жалаң,*

Военное искусство казахов складывалось в процессе внутренних феодальных распрей и длительной борьбы со своими соседями, преимущественно с ойратами.

Почти полуторазековая кровавая драма с Джунгарией наложила отпечаток и на своеобразие оборонительной в целом их тактики. Все источники, дошедшие до нас едины в том, что казахские сарбазы в основном вооружались холодным, азиатским типом оружия: луки, сабли, пики, у незначительной части ружье. Последние в основном приобретались в среднеазиатских рынках или изготавливались мастерами-оружейниками в самом Казахстане.

Преимущество же ойратских сил заключалось в использовании различных систем артиллерии, чему во многом их научил Иоганн Густав Ренат, сержант шведской армии, попавший в русский плен под Полтавой, второй раз к джунгарам в дни осады ими Ямьшевской крепости. Еще в 30-х годах майору Л. Угримову, посланнику русского правительства ойратскому хану, тот же Ренат рассказывал, что отлил пушек четырехфунтовых-15, малых-5, мортиров десятифунтовых-20[97].

Однако мы не располагаем данными о том, имелись ли в вооружении казахов пушки, и в данной связи так же следует объяснить обращение хана Абылая к начальникам военно-оборонительной линии выделить ему артиллерию, когда в его многотысячном ополчении не было сарбазов, умевших обращаться с грозным оружием. Мы полагаем, что намерение казахского хана заполучить орудия страшной для кочевников убойной силы, известные казахам под названием “жасыл жашик” (зеленый ящик), обусловлено его расчетом ввести в дело пушки, вовлекая в это десятки, сотни пленных русских, сосредоточенных по аулам, среди которых беглых солдат, а может быть артиллеристов, было немало.

“БЕЖАВШИЕ ИЗ РОССИИ КОЛОДНИКИ”

Во взаимоотношениях Абылая с русским правительством яблоком раздора явилось освобождение из плена и возвращение пленных — российских подданных, которые попадали в аулы Абылая и его приближенных по разным обстоятельствам: во время разбойных нападений на караваны захваченных отправляли в глубинные степные аулы, которые трудно было обнаружить без сопровождающих: попадали “невольники” и через среднеазиатские рынки обмена или продажи “живого” товара.

Казахские батыры, часто посещавшие оживленные, привычные для них базары привозили немало попавших в беду российских подданных, которые, будучи в казахских аулах, привлекались к разным видам повседневного труда: в аулы также привозили десятки, а то и сотни ойратов после уничтожения бывшего их отечества, принявших православную веру, которые расселялись по алтайским, сибирским краям, за которыми казахи “охотились” по-настоящему; в аулах также можно было встретить русских крестьян, бежавших в степь в поиске свободы, из крепостной неволи; а также солдат, из-за суровых условий службы искавших счастья в безбрежной степи; но большая часть пленных в Казахстане попадала в аулы во время вооруженных стычек[1].

Начальники сибирских, яцких линий чаще всего объясняли такую ситуацию “природной воинственностью” казахов, которым, якобы, было свойственно тревожить своих земледельческих соседей. “Со вступлением в Русское подданство должны были обуздать свои воинственные инстинкты”, — писал один автор еще в начале нашего столетия. Причем, эти вооруженные стычки порой происходили далеко за пределами Казахстана.

В 30-50х годах взаимные нападения чаще всего случались между казахами и башкирами, особенно в середине 50-х годов XVIII в., после массового бегства участников башкирского восстания в пределы Младшего и Среднего жузов, которые надеялись у своих тюркских соплеменников и мусульманских единоверцев найти приют от карательных действий царских войск. Сталкивание двух народов друг с другом имело своим последствием страшные погромы, когда при полной поддержке русских властей казахские батыры десятками захватывали попавших в беду башкир; те, опомнившись, делали ответные опустошения в казахских аулах: результат — сотни пленных с той и другой стороны.

Во владении Абылая оказывались не только башкиры и ойраты, но и “жительствовавшие Симбирских, Казанских губерний”, разбросанные по аулам “уваживавшие в плену (вследствие — Ж.К.) причиненных великих разорений”[2].

Отчасти такие действия казахских батыров явились ответными их выступлениями против казаков, от которых сильно пострадали мирные аулы. “Наши казаки иногда и сами делали набеги на киргизские улусы и выводили в полон. Коменданты-офицеры и чиновники разбирали пленных “в услужение” и тотчас крестили, потому что правительство крещенных никогда в степь не возвращало”, — писал не без оснований М.А.Терентьев[3].

Освобождение пленных, выдача российских подданных пограничным властям — эти вопросы так или иначе постоянно возникали во время переговоров дипломатов Абылая с российскими представителями или в его личной переписке с Оренбургскими

губернаторами и комендантами крепостей; надо полагать, и трудности выполнения подобных требований вполне обоснованных ходатайств Российской стороны. Сложность выдачи находящихся в разбросанных аулах пленных, или содержащихся на таковых условиях, усугублялась, прежде всего, объективными факторами: вообще было затруднительным определить численность российских подданных и их этническую принадлежность. Трудности сообщений по громадным степным просторам сводили на нет всякие усилия самых педантично относящихся к своим поручениям лиц, когда, особенно при постоянной подвижности кочевников, обнаруживать места их локальных стоянок не представлялось возможным.

Факт, содержащийся в исследовании М. А. Терентьева о выдаче лично Абылаем всех русских пленных, так называемых подданных, и об отобрании их у своих ордынцев еще в 1760 году отражает лишь небольшой эпизод из длительной, сложной истории пребывания невольников-пришельцев, в данном случае в Среднем жузе[4]. О том, что и в 70-х годах XVIII в. в подведомственных родоподразделениях хана “под караулом содержались российские пленны”[5] – знали и в Петербурге. Естественно, более детальные информации об этом поступали в канцелярию Оренбургской губернии, тем более об этом располагали подробными сведениями коменданты Сибирских укреплений.

На самом деле, на все повторяющиеся протесты российских чиновников, военных хан попросту отмахивался.

19 февраля 1776 г. генерал-поручик и кавалер Деколонг в донесении в Государственную Коллегию иностранных дел, ставя в известность Петербург, с огорчением замечал об отсутствии у Абылая “ни малейшего виду в выдаче” российской стороне пленных[6]; 21 сентября канцлер Н. Панин в письме Абылаю напомнил ему “о разбое киргис-кайсаков пред некоторым временем при Преснегорьковском редуте”. Причем с раздражением констатировал: “несколько здешних людей уведено в плен. Сысканы ли злодеи и по достоинству наказаны ли”[7]. Данное письмо, составленное несколько в жестких тонах, предостерегало казахского хана о возможных более строгих мерах, могущих последовать после предупреждения первого в то время дипломата огромной империи. К тому же оно было доставлено хану буквально через несколько месяцев после отправления хану вышеупомянутых знаков достоинства в Петропавловскую крепость. Подозрения российской администрации относительно Абылая еще более усилились в связи с исчезновением без следов капитана Дудина. Правда, трудно уяснить по каким же обстоятельствам русский офицер попал в Средний жуз и не смог дать о себе знать, находясь в его владениях. Абылай, идя навстречу просьбе Оренбургского начальства, видимо, организовал поиск его, но безуспешно.

“Посланные от него, Аблая, для выручки капитана Дудина, нарочные возвратились, только сыскать его и получить не могли, хотя от некоторых из киргизцов слышно, что он находится в орде их”, – читаем в одном документе. Однако приведенный коллежским регистратором Мендияром Бекчуриным документ говорит лишь “о вероятности” тех сведений, что “послать (это за правду - Ж.К.) невозможно”[9].

Общеизвестна нейтральная позиция Абылая к восстанию Е. Пугачева. Принимали в нем участие бии, батыры, отдельные султаны без ведома Абылая. В феврале 1774 г., когда пожар грандиозной народной войны разгорался с новой силой, вопрос о “захваченных ворами киргизцами со здешних линий российских людей” возник опять[10]. Генерал-поручиком Деколонгом выяснен факт солидарности “особливо Вали салтана”, который и “при бытности его отца (Абылая - Ж.К.) и в отсутствии также” оказался “в злодействе”[11] с предводителем восстания. В дальнейшем Уали султан, будущий наследник хана, одумался, и даже, по мнению того же Деколонга, других активных сторонников Е. Пугачева “пристойным образом” старался “отвращать”[12].

Видимо, захват русских подданных произошел во время крестьянской войны и Абылай вряд ли был к этому причастен. Тем более тот же генерал-поручик доносил “О пропуске без обиды к здешним крестьянам бухарцев и ташкенцев с товарами для торгу”[13]. За два года до кончины Абылая Оренбургская администрация опять заострила на этом внимание – возврат пленных приобрел особое звучание в политике России в отношении владения хана. Повод к тому дал отчет капитана Гавриила Лилингрейна о поездке к Абылаю. Наряду с информацией о политической ситуации в Ханской орде журнальная запись капитана отражала любопытные сведения о российских подданных, рассеянных по огромному владению его, пытавшихся вернуться в свое отечество. “В бытность нашу при Абылайханских улусах приходили к нам бежавшие из России колодники, и которых одного зовут Минской, а протчих двух не знаю, и первый привозил кожу сырую для сатовки, а протчая безо всево и объявили, что и есть довольно российских людей при ханских кибитках как мужеска, так и женска полу и што они желают, выбрав время, бежать в Россию”[14].

Однако Абылай при своих выдающихся организаторских качествах, осведомленности положением во всем обширном степном государстве, готовности незамедлительно через своих туленгутов собрать по аулам пленных и возвратить в Россию – вряд ли был в состоянии разрешить проблему, наталкиваясь на явное сопротивление влиятельных, прославленных батыров, биев, не очень-то спешивших удовлетворить требование грозного

повелителя, не возместив тот ущерб, который был бы нанесен внезапным, безвозмездным вызволением людей на волю.

Вопрос об освобождении российских подданных во владениях хана заметно усугублял взаимные контакты его с русскими административными структурами управления, неоднократно порождая недоверие и подозрительность в отношении хана. К тому же завоевательные походы знаменитого полководца в соседние страны увеличили приток новых партий военнопленных из числа различных этнических формирований соседних владений — узбеков, кыргызов, каракалпаков и др.; изнурительная борьба с ними, организация военного дела при своеобразном раскладе административно политической системы управления государства подтачивали основу существования ханства, ускорив вмешательство России во внутреннюю жизнь Казахстана.

*Мұндай хан бұл дүниеде енді болмас,
Ілгері заманда да болған емес.
Тәж киген патшалармен салп қылып,
Халқының қамқоры болып, әлін көрмес.*

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ АБЫЛАЙ ХАНА

Долгие годы неустанной борьбы подточили здоровье знаменитого хана. Походы на кыргызские земли, борьба с каракалпаками, постоянное противоборство с узбекскими правителями, меры по поддержанию достойных контактов с Пекинским и Петербургским дворами требовали невероятных усилий, постоянных дум о благе казахского народа — все это ослабило, казалось бы, беспредельные возможности неутомимого Абылая.

Задолго до своей кончины Абылай, собрав своих мудрых советников, представителей трех жузов в Туркестане, объявил своим преемником второго сына Уали султана, долгие годы делившего с ним тяготы войн, постоянные заботы по консолидации казахских земель. Трудно уяснить мотивы отступления престарелого, но с ясным умом хана — отодвинуть на второй план Дур-Адилхана, своего первенца по мужской линии. Предпочтение кандидатуры Уали султана, очевидно, было обусловлено незаурядными качествами, которые тот проявил в последние годы полной бурных событий жизни хана.

В фольклорных произведениях сохранилось немало достоверных фактов о последних годах жизни Абылая, и в своем завещании хан поручал своим приближенным избрать в случае его смерти именно Уали султана [1]:

*Өз ұлы Уали ханға орнын берді,
Өсиет ақыл айтып көп сөздерді,
Дұшпанға ар-намысын жіберме деп,
Баршасы қазақтардың қамы еді.*

Государственная деятельность хана преимущественно проходила в его летних резиденциях: в районе родового гнезда — голубых Кокшетауских озер, вблизи Петропавловской крепости и Шынгыстау. В последние годы жизни хан избрал местом своего постоянного пребывания город Туркестан.

Человек, который постоянно придерживался исламских канонов в своей духовной жизни, видимо, решил провести остаток своих лет вблизи мечети святого — Ходжи Ахмета Яссауи.

Казахский фольклор сохранил любопытные подробности о мотивах его поселения в Туркестане и о его прибытии туда в сопровождении знатных представителей трех казахских жузов [2]:

*Бір жылы қиял етті көңіліне алып,
Әзіретті сұлтаныма өзім барым,
Топырағын көзге сүртіп зиярат қып,
Қазанын толтырсын деп мал апарым.*

*Ақыры Түркістанға бұлар келді,
Әзіреттің тағзым етіп ішіне енді,
Қабырына жүзін сүртіп бата қылып,
Дұға қып, тікесінен тұрар еді.*

Город Туркестан в 60-70-х годах XVIII в., после установления временного затишья в регионе, снова возродился как оживленный центр транзитной торговли. Купеческие караваны, следуя по древнему Шелковому пути, проходя через южные ворота Казахстана, чаще всего останавливались в этом городе. Пребывание знаменитого хана в нем, его поощрительная политика в плане возрождения былой славы, посреднической роли этого поселения в скором времени превратили его в крупный перевалочный центр, притягивая к себе торговый люд из Семиречья, Среднего, Младшего жузов, Западного Китая, России. Об этом несколько строк из шежира — (казахской летописи) [3]:

*Түркістан қаласының іші-тысы,
Адамнан бос болмады еш бірісі,
Таба алмай бірнеше күн жүрер еді,
Адасып өз қолынан шықса кісі.*

Один из побудительных мотивов перекочевания Абылая в Туркестан заключался в возвращении казахов вблизи Ташкента и

владений кокандских беков к традиционным кочевой и политической самостоятельности. Судя по фольклорным сведениям, казахи Старшего жуза сами просили об этом, неоднократно обращались к нему как к властелину казахской земли, верховному сюзерену[4]:

*Ұлы жуз қоқандықтан зальым көріп,
Арыз етті Түркістанға маған келіп,
Бұларға жауап айтып, уәде қылдым,
Қайтпаққа ар-намысын алып беріп.*

Покорив Ташкент, заставив платить дань в пользу своего двора, Абылай на обратном пути в районе р. Арыс заболел. Вблизи расположения ханского войска, по распоряжению больного правителя была построена новая крепость, призванная оберегать казахов от набегов войск кокандских беков. Впоследствии крепость получила название “Хан қорғаны”, развалины которой до сих пор сохранились как свидетельство неутомимой деятельности этого великого человека.

Весною 1781 г., несмотря на усилия лекарей, Абылай скончался. Ему шел 70-й год, хотя в фольклорных данных возраст почившего повелителя казахской земли значительно преувеличен[5]. Надо полагать, что смерть наступила не осенью того же года[6], а ранней весной. Во всяком случае, приводимые ниже документы подтверждают нашу версию. 27 мая 1781 г. генерал-майор, князь Хвабулов направил в столицу срочную депешу о смерти Абылая[7]; 29 мая 1781 г. генерал-майор Огарев препроводил в Петербург письмо наследника Абылая[8]. Уали султан “изъяснил желание с братьями своими и подвластными киргизами прибыть в высочайшее Ее императорского величества подданство по примеру отца своего”[9]. Можно процитировать выдержку из рапорта командующего сибирскими линиями генерал-майора Огарева в Государственную Коллегию под грифом “секретно”: “ныне и сын ево Вали салтан мая 23 числа прислал ко мне с письмом нарощных старшин Куяж батыра и Тавакал (Тауекел - Ж.К.) муллу, которым уведомляют, што отец ево, будучи в походе, от приключившейся болезни умер на шестьдесят девятом году, и был российской стороне верен и служил назад тому пятьдесят лет”[10].

Хотя в близком окружении умершего хана относительно выбора кандидатур на ханский трон разногласий, по существу, не было, и двор, выполняя завещание Абылая, был намерен провозгласить таковым Уали султана. Однако стремление Российской стороны вмешаться в дело проведения выборов могло внести раскол среди видных чингизидов.

Уфимский и Сибирский наместник И.Якоби направил в Средний жуз коллежского асессора, директора Троицкой таможни - Чучалова, бывшего переводчика, располагавшего проверенными сведениями о ситуации в казахских жузах; он был лично знаком со многими влиятельными старшинами, султанами, неплохо владел местным наречием. Целью его поездки — ознакомление “всей той орды с грамотой императрицы” для объявления всемилостивейшего е. в. благословения о выборе на место умершего Аблая хана со общего согласия другого достойного человека”[11]. Более того, в рескрипте И.Якоби Чучалову строго было предписано - результаты выбора хана, вернее, вновь избранного, подтвердить, в том достоинстве указом Екатерины II[12]. Тем временем Уали султан, проявив дипломатический такт, избегая всяческого обострения отношений с Петербургом, решил отправить в столицу представительную миссию во главе со своим братом Есим султаном[13]. В состав посольства входили старшина Толе мырза, Шаукал батыр, Байтука, Тлеукабыл, Мурзатай, Койлыбай, два слугителя[14].

К тому же “дети ево собирали по всей Орде к себе на совет всех старшин”. Спешка в проведении выборов была продиктована международной ситуацией — Абылай являлся подданным двух соседних империй, и вмешательство России могло вызвать ответную реакцию Китая. Поэтому вполне была понятна позиция России обеспечить участие ее представителей во время выборов нового хана и после процедурных этапов этого избрания обеспечить юридическое оформление Российского подданства. Кроме Уали султана, как видно из рапорта И.Якоби, было несколько чингизидов, имевших реальные шансы вступить с ними в спор: потомок Барака — Тайр султан, брат Абылая султана, а также находившийся в это время в Старшем жузе престарелый Абулфаиз - старший сын Абулмамбет хана[15].

Российскую сторону вполне устраивала кандидатура Уали султана хотя бы потому, что все собранные Коллегией иностранных дел и другие поступившие информации подтверждали мнение однозначной, решительной поддержке абсолютным большинством чингизидов Уали султана, ибо речь шла о выполнении святой воли умершего: “он большой сын (хотя был вторым — Ж.К.) ... находясь при отце ево, мог по ево хорошему понятию довольно перенять, как наилучше киргис-кайсацким народом управлять, к чему он смысл, способность, проворность и другие приличествующие имеет, которое свое избрание и при нем Чучалове повторил”[16]. 26 августа 1781 г., находясь в Царском селе, Екатерина II дала добро на предмет избрания Уали султана и на доклад Государственной коллегии, по сему случаю она наложила свою резолюцию “быть по сему”[17].

“Нет теперь законного преемника ханской власти в Средней киргис-кайсацкой орде (Россия по-прежнему не признавала власть умершего хана над тремя жузами - Ж.К.) ... неохота оставить его (народ - Ж.К.) в безначальстве ... дозволяем избрать по обыкновению достойного и нашему и в благонамеренного хана...” [18] — так гласила грамота Екатерины о своем одобрении кандидатуры Уали султана.

Россия, стараясь восстановить упущенное в период правления Абылая, упрочить свою позицию, принимала и другие спешные меры воздействия на нового хана. Генерал-поручик И.Якоби предлагал “отправить хану знаки ханского достоинства, от которых прежний хан решительно отрекся”, отказавшись совершить визит в Петропавловскую крепость. Теперь сибирское начальство опять вспомнило об этом “... отправить к нему (Уали — Ж.К.), соображаясь с прежними примерами утверждающие знаки знаменитого сего Сана; к числу могут употреблены быть посланные в прошлом 1778 году, к отцу его, хранящиеся в Петропавловской крепости, кроме патента на ханское достоинство и сабли; потому что Патент следует переписать на имя нового хана, на сабле переменить также надпись”, - писал тот же И.Якоби[19].

Тем временем в Туркестане на поминки умершего хана собрались влиятельные султаны, старшины, мудрые бии, прославленные батыры, разветвленная, разбросанная по всей степи Аблаева фамилия. Единогласно было вынесено решение неукоснительно выполнить завещание Абылая, похоронить его тело в мечети Ходжи Ахмеда Яссауи:

*Тірлікте айттың еді хабар беріп,
Қазыретке қойыңдар деп кетсем өліп,
Орнына бұл айтқаның келтіреміз,
Сұлтанның оң жағына ханды қойып.*

В Самарканд было отправлено специальное посольство для приобретения и доставки в Туркестан изумительного по красоте мрамора, сохранившегося со времени Сахиб-Кирана (великого полководца Тимура), которую уступили за 300 прекрасных коней[20]:

*Есіттік Самаркандта бар деп бір тас,
Мар-Мардур асылдығы гаухарға ұқсас,
Патшаны Әмір Темір хатам қызы,
Ханымға атасынан тиген мұрас.*

Чуть позднее, 31 декабря 1781 г., тот же И.Якоби сообщал в Государственную коллегию о чрезвычайной пышности

мероприятий по захоронению Абылая; в поминовении участвовало до пяти тысяч человек[21]. Версия о смерти Абылая и об его позднем захоронении после того, как его тело было доставлено из района Шынгыстауских гор, видимо, не соответствует действительности [22].

Не успел Уали утвердиться в ханском престоле, как он обратился к русским властям о выдаче ему “заслуженного отцом жалованья”, которое в соответствии с рескриптом Екатерины — Рейнсдорпу от 2 октября 1779 г. было “удержано” властями, в связи с отказом Абылая принять знаки отличия ханского достоинства [23].

Екатерина II в Грамоте от 23 августа 1781 г., которую мы уже достаточно обильно цитировали, обуславливала удовлетворение сей просьбы с “утверждением его в ханском достоинстве”, а также “ежели он будет ... в верности, не в подозрительности...”[24].

Опять, как и при Абылае, возникла проблема в налаживании отношений как с Россией, так и с Китаем. Дело в том, что весть о смерти Главного казахского хана была воспринята в Пекине с нескрываемой тревогой — Пекин заметно был озадачен будущей позицией наследника умершего хана, как он поведет себя в отношении Пекина и Петербурга и сохранит ли прежнюю линию, которая отвечала долговременным интересам двух стран.

Спустя некоторое время, 8 ноября 1781г., после избрания Уали султана правителем Среднего жуза в Государственную коллегию иностранных дел с грифом “секретно” направлено сообщение о прибытии в степь депутации от Китайского двора. Информация была подтверждена “данными от купца” Захара Пеньевского[25]. Российское внешнеполитическое ведомство было озадачено сообщением “по каковым намерениям приготовил он (Уали хан - Ж.К.) к посылке в китайский город своего родного (брата) салтана Касыма”[26]. Вскоре Петербург получил подтвержденную депешу уже об отправке к китайскому двору “означенного своего брата” с миссией в составе 5 человек[27]. И вскоре в 1783 г. Пекинский двор официально признал ханом Среднего жуза Кожу султана, сына небезызвестного Барака[28], снискавшего недобрую славу за убийство знаменитого Абулхайр хана.

Таким образом, сразу же после кончины великого государя и в Среднем жузе сложилась своеобразная ситуация, такая как после гибели Абулхайр хана. Избранные один за другим два хана — Уали в северо-западных, центральных районах Казахстана, Кожа — в восточных, хотели этого или нет, разрушали единство, долгими усилиями достигнутое при Абылае; первый в основном ориентировался на Россию; второй — на Пекинский двор. Два хана, несхожие между собой ни по природным данным, ни по своим

достоинствам по управлению громадными степными просторами, но, конечно, стоявшие выше многих заурядных султанов, не обладали свойством и твердым характером для сохранения того, что было достигнуто деяниями великого правителя.

Аблаева фамилия давно привыкла властвовать, как, подобно господствующей династии, считала управление кочевым обществом лишь своей прерогативой, и хан Уали демонстративно отвергал всякие мысли устанавливать какие-либо связи с Кожой, проявлять гибкость в деле сохранения отцовского наследства, быстро предал забвению печальные уроки противоборства Нуралы хана с его соперником Батыром, также в свое время фактически ставшим его потенциальным соправителем на северо-западном побережье Аральского моря. Более того, новый хан вел себя в отношении свободных общинников настолько заносчиво, а с чингизидами - надменно, что в январе 1795 г. два султана, 19 старшин и 122 360 человек подали на имя престарелой императрицы прошение об "избавлении их от власти хана"[29].

Так, вследствие узости интересов наследника Абылая, его переменчивого характера в управлении кочевниками, отсутствия способностей нейтрализовать жесткую позицию русской администрации сложились предпосылки постепенной ликвидации института ханской власти, что и произошло позднее, в 20-х годах XIX в.

Благодаря неустанным усилиям Абылая, Казахстан последней четверти XVIII в. стал одним из крупных государств в этническом плане в системе феодальных государственных образований Центральной Азии, с которым поддерживали обоюдовыгодные контакты такие крупные страны, как Цинская империя, Россия. Страна периода его правления представляла собой одну из своеобразных феодальных государств в обширном регионе, позиция которого непременно учитывалась при определении международных проблем, касающихся судеб зауральской окраины; а в тюркском мире Центральной Азии не было страны, более сильной в военно-политическом отношении, чем Казахстан.

По свидетельству шежире - памятников устной народной поэзии, ханский Совет по управлению страной состоял из верных его позиции популярных личностей - знаменитых батыров, прославленных биев, обладавших дипломатическим тактом; Бухар жырау, один из самых приближенных к хану лиц из "черной кости", к мудрым советам которого тот непременно прислушивался; Каздауысты Казбек бий и другие соратники обладали значительным влиянием на хана; как ближайшие советники участвовали в формировании основных направлений политики хана, могли смягчить напор его гнева, подчас нередко проявлявшейся жестокости правителя; проникающий в душу собеседника его

суровый взгляд, как об этом твердят фольклорные данные, обладал магическим свойством воздействия на окружающих. Он безжалостно изгонял из своих резиденций тех, кто заискивал перед ним, добивался его расположения, помимо ханских предписаний облагал народ дополнительными повинностями: согум, зякет.

Абылай располагал достаточно хорошо оснащенными азиатскими видами вооружения войском, легко созываемом в моменты реальной угрозы на страну, что особенно проявилось в борьбе с кыргызскими манапами, кокандскими беками. В борьбе со своими противниками, в смежных районах за исключением России, Цинской империи, Абылай в 60-70-х годах XVIII в. не имел потенциальных соперников.

"Бай скот бережет, батыр народ бережет" - так гласит народная поговорка. В период правления Абылая, пожалуй, не было ни одного печального факта ослабления насущных интересов номадов по вине самого Абылая. Эпоху его правления с полным основанием можно охарактеризовать как золотой век в истории Казахстана. "Кривоногий раб" (поэт Татикара), с 20 лет (жырау Умбетей) принимал самое деятельное участие в длительном, изнурительном противоборстве с ойратами - "прирожденными воинами"[30], он прославился и как блестящий полководец, которого нарочито почитали и заклятые враги казахов - джунгары, и конечно, с трепетной боязнью относились к нему кыргызы, каракалпаки, узбеки и др.

Как талантливый сардар, Абылай практически использовал все доступные ему средства, находил всяческие варианты для защиты насущных интересов народа, при этом сохраняя политическую сплоченность жузов.

Судьбоносные чаяния трех жузов постоянно превалировали над его клановыми, личными побуждениями, дальновидность его позиции в сложных международных ситуациях объективно возвышала его над другими видными чингизидами той эпохи. Он не раз оказывался на волоске от неминуемой гибели. Так, будучи застигнутым врасплох и захваченным в плен по личному указанию выдающегося полководца своего времени Галдан-Цэрена, жаждавшего отомстить за гибель своего любимого сына Чарши, на вопрос ойратского повелителя, где он убил сына контайши, Абылай гордо отвечал: "... обвинение пало на меня, а был он убит народом, через меня исполнилась воля народа над твоим сыном Чарчом"[31]. Джунгарский полководец был поражен его дерзким ответом, "несколько раз повторял: мон, мон, остановил палачей..."[32].

Пожалуй, Абылай остается в истории Казахстана единственным деятелем, которого местные номады рассматривали "как воплотившийся дух (аруах - Ж.К.) "ниспосланный для совершения великих дел"[33].

А.Е.Врангель, впоследствии Семипалатинский областной прокурор, в воспоминаниях “Приятель Ф.М.Достоевского Валиханов”, очевидно, с передачи казахского учено-путешественника, писал: “он (Абылай - Ж.К.) их герой и, они и в мое время, нападая на неприятеля, кричали “Аблай, Аблай!”[34].

При жизни, причисленный к лику святых, Абылай в памяти народа оставался легендарным, являясь олицетворением единства, целостности многострадальной земли. И в последующие годы прямые потомки хана, разворачивая борьбу прежде всего против угрожающих масштабов насильственного отчуждения основного богатства номадов – земли, целостность которой де-факто, обращали внимание царского двора на пагубность для номадов подобных военно-колониальных акций.

Правнук хана – знаменитый “мятежник” Кенесары Касымов в одном из обращений Николаю I добивался прекращения захвата казахских земель и расширения плацдарма для заселения ее казачье-крестьянским контингентом: “Имея счастье Вашему величеству изъяснить следующее: что во времена царствования предков Ваших, а у нас деда моего Аблая, существовала в народе тишина и спокойствие и не была никем нарушена, в последствии времени последовало иначе...”[35].

Хан не был противником соседней России. Ни в политике, ни в нововведениях по управлению своим владением, ни в отношении двоеданства не содержалось антирусских мотивов. Политика продолжения равномерной позиции в отношении двух империй была вызвана, с одной стороны, спешным возведением в северо-западных районах со стороны Оренбурга целой серии военно-опорных баз, с другой – создание в непосредственной близости со Средним жузом имперского наместничества – Синьцзян. В такой ситуации подобная позиция была единственно разумной, альтернативы которой не было; это явилось оправданным шагом. Реализация такого подхода потребовала от хана выдающихся качеств, стойкости, искусства лавирования, прозорливости.

При жизни его характеризовали великой личностью и не только потому, что он был собирателем и объединителем раздробленных жузов. Пожалуй, в истории системы управления казахским ханством Абылай явился третьим за всю многовековую историю ханства, кому поистине удалось обеспечить безопасность всей территории – Касым хану, Тауке бахадур хану, правда, они не испытывали сильного давления одновременно двух мощных империй, как это было во времена правления Абылая. Сила его власти заключалась в решительной поддержке своей позиции почти всеми социальными категориями. Он, как выразитель чаяний широких слоев “черной кости”, сумел заручиться их согласием и поддержкой в оберегании интересов нации.

Со времени кончины Абылая прошло более чем два столетия. Казахстан повидал немало политических деятелей: одни ушли из жизни вовсе, не оставив следа в истории, другие едва остались заметными фигурами; третьи настолько утвердились в памяти народной, что история казахского народа без таких личностей, как Абылай, Кенесары остается явно обезличенной; без детализации жизни и периода правления Абылая процесс развития целого народа кажется бледным, однобоким, ибо он вошел в этот мир как самая яркая личность в многовековой эпопее народа, как правитель, ставящий народные интересы выше клановых нужд.

Великий хан перед смертью, собрав в свою юрту верных соратников, визиров (уазирь), ведавших различными ведомствами страны, в присутствии представителей трех этнополитических объединений, завещал беречь единство народа как зеницу ока, во имя будущих поколений обеспечить сохранение консолидирующих основ государственности:

*Сіздер де бір адамға ерік беріп,
Тұрыңыз әрне десе қабыл көріп,
Осындай ынтымақпен тұрсаңыздар,
Еш дұшпан жеңе алмайды сыр ттан келіп.*

НУРМУХАМЕД-АЛИ БАХАДУР ХАН (НУРАЛЫ) НА ХИВИНСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Многие годы имя Нурмухамед-Али хана в летописи Казахстана не имело того значения, которое он приобрел как самостоятельный степной властелин Младшего жуза. После чрезвычайно бурной жизни и трагической гибели знаменитого Абулхаира биография и деятельность шести сыновей Нуралы, Ералы, Кожамета, Айшуака, Шынгыса, Адила для современников и последующих поколений казались малозначительными. При описании политической жизни Младшего жуза русские авторы XVIII-XIX вв., а также историки советской эпохи как-то старательно обходили их жизнеописание, переходя к изложению дипломатического искусства султана Каратая, казахских ханов Жангира, отчасти - Арынгазы, Шергазы.

Тем не менее, изучение разнородных письменных, в т.ч. архивных источников о старшем сыне знаменитого Абулхаира — Нуралы хане, ставшего его преемником, в корне меняет то старое однобокое представление о нем, как о будто бы марионетке в руках оренбургских губернаторов, при котором, дескать, институт ханской власти был настолько рыхлым, что уже в конце XVIII в. создались предпосылки для его ликвидации.

Между тем, внимательный анализ, к сожалению, отрывочных сведений о нем, ввод новейших данных об этом правителе, занимавшем ханский трон в течение 47 лет, позволяют раскрыть многие стороны жизни и административного управления Младшим жузом в самые тяжелые годы истории этого этнополитического объединения. Нуралы предстает перед нами со многими замечательными качествами — признанного батыра, искусного, восточного типа дипломата, властного государственного деятеля.

И наша работа, которая впервые представляет Нуралы хана читателям, имеет предназначение ознакомить их с отдельными моментами его государственной деятельности. Полное же жизнеописание мы намерены изложить в отдельной книге, которая будет посвящена его жизни, как жизни выдающейся личности.

И Абулхаир хан и ханша Попай, видимо, с особой благосклонностью отнеслись к первенцу в их семейной жизни. Ибо в тех документах, которые характеризуют многогранную кипучую деятельность знаменитого хана, рядом с ним прежде всего постоянно фигурирует Нурмухамед-Али, которого за подвиги и личное мужество народ окрестил впоследствии Бахадур ханом.

И в переговорах с российской делегацией Абулхаир отводил решающую роль своему старшему сыну, о котором в дневниковых

записях русского дипломата А.И.Тевкелева есть ряд блестящих отзывов. Еще при апогее своей славы хан назначил своего сына управителем Байулынского поколения, состоявшего тогда из двенадцати многолюдных родоподразделений — Адай, Жаппас, Алшын, Байбакты, Берш, Маскар, Тазылар, Шентемир, Алтын, Шихляр, Шеркес, Тана[1].

Поручая своему наследнику важные функции, добившись от Оренбургской администрации после своей кончины посадить на престол именно султана Нуралы, дальновидный хан не без оснований предвидел вытеснение с политической арены своих потомков и заручившись согласием правительства (см. более подробно очерк об Абулхаир хане) избирать, а в случае игнорирования официальными властями роли народного собрания (Курултая) назначить преемником именно Нуралы; мудрый степной властелин прилагал усилия к возвышению Нуралы. Такая позиция вполне соответствовала дальней цели хитрого хана. Посадив правителями соседних владений своих сыновей, прибрать все три жуза к своим рукам. Один из его сыновей — султан Ералы уже управлял Кереевским поколением Среднего жуза, угрожая законному его владельцу Абулмамбет хану, который вскоре в основном из-за интриг Абулхаирова Дома, вынужден был откочевать к Туркестану.

В экстракте комиссии, направленной 31 января 1742 г. в Коллегию иностранных дел о взаимоотношениях с Хивой и каракалпаками, казах Асан Улукулов «при подаче документа» словесно объявил, что большой сын Абулхаир хана Нуралы султан еще в прошлом 1742 г. был выбран «Аральскому народу в ханы». «Ныне, — говорилось в том экстракте, — тот Аральский народ со общего согласия с хивинцами выбрали его в ханы, на место увезенного персидским шахом Юлбарс хана...»[2]. Правда, в этой очень ценной информации одна небольшая неувязка — Жолбарыс хан был казнен Надир шахом еще в 1740 г. [3] и никак не мог оставаться в армии Надир шаха на обратном пути.

Однако международная ситуация в центральной Азии сложилась так, что и среднеазиатским владениям, и казахским правителям становился ясным временный характер шахской оккупации Хивы, дальнейшее продвижение его войск задерживалось разногласиями в его окружении и, конечно, всякая информация о соприкосновении мусульманских стран в районе стратегических интересов России, вызывала острую реакцию ее правительства.

Абулхаир хан, подданный Ее императорского величества, и его сыновья, как последователи казахского правителя должны были прислушиваться к голосу Петербурга, и всякое заигрывание их с

единоверцами в азиатской глубинке попросту порождало нервозность в Коллегии иностранных дел.

23 августа 1741 г. Нуралы обратился с письмом к Оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву с просьбой дать ответ в связи с приглашением его в Хиву занять ханский престол. Расчет был очевиден: с одной стороны, султан, вероятно действуя по научению своего отца, который постепенно охладевал к Оренбургскому начальнику, хотел выяснить позицию “сильной стороны” относительно своего возможного возвышения в неведомом ему далеком Петербургском крае; с другой, не следует исключать факт опасения, даже страха перед Россией, которая в конце 30-х годов продемонстрировала свою решимость в отношении “ослушников”, предав огню и мечу соседнюю Башкирию, свидетелем тех страшных событий был и его венценосный отец. “Приехали из Хивы посланцы, при которых имеются и персидские и зовут меня в Хиву быть ханом. Того ради о сем как вы мне присоветуете, ибо вы обо всех окрестностях больше знать изволите. И так прошу о том без ответу не оставить”, – читаем мы в этом письме.

Как и следовало ожидать, письмо произвело на И.Неплюева удручающее впечатление. Его явно раздражало желание подданного Императорской короны стать во главе одного из узбекских ханств, в смежной с Младшей ордой окраине. 28 августа 1741 г. Оренбургский губернатор с грифом “секретно” составляет спешное донесение в столицу, сообщив о принятых им мерах для предотвращения попыток султана добиться хивинского престола, “... хивинское владение под властью Персидской державы состоит и ежели тако Абулхайр-хану или коему нибудь из детей ево на (хивинском – Ж.К.) ханстве быть, то верность и усердие их к ее императорскому Величеству будет не столь благонадежна, яко тем владением к персидской стороне будут привязаны, следственно, и в поддержании киргиз-кайсацкого народа более затруднений может происходить...”[5]. Опасения по поводу возможного отпадения Абулхайра и его владений от Российской империи и сколачивание антирусского блока были беспочвенны. Да и Надир шах, добивавшийся блестящих успехов в сражениях и многочисленных стычках с узбеками, вовсе не склонен был поманить к себе казахского хана, будучи информированным о его зависимости от России, опасаясь адекватных мер с ее стороны не ради оберегания личности и интересов казахского хана или его так рьяно рвущегося к короне сына, а исходя из глубинных интересов начинавшейся расширяться державы. Небезынтересно ознакомиться со второй частью письма Нуралы: “...а при всем том, хотя и ему, хану, детям ево по состоянию персидского правления не только не полезно, но и живота опасно. Однако ж, иногда шах Надир по своему состоянию да может на время ульстить”[6]. В последнем откровении верный

слуга правительства, выходец из Петрова гнезда – И.И.Неплюев был прав. Шах Надир, очевидно, действительно не собирався посадить во главе завоеванного им владения сына Абулхайр хана, однако в политическом аспекте угроза интересам России явно чувствовалась. Во всяком случае, в мае 1741г. правительство решило проверить разнохарактерные информации о положении в стане Абулхайр хана и о реальности намерений его сына. Записки поручика Оренбургского драгунского полка Димитрия Гладышева – достоверный источник в определении ситуации в Младшем жузе и Хиве.

Отправившись из Оренбурга 5 сентября 1740 г., через 33 дня, 2ноября он достиг кочевий казахского хана, а в Хиву прибыл 7 ноября. Не застав правителя в Орде, следуя далее, он добрался до Хивы, “за версту не доехав до самого города», посланцы Абулхайра “узбеки и сарты” встретили его в соответствии с принятым этикетом, ввели посланника ко дворцу, где восседал знаменитый хан, а при нем Нуралы, “имея в руках своих лук с напряженной стрелой”[8]. Несмотря на все старания Абулхайра, положение старшего сына его в районе Аральского бассейна оставалось неустойчивым – об этом повествует запись поручика: скоро между сторонниками и противниками Нуралы по поводу официального признания его ханом в этом беспокойном регионе произошли “баталии”. “Однако, – пишет Д.Гладышев, – напоследок по окончании оной междуусобной ссоры все аральцы согласно реченого Нуралы султана приняли себе действительного хана, который там и остался”[8]; более того поручик, ссылаясь на приехавшего в Самару казаха Байбеке, сообщает о желании всех «трухменцев» «прийти под владение помянутого аральского Нуралы хана»[9].

Однако о ханстве Нуралы в Хиве есть ряд противоречивых мнений, касающихся времени правления султана как полноправного правителя. В одном из сообщений, скорее всего относящемся к 1741г., говорится о доставлении Атук-инаком, Сайитид-Али-бий, Хоразбеком Нурали “с собой и поднятии его в Кяте ханом и о походе на Хивак”. Им оказали вооруженную поддержку жители города Кахраман; персияне и Тахир хан (Мухаммед Тахир хан, ставленник Надир шаха в Хиве – Ж.К.), несмотря на сопротивление, в течение трех месяцев были повержены, Нуралы воссел на трон[10]. Тот же источник подтверждает факт вознесения казахского султана владельцем крупного узбекского города Хорезма еще в 1740г.[11].

А в сентябре 1742г. “напоследок” хан с гордостью рассказывал своей свите, что Нуралы занимал ханский трон в Хиве, а потом сожалел, что его “да Персидский шах из Хивы выслал»[12]. По уточненным данным Нуралы вернулся из Хивы в сентябре 1742г. и

намеревался, собравшись силою "иттить на Хиву", чтобы возвратить столь заманчивый для него престол. Это подтверждает и письмо султана своему отцу "... как месяц март народится, то он по собрании войска намерен ехать в Хиву и оставленного там от персидского шаха хана убить до смерти..." Хитрый хан, незамедлительно отвечая, советовал незадачливому претенденту воздержаться от убийства его, но прислал бы живого к нему, для отправления его генерал-лейтенанту князю Урусову... [13].

Внезапная трагическая смерть Абулхайр хана всколыхнула всю степь; дети хана потеряли отца, большинство народа своего правителя. Чиновники российского управления по-разному восприняли это сообщение. Попай ханша, как первая жена (Байбише) почившего хана, умная, дальновидная, ясно представляла себе возможный ход событий в Младшем жузе. Она была свидетелем бурных событий своей эпохи, видела взлеты и падения своего верного друга, была в хороших отношениях с И.И. Неплюевым, в какой-то мере рассчитывала на благосклонное отношение А. Тевкелева, о чем говорят многочисленные письма ее, на тридцать два года пережившей хана, прожившей более чем 100 лет[14].

Первое время внезапная информация парализовала ханский дом. Попай ханша, на которую обратились взоры сторонников, при всех достоинствах не могла активно вмешаться в дело борьбы за ханский престол. Как женщина, теперь уже как вдова, она могла сколотить единый лагерь для поддержки законного наследника Нуралы султана; к тому же, по традиции, ханское престолонаследие оставалось выборным, и в борьбу мог вступить старший сын; окружению бывшего хана следовало бы выяснить позицию Оренбургской администрации, которой было далеко не безразлично, кто займет пустующий ханский престол. Исследователь Л. Мейер, рассматривая положение, сложившееся в Младшем жузе после гибели Абулхайра, приписывает И. Неплюеву нерешительность[15], позволившую ханскому окружению сохранить бразды правления в руках его близких. Да и в объяснении традиций престолонаследия по чингизидской линии Л. Мейер также допустил неточность, утверждая, что "по частному праву народного обычая казахов это достоинство должно перейти к братьям умершего, а не к сыновьям"[16]. По закону "Жеты жаргы", со времени правления хана Тауке в Казахстане вошла в обычай традиция, в соответствии с которой прямым наследником умершего считался старший сын. Не совсем прав был Л. Мейер в другом своем рассуждении, что заслуга в избрании султана Нуралы принадлежала чиновнику, направленному в орду И. Неплюевым[17].

Боязнь перед возможным вмешательством Оренбургского губернатора на предмет выбора нового хана побудила видных

казахских биев, старшин с согласия Попай ханши, поспешить объявить новым властелином Младшего жуза султана Нуралы. Трудно определить дату народного собрания по выбору наследника Абулхайр хана. Представляется доказанным, что это случилось не позднее сентября 1748 г., ибо обращение Попай ханши, самого Нуралы к императрице Елизавете Петровне об утверждении в новом достоинстве обозначено 5 октября 1748 г.: "... дети мои — Нуралы, Ходжахмет, Адиль и Чингиз — все в послушании моем, а Айчувак султан в улусах Вашего (в аманатах — Ж. К.) в Оренбурге находится. И хотя народ наш одного сына моего Нуралы салтана в ханы выбрали, того ради Вашего императорского величества Всеподданнейше прошу оному сыну моему Нуралы салтану в место отца его Абулхайр хана главным и настоящим ханом быть повелеть, и на то ево ханство наградить его Вашего и высочайшего за золотую печатью грамотою"[18].

Обращение исходило из договорных обязательств, которое брал на себя Абулхайр хан еще в октябре 1731 г. и потомки его, в данном случае Нуралы султан, придерживаясь юридической силы того основополагающего документа, понимая весомость фактического решения народного собрания, тем не менее обращался к русской императрице, как к верховному сюзерену. Как мы заметили, ханша Попай в обращении к дочери Петра Великого называет своего сына, ныне правителя Младшего жуза Нуралы, Главным ханом, лелея надежду на конфирмацию его правительницей России в том качестве. Может быть, случайное совпадение, так или иначе и письмо самого хана Нуралы в Петербурге также датировано 5 октября 1748 г.: "... родитель мой Абулхайр хан от сего света отошел, а на место ево в Средней и Меньшей орде верноподданные народы соединився воедино согласие, меня в ханы выбрали. Всемиловитейшая государыня, прошу Вашего императорского величества на сие мое всеподданнейшее доношение милостивую резолюцию учинить[19].

Известен факт распространения власти Абулхайра на смежные районы Среднего жуза, хотя многие родоподразделения его, в т.ч. влиятельные султаны, с тревогой наблюдали за непредсказуемыми действиями беспокойного хана. Очевидно, с самого начала воспользоваться отцовским наследием, действуя согласно принципу — проси больше, меньше дадут, Нуралы, опираясь на поддержку своей матери, называвшей его Главным ханом, рассчитывал расширить сферу своего влияния.

Как ни странно, 5 октября 1748 г на имя Елизаветы Петровны было отправлено и письмо биев, батыров Младшего и Среднего жузов (всего 35 подписей) с тем же назначением — с просьбой об утверждении Нуралы ханом орд. «Хотя мы его, Нуралы салтана, по своему обыкновению в ханы и выбрали, такмо без особенного

Вашего императорского высочайшего указа главным ханом учинить мы уже не в состоянии. Того ради Вашего императорского величества всеподданнейше просим дабы высочайшим Вашим указом повелено было оному Нуралы салтану на место отца его, Абулхаир хана, быть главным ханом ... милостивую резолюцию учинить ... Далее печать известного батыра Жанибека, еще 11 июля в 1743 г. удостоенного звания “первого тархана”, и других биев и старших двух орд[20].

Итак, одновременное обращение уже избранного хана, его матери, влиятельных деятелей двух этнополитических объединений ускорили подтверждение императрицей их просьб, в этом немаловажной была решительная позиция того же Жанибека батыра, одного из соратников Абулхаира в борьбе против ойратских нашествий. Последний к тому же находился с первым тарханом в близких родственных отношениях[21].

Так или иначе, 26 февраля была подписана “жалованная грамота” императрицы хану Нуралы, извещавшая об его утверждении ханом только Младшего жуза. Честолюбивым замыслом старшего сына Абулхаира не суждено было сбыться. Да и мог ли состояться факт утверждения Нуралы правителем двух соседних орд в условиях, когда слава знаменитого Абылая в Среднем жузе затмевала власть законного, но “тишайшего” государя Абулмамбета, все более и более отодвигавшегося на второй план перед чрезвычайно энергичной, грозной фигурой Абылая. Да и утверждение одного правителя над двумя ордами не входило в политические расчеты умной императрицы, которая, продолжая политику Анны Иоанновны, противопоставляла “туземных” правителей. Вот текст указа, подписанного 26 февраля в Москве: “...ево Нуралы салтана выше писанное киргиз-кайсацкое избрание всемилостивейше подтверждаем... в киргиз-кайсацкие ханы учреждаем...”. Но, вместе с тем, московский указ императрицы содержал ряд положений, обязывавших Нуралы, как подданного империи, выполнять те обязанности, которые были оговорены казахско-российскими документами, подписанными Абулхаиром в 1731, 1734, 1738 г.г., ”... будучи в такой надежде, что он, Нуралы хан, в сем пожалованном достоинстве так верно приметно нам, великой государыне ... служить и по всем по указам нашим поступать и исполнять будет как-то верному подданному благопристойно есть и надлежить...” [22].

Однако в фонде Центрального Государственного архива Республики Казахстан хранится детальное описание “Жалованной грамоты” Нуралы султану несколько иного содержания. И выявление этого редкого материала было связано с именем внука Нуралы Жангира Бокеева, который за несколько месяцев до своей кончины, будучи полновластным правителем Внутренней Орды,

генерал-майором, обнаружил в делах Оренбургской пограничной комиссии “Жалованную грамоту” своего деда и, как законный наследник давно умершего хана, потребовал выдать ему грамоту как “редкостный документ семейной реликвии”.

14 мая 1845 г. секретарь пограничной комиссии (фамилию не разобрать — Ж.К.) обратился к архивариусу Ершакову “навести вернейшую справку по какому случаю хранится в делах комиссии Жалованная грамота на ханство “в Малой Орде деда генерал-майора ... отколь она прислана в комиссию. Нет ли каких-либо представлений общеходатайствования оной и не было ли выдаваемо в оной копии кому-нибудь, где и когда, как объявлено об оном Нуралы”[23].

В результате кропотливого поиска архивариуса выяснено следующее: не удалось установить каноны поступления сей грамоты в архив Пограничной комиссии; не было «выдаваемо» никому и копии документа; выяснилась очень важная деталь — грамота была вручена не в Петербурге, а в Оренбурге бывшим военным губернатором, Тайным советником И.И. Неплюевым в июне 1749 г.[24].

В том году Ивану Ивановичу Неплюеву исполнилось 53 года. Неплюев прожил довольно долгую жизнь — 80 лет; будучи первым Оренбургским губернатором немало вредил интересам казахского хана. Являясь сторонником силового давления на него, с каждым годом урезывал и без того ограниченные функции правителя Младшей Орды. Но при утверждении ханом, Нуралы держал твердую позицию, о чем он подробно зафиксировал в своем “журнале”. Сменивший графа В.А. Перовского на посту, В.А. Обручев, генерал от инфантерии, который к тому же близко знал Жангира Бокеева, живо заинтересовался судьбой “Жалованной грамоты”, и 31 июля 1845 г. обратился в пограничную комиссию с просьбой доставить ему на рассмотрение подлинник грамоты, выяснив при этом в делах пограничной комиссии: не имеется ли в них сведений, “могущих служить поводом к заключению, что помянутая грамота по какому-либо случаю была ли от Нуралы отобрана?”[25].

10 августа, буквально за несколько дней до преждевременной смерти Жангира, в распоряжение В.А. Обручева поступила справка, подтверждавшая факт отсутствия в ее делах доказательств об “отобрании грамоты у Нуралы”[26].

Вскоре от апоплексического удара, относительно молодым скончался хан Внутренней Орды — Жангир. Однако переписка о том, каким образом подлинник грамоты оказался в Оренбурге, продолжалась. В.А. Обручев обратился с запросом в Азиатский Департамент Министерства иностранных дел. Основанием к его беспокойству послужило желание Жангира (еще в июне 1845г.)

получить в свои руки “для хранения с прочими родовыми документами грамоты “на ханское достоинство” Нуралы хана[27]. Вскоре был получен ответ из Министерства иностранных дел: действительный тайный советник граф Воронцов-Дашков “счел нужным известить” Оренбургского губернатора, что “при тщательном разыскании в архиве министерства не открыто следов, каким образом обозначенная грамота поступила в пограничную комиссию, принимая во внимание известие о смерти Жангира Бокеева”[28].

Благодаря усилиям Жангира мы имеем возможность ознакомиться с описанием подлинника “Жалованной грамоты” хана Нуралы. Дело в том, что все царские грамоты или их описания, хранящиеся в фондах прежде всего Архива внешней политики Российской империи (это касается и грамот, врученных Абулхаиру и Абылаю), представлены в копиях, оригиналы, видимо, хранятся где-то в бумагах Министерства иностранных дел. И потому представляется весьма привлекательным ознакомить читателей с описанием грамоты Нуралы 10 августа 1845 г., представленной на рассмотрение В.А. Обручева: написана она на пергаменте; на татарском диалекте, в золотой раме, наверху которой венеч императрицы Елизаветы; внизу, посередине рамы, разные украшения.

Оригинал, видимо, составлен на основе арабской графики (как и, между прочим, грамота Абылай хана) «Божиею милостью мы, Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государевна Елисавета первая императрица и самодержица Всероссийская ... (далее перечисление титулов) ...объявляем через сие всем нашим подданным” приводится без сокращения, с соблюдением правил правописания той эпохи, дабы не исказить колорит письмоводителей канцелярии Коллегии иностранных дел: “По смерти подданного нашего хана Абулхаира киргис-кайсацкие султаны, бии и старейшины и народ, избрав на место его в ханы старшего сына его Нуралия подданнической их должности всемилостивейше просили нас, Великую государыню, наше императорское величество о подтверждении их избрания; Наше же высочайшее соизволение было содержать в нашей милости киргис-кайсацкий народ как нашего подданного нашего хана Абулхаира и добрые поступки султана Нуралия, Всемилоствейше подтверждаем избрание означенных киргис-кайсаков и утверждаем его сим Высочайшим указом нашим в ханском достоинстве в той уверенности, что он Нурали хан о сем Всемилоствейшем достоинстве, так прилично и верно нашему Императорскому величеству во всем рачительно поступать будет как надлежать и следует поступать каждому из верноподданных и за содержание подданного нашего киргис-кайсацкого народа по их обыкновениям

и нравам в правосудии и спокойствии, может надеяться заблаговременным Высочайшим Императорским благоговением. В свидетельстве чего дан сей наш императорский Высочайший указ за нашу государственную печатью. Месяца рабигул – авваля 20 дня 1162 год – 26 февраля 1749 г. перевел младший переводчик Батыршин”[29].

Таков полный текст указа императрицы, подтвердивший решение народного собрания: к тому же это был первый случай, когда после принятия подданства России казахский хан, избранный по всем правилам чингизидской традиции, учитывая все более усиливающееся давление Оренбургской администрации, вынужден был обратить свои взоры к Петербургу, чтобы заручиться поддержкой единовластной правительницы. Тому побуждало Нуралы и его приверженцев сообщение об одновременном избрании сына Кайып хана Батыр султана вторым ханом Младшего жуза. Влиятельные роды Шомекей-Балинцы, Шекты-Кишкенеуцы, Торткара, Карасакальцы, отвернувшись от Абулхаирова потомства, избрав ханом Батыра султана, продемонстрировали оппозиционное отношение к политике Абулхаира, которая могла бы иметь продолжение при его старшем сыне. К тому же влияние потомков хана Кайыпа, в данном случае Батыра, усиливалось более древним аристократическим их происхождением, чем отпрыски Абулхаира. Так или иначе, обращение Нуралы и его ханской группировки, помимо ряда обстоятельств, было продиктовано желанием продемонстрировать перед Петербургом законность в соблюдении преемственности чингизидской иерархии в Младшем жузе и как-то опередить партию султана Батыра, отец которого длительное время враждовал с Абулхаиром; в этом варианте речь шла о продолжении противоборства двух феодальных групп, противостояние которых шло с давних времен.

Итак, Нуралы стал официально признанным вождем Младшего жуза, а султана Батыра русское правительство попросту игнорировало. Юридическое признание предполагало фактическую передачу в руки Нуралы реальных атрибутов власти. Вся эта процедура должна была произойти в Оренбурге. Весьма интересными представляются подробности того, как в губернском центре принимали новоиспеченного хана. Детали этих событий описаны в журнале тайного советника И.И. Неплюева. Официальное название документа – «Выписка из журнала действительного тайного советника Неплюева, каким образом в 1749г. в Киргис Кайсацкой орде хан Нуралы подтвержден был в сем звании публичным обрядом[30]. Прежде всего речь шла о доставлении из своей ставки Нуралы султана, для чего в степь был прикомандирован подполковник Кудрявцев с экипажем с шестью лошадьми советника, при котором были два верховых

лакея, с ним же еще 24 человека, с одним прапорщиком, 27 казаков во главе с сотником также должны были обеспечить сопровождение хана[31].

Прибывший в аул хана подполковник, поздравив его со столь высоким возвышением, “просил в лагерь к тайному советнику” и выразил готовность “препроводить его с подобающей ему честью”. Между тем, раскусив суть явного благосклонного отношения к своей персоне, Нуралы распорядился султанам и старшинам “убираться (собираться – Ж.К.) к выезду, немного посидев, вышел и сел в коляску вместе с Кудрявцевым, в которой напротив располагался переводчик Гуляев; братья его, «протчие салтаны и старшины» как и все остальные ехали верхом, что все это “чинилось” в 12 часов полуночи [32], их сопровождали “подлые киргис-кайсаки” около пятисот человек, как затем по прибытии рассказывали И.Неплюеву, казахи были сильно возбуждены и скакали “возле самой коляски”. В окружении молодого хана создавалось впечатление о возможных замыслах оренбургского губернатора, боязнь, что по неопытности и неосторожности он мог бы оказаться в заранее расставленной ловушке или быть похищенным, как поступали часто английские колонисты с индейскими вождями. Однако хан, видя страх у своих новых попутчиков, приказал своим ясаулам (жасаул – вроде телохранитель – Ж.К.) многих отогнать, “почему те подлые люди (черная кость – Ж.К.) по большей части” отстали.

К тому времени губернское начальство готовило пышную встречу Нуралы под командою подполковника Троицкого полка Фрауендорфа, в специально выстроенном по этому случаю параде вытянулись солдаты регулярных пеших троцкого, казакского, шешминского полков, драгун, штаб-офицеров и прочие чины – 1050, нерегулярных конных во главе с атаманом – 400, калмык крещенных и башкирцев – по 100, а всего чинов нерегулярных частей – 611, при 11 пушках. Общее число стянутых для почетного парада в Омск достигло 1674 человека[33].

26 февраля 1749 г., когда ханский экипаж приблизился к парадному строю, штаб и обер-офицеры, а также рядовые отдали честь и барабаны неистово били в поход. И когда он “со своим окружением проехал” и подошел к И. Неплюеву, раздались артиллерийский салют; грохот орудий потряс тихое и чистое небо, поразив воображение кочевников; и при проезде его мимо почетного караула также ему была “отдана честь с барабанным боем”, золотые эполеты офицеров как никогда сверкали перед подавленными кочевниками.

Дальнейшая процедура была продумана также тщательно. Для хана “нарочно” поставили специальную юрту, при подходе к ней его встретил полковник Пальчиков; не успев поприветствовать его,

тут же и обнял своего брата султана Айшуака, находившегося в аманатах в Оренбурге; а у самого порога нарядной кибитки его принял и заключил в свои объятия генерал – майор Штокман, за которым высился сам тайный советник, главноначальствующее лицо в обширном крае.

И.Неплюев, бывший посланник России в Стамбуле, далее губернатор Киева, высокопоставленный дипломат Коллегии иностранных дел, усвоил все тонкости восточных приемов, и на сей раз он был приветлив, любезен, обнялся с Нуралы “по киргизскому обыкновению, и, взяв за руку, ввел его в кибитку свою, где хан произнес свою речь. Затем с ответной речью выступил И.И.Неплюев, объявив в самом начале своего обращения, что он выступает от имени императрицы и главное назначение этого торжества – лично вручить Нуралы “всемилоостивейший патент, также и знаки императрицы публично возложить”. При чем И.Неплюев в конце своего обращения к нему еще раз всенародно приветствовал его как давнего друга и приятеля и энергично поздравил[35].

За официальной частью встреч и вручения грамоты императрицы последовали торжества, приготовленные по этому случаю опытными чиновниками: в 10 метрах от главной кибитки, на берегу Яика, услан был богатый “с золотом” персидский ковер, где уселись в ожидании продолжения приема ханский жасаул, старшины, всего более 100 человек, Неплюев еще раз “объявил о ханском достоинстве и вложил в его руки “особливые знаки высочайшей милости”[36].

Патент подлинный, “парчею обложенный из учиненного на то особливо и красным сукном обитый” в присутствии народа был вынут и зачитан сначала по-русски ассессором П.И. Рычковым, затем Гуляевым – на казахском[37]. Наступал заключительный этап встречи, которая должна была завершиться публичной присягой хана на верность империи. Вот как описывает этот эпизод главный организатор всей этой процедуры И.Неплюев: “После сего хану предписано было о учинении присяги, на что он ответствовал, что он от своего сердца исполнить должен... так стал он на колени к ахуну для того кураном приготовленный вслух в сего народу читал, ему присягу. По окончании которой хан целовал куран и подтвердил, что он содержание ее внятно разумеет и исполнять все усердно желает, и взяв ее в руки вынул имеющуюся у него свою печать и к ней приложил”[38]. Настал волнующий момент: П. И. Рычков и два губернских секретаря надели на хана присланную из Москвы богатую шубу и преподнесли саблю; затем лично от тайного советника султану Нуралы была вручена шапка, которую “он хан тот час надел на голову и после всего происшедшего хану с подчеркнутым вниманием вручили “Реченый патент, который он

поцеловал и на голову поднял”[39]. При последнем акте встречи громко играла музыка с литаврами, раздавался мощный залп из 7 пушек (первый раз из 5), ему последовал беглый ружейный огонь из ружей. В четырех больших палатах были расставлены для гостей и знатных горожан 8 столов; в четырех же больших обедал хан и его окружение[40].

После каждого тоста именитых гостей и отобранных для этого лиц, прозвучали тосты разных достоинств: за его императорское величество залп из 39 пушек; за казахского хана со всей “его фамилией и подчиненное ему кайсацкий народ и благополучного его правления” – залп из 35 пушек; за здоровье тайного советника “выпалено” из 5 пушек, за генерала фон Штокмана, обер-офицеров, командиров частей – такой же залп и т.п. “Подлые люди и кощеи при лошадях” угощались в особом лагере “как пищею, так и питьем; татары, хивинцы, бухарцы, кашгарцы, и прочие купцы” также были “довольствованы”[41], но на некотором расстоянии от чингизидов и избранного общества.

Хотя процедура вручения Нуралы атрибутов ханской власти была обставлена небывалой для кочевников пышностью и были продуманы мельчайшие ее детали, правительство не ослабляло негласный надзор над его деятельностью.

Нуралы являлся первым казахским ханом, получившим юридическое подтверждение от русской государыни. 2 мая 1749 г. Елизавета Петровна специальным указом предписывала первому Оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву строго контролировать замену аманатов – ханских братьев, содержавшихся в Оренбурге. “Когда ханша Попай или ее сын Нуралы хан захочет по учиненному с бригадиром Тевкелевым постановлению содержащегося ныне в аманатах брата своего Айчувак (Айшуак – Ж.К.) салтана переменить родным же братом Адиль салтана, а старшинских детей другими старшинскими же детьми, и Вам при той перемене поступить таким образом, дабы оные с бригадиром Тевкелевым постановлении нарушены не были ...” [42].

В момент избрания Нуралы ханом его кочевье находилось при урочище Ак-Кириш тау (Белоглинная гора), в расстоянии однодневной езды от реки Эмбы (Жем). К этому времени из Петербурга вернулась депутация во главе с Жанибек батыром, который, выступая “на своем языке” у Елизаветы Петровны, подтвердив информацию “о кончине раба императорского величества”, беседовал с канцлером, графом А.П. Бестужевым-Рюминым[43]. Главным назначением дипломатической миссии знаменитого Жанибек батыра, прославленного героя борьбы с ойратами, явилось подтверждение факта смерти российского подданного Абулхаира.

Как близкий родственник умершего хана Жанибек решительно стал на сторону нового хана, обеспечив поддержку пока что не окрепшей его позиции влиятельными старшинами и батырами. 1 июля 1794 г. И.И. Неплюев в беседе с Жанибеком настойчиво допытывался “о Батыр салтане, как ныне он находитца, которые ево придерживаются”. Присутствующий при этом Нуралы, очевидно, добивался осуждения сепаратистской позиции мятежного султана. «...Батыр султан прежде был добрый человек, только по смерти Абулхаир хана не только от фамилии его отстал и недобросостоятельным быть не устыдился...” [44] – говорил Жанибек. Однако он был стар, вскоре скончался и Нуралы стал добиваться от И. Неплюева присвоения звания тархана известному в Младшем жузе бию Кашкину[45]. В своем письме от 16 июля 1794 г. И.И. Неплюеву он охарактеризовал своего протеже “человеком надежным добросостоятельным, послушным рабом, усердным радетельным к службе”[46].

Согласно древней традиции при избрании казахских ханов присутствовали представители всех трех жузов. И на сей раз этот обычай был соблюден. Только из Среднего жуза прибыла делегация во главе с Богенбай батыром до 200 человек, для которых “разостлан был ковер с золотом”[47]. По завершении пышных празднеств, юридического и фактического признания его полномочий большей частью Младшего жуза 9 августа, т.е. через месяц после его коронации, Нуралы хан отправил на имя Елизаветы Петровны приветственное послание. Оно состоит из трех пунктов – в первом хан изъявляет свою благодарность за “произведение его на ханство”[48]; во втором выражает надежду на сохранение высочайшей милости, которой он был “удовольствован” И.И. Неплюевым; в следующем выражает “истинное усердие реченному господину и кавалеру” И. Неплюеву[49].

В прежние годы яблоком раздора между Абулхаиром и Петербургом являлся вопрос об освобождении русских пленных, находившихся в казахских аулах. В связи с этим заключительная часть письма хана содержала готовность освободить имеющихся в орде пленников «... народу объявил, который выслушал (меня – Ж.К.), во всем просил оной исполнять обещались, в чем я верноподданической моей императорскому величеству, по возможности их приводить буду”[50].

Прошло некоторое время, ему, однако, не удалось сплотить вокруг себя ядро Младшего жуза. По закону кровной мести, которого строго придерживались степные обитатели, не взирая на социальное происхождение или наличие богатств, Нуралы как правитель, облеченный доверием значительной части своих соплеменников и русской администрации, не очень-то торопился совершить степное вендетто за смерть своего родителя: тем

временем султан Барак и его последователи спокойно кочевали на стыке Младшей и Средней орд.

Дело в том, что в 1749 г., вскоре после смерти своего отца Нуралы отправил письмо к ойратскому хану, в котором изложил свое намерение, по возможности, реализовать планы Абулхаира иметь знатного калмыка зятем и, “представляя себя к дружбе с ним, просил об убийстве или поимке”[51] Барак султана. Теперь ситуация изменилась — ослабленная Джунгария желала себе новых союзников.

Весной 1750 г. новый контайши Цеван-Доржи, выискивая расположение казахского владетеля и его окружения, направил ему послание следующего содержания: “Отец мой Галдан-Цэрен при кончине жизни своей своему самому меньшему брату Аджану ханство и вручил было... но и недобропорядочный своими поступками всякие им вреды чинил...” [52].

Информируя недавнего своего противника, новый ойратский хан, скрывая жуткие последствия кровавой грызни за ханский трон, последовавшей после смерти выдающегося полководца Галдан-Цэрена и насильственного отстранения своего предшественника, заискивал перед Нуралы, тщетно предлагая свое расположение. “...за такие ево народу нашему недобрые поступки, — писал далее новый правитель ойратов, — по всенародному согласию присоветовал выколоть у него глаза и отослал к сартам. А потом уже на место его, по желанию народу нашего, удостоили меня Лабодоржи определить ханом и я с вами желаю так дружески обходиться, как прежде отец мой Галдан-Цэрен обходился”[53]. Вскоре скончалась дочь Абулхаира, и вопрос о сближении Джунгарии с Младшим жузом посредством брачных уз отпал сам по себе, пощадив репутацию Нуралы, раздраженного странной, как ему показалось, возней Барак султана с ойратами. Безвременная кончина дочери Абулхаира развязала руки казахскому хану, и он мог спокойно выработать собственную позицию в отношении происходивших в Джунгарии событий. Ойраты вступили в полосу продолжительной междуусобицы и более не представляли потенциальную угрозу для казахских жузов, тем более для Младшего жуза, отделенного от Джунгарии дальним расстоянием. И только после оговорки ряда дипломатических и других мер новый хан мог спокойно продолжить выполнение своих основных функций, определенных в Степном уложении “Жеты жаргы”.

Слишком тяжелое бремя легло на плечи преемника Абулхаира, этого “великого интригана”, как охарактеризовал последнего И.И.Неплюев. Нуралы, с малых лет принимавший самое деятельное участие в делах неумолимого отца, проявивший себя как старательный исполнитель отцовских поручений, теперь был подавлен непосильным грузом, свалившимся на его плечи.

Своеобразие кочевой жизни, когда осуществление повседневных функций хана было сопряжено с постоянной междуусобицей, усугубляло его деятельность по управлению ордою и создавало у правительства несколько беглое впечатление о нем, как о пассивном правителе.

Энергичная Попай ханша, в начале 50-х годов еще довольно бойкая, заметная в Орде личность, оберегала своих детей; прежде всего она окружила неослабным вниманием и заботой своего первенца, только что возведенного на трон. 7 июля 1750 г. инженер подпоручик И. Ригельман записал в своем журнале: “... собравшись в кибитку, Попай ханша, Нуралы хан с братом своим Эралием салтаном ночью трое секретно разговаривали и все, заплавав, говорили с сожалением, что мы де после смерти Абулхаир хана яко зайцы по разным островом разбитца можем, понеже киргизцы нас не слушают”[55]. Ханша, как старшая жена покойного Абулхаира, имея здравствующих шестерых сыновей, проявляла беспокойство за то, что им не удалось осуществить кровную месть. А знаменитый убийца, ничуть не страшась за свои злодеяния, откочевал в джунгарские границы, бросая вызов Нуралы хану. И только Попай неустанно отправляла письма, прошения на имя И. Неплюева и временно отошедшего от дел А. Тевкелева, умоляя быть защитниками достоинства Дома Абулхаирова, оказав содействие в преследовании наглого убийцы — Барака, сына Турсын хана, родного брата Кушук хана, также отошедшего в иной мир. К тому же суд биев, под властью которого султан Барак отдал себя, оправдал его, но вскоре убийца и его дети умерли: в степи распространился слух, что Барак и его близкие богом наказаны за кощунство и страшное преступление, обагрив руки кровью своего сюзерена.

В своей ставке Нуралы ожидала другая неприятность - вскоре после его возвращения из Оренбурга, из Джунгарии прибыли послы требовать сестру его, которую Абулхаир просватал за ойратского хана за предложенный кун. Будущее сватовство ойратского правителя Цеван-Доржи, известного казахам под именем Аджан хан, не соответствовало стратегическим интересам Российской империи. Предполагаемый брачный союз сестры Нуралы с молодым правителем Джунгарии мог бы внести существенные изменения в международные отношения Центральной Азии. Возможно, Петербургский двор опасался вероятного отхода Нуралы от российской ориентации. В случае подобного развития событий Россия теряла традиционное свое влияние в регионе, которое она с большими издержками накапливала со времени Петра Великого, рассматривавшего казахские земли как ключ и врата к внутренней Азии. Этим следует объяснить посылки в Младший жуз переводчика Я. Гуляева (его имя в документах обозначено по разному -- Яков, Емангул, Юмагул, Юмангул, Якуп - Жакып и

т.п.) и старшины Кобека с тайной инструкцией расстроить сватовство дочери Абулхаира с Цеваном-Доржи[56]. Однако, как мы выше отметили, внезапная смерть сестры Нуралы избавила его от вероятных неприятностей; другая дочь Абулхаира, которая также “была сговорена” за молодого Бухарского хана, вдруг отошла в иной мир; у погибшего хана было “еще несколько возрастных дочерей”. Этот факт не был известен Оренбургскому губернатору.

Нуралы был озабочен теперь затягиванием строительства надмогильного сооружения своему отцу, в котором живой интерес проявил И.И.Неплюев, по его указанию велено было сочинить план гробницы. Позднее, в ноябре 1749г., было решено отправить в степь “нарочного офицера с геодезистом”, чтобы выбрать место для строительства астаны – старинного каменного здания пирамидальной формы. По свидетельству П.И.Рычкова “при оных астана знатные киргизы имели свои кладбища”[57]. В рапорте И.И.Неплюева в Коллегию иностранных дел от 23 ноября 1749 г. было записано: ... в самом деле если ко оному строению найдется там удобное место, то признано не за излишнее построить точно по их (сыновей Абулхаира – Ж.К.) желанию гробницу и некоторые каменные строения... [58].

Ханша Попай, многие султаны укоряли нового хана за то, что он затягивает сооружение надмогильника отцу; к тому же место, где Абулхаир был погребен «аки за святого у них (казахов – Ж.К.) признавалось и разные чудеса над могилою быть разглашают[59].

7 июня 1750 г. инженер-подпоручик И.Ригельман и переводчик Ж. Гуляев донесли в Оренбургскую губернскую канцелярию содержание беседы с вдовой Абулхаира. В случае нежелательного затягивания строительства астаны покойному мужу она грозила, взяв останки его, податься в Туркестан. «... для лучшего своего покоя и опасения, взяв с собой кости мужа, уехать в Туркестан и жить там до окончания своей жизни[60], – выражала свое негодование ханша, которая по неподтвержденным данным собиралась выйти замуж за Досалы султана, двоюродного брата Нуралы, в 1749 г. присягнувшего на подданство России, позднее управлявшего крупными родоподразделениями – Табын, Тама[61].

Это вполне согласовывалось с брачной традицией казахов. В соответствии с нею, супруга умершего, невзирая на возрастное различие, выходила замуж за одного из братьев скончавшегося. Правда, противоречивость документов затрудняет установить достоверность приведенной информации или ее опровергнуть. Архивные источники позволяют обозначить дату кончины ханши Попай – 31 мая 1780 г., в возрасте более чем 100 лет. Об этом, в частности, 30 июня 1780 г. сообщил сам Нуралы хан Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу[62].

Итак, Нуралы, облеченный доверием русской администрации и большей части чингизидов Младшего жуза, сосредоточил в своих руках огромную власть. Однако условия развития Младшего жуза складывались таким образом, что он с самого начала своего правления вынужден был ориентироваться на Петербург или Оренбург, что наложило отпечаток на тактику его деятельности относительно выбора путей для достижения своих целей. Имея в лице Батыр султана фактического соправителя, он строил свою политику так, чтобы как-то высвободиться из-под опеки России, рассчитывая на мощный клан Дома Абулхаирова, который, увы, с 70-х годов XVIII в. распался на мелкие группы и не представлял собою монолитную группу. Вследствие хитроумных тактических действий Оренбургских губернаторов И.И. Неплюева, в особенности барона Отто Игельстрома, впоследствии А.Пеутлинга, казахский хан испытывал постоянное давление Российских административных структур, постепенное внедрение функции которых вытесняло традиционную роль института ханской власти. Первоначальная же поддержка Нуралы ханом «императора Петра III « В Южном Урале, в смежных с Младшим жузом районах, явилась пробуждением его надежд избавиться от все более расширившихся военно-колониальных действий казахских формирований, собственных недругов из числа чингизидов и влиятельной старшинской группировки. И когда восстание пошло на убыль, хитрый хан, прикочевав ближе к Яицким городам и опорным пунктам царизма, старался обелить себя в глазах русской императрицы, внимательно через своих сатрапов следившей за его деятельностью[63].

Объективно ослабляло власть Нур Мухаммед Али бахадур хана и движение под предводительством батыра Сырыма Датова. Начавшись как антиколониальное восстание, пройдя несколько сложных этапов, народное движение действительно на некоторое время приостановило дальнейшее расширение экспроприации земельного фонда кочевников. Однако Сырым, не совсем вникая в суть административной политики О.А. Игельстрома, по существу, содействовал насильственному смещению законного повелителя Младшего жуза, превратив его в политического изгнанника. “Плут и злодей”[64] Сырым, так охарактеризован батыр почти во всех обращениях, письмах опального Нуралы к императрице, оренбургским администраторам, по существу, хотел этого или нет, погубил традиционную ханскую власть, ханское управление и жизнь самого властелина Младшего жуза, оказавшись слепым орудием в руках хитрой императрицы, по настойчивому требованию которой тот был освобожден из плена султана Ералы[65].

Нуралы, отстраненный от управления Младшим жузом, 47 лет управлял своим владением, больше чем кто-либо из чингизидов со

времени “потрясателя вселенной” — Чингисхана; 6 июня особым рескриптом он был отстранен и сослан в Уфу, где и скончался в 1790 г., проклиная царских душегубов.

Увы, отечественная историческая наука не сказала своего слова об этом стойком правителе, полководце, наряду с Абылаем руководившем сражением с волжскими калмыками в январе 1771 г., которые следовали через казахские степи в разгромленную Цинским Китаем бывшую Джунгарию, о своеобразном дипломате, которому удалось на несколько десятков лет оттянуть существование института ханской власти в западных районах Казахстана, о главе разветвленного семейства, потомки которого еще и в начале XIX в. правили Младшим жузом.

И только однобокий, пресловутый классовый подход к определению роли личности в истории не позволил нам ранее раскрыть многогранную деятельность этого замечательного деятеля своей эпохи.

ХАН НУРАЛЫ И БАТЫР СЫРЫМ

Расширение колониальных захватов в Младшем жузе при сохранении и функционировании основных атрибутов ханской власти, участие кочевого населения прежде всего этого же этнополитического объединения в Пугачевском восстании внесли раздор во взаимоотношения различных социальных категорий. Все более углубляющийся аграрный кризис усиливал внутреннюю оппозицию фамилии Абулхайровых, ослабляя роль ханского окружения. К тому же и в 70-х — начале 80-х годов XVIII в. в Младшем жузе продолжалось открытое противоборство двух ханов — Нуралы в большей части Младшей орды, султана Батыра, сына Кайып хана, в меньшей. Массовое участие казахов в крестьянской войне 1773-1775 годов показало ослабление позиции Нуралы. Оно явилось проявлением сепаратистской тенденции со стороны влиятельных султанов, к примеру, двоюродного брата Нуралы хана Досалы и его последователей.

С правого берега тревожили казахов калмыки, не потерявшие надежду если не сокрушить казахов, то, по крайней мере, значительно ослабить их, опираясь на царскую администрацию, действуя с ведома Яицкого казачьего руководства.

Положение ханской группировки в некоторой степени пришло в рыхлое состояние в связи с тем, что Нуралы и его братья — Айшуак, Ералы, Дусалы ежегодно получали жалованье в Оренбурге [1], так что о полной самостоятельности ханства уже и речи не могло быть.

Административная реорганизация в Южном Урале, согласно которой Оренбургская губерния, открытая еще в 1744 г. при И.И.

Неплюеве, упразднилась, и большая часть Младшего жуза подчинилась Сибирскому и Уфимскому наместничествам. Условия экономической жизни кочевников усложнились и в связи с восстановлением Уральской Пограничной линии, которой надлежало контролировать факты переходов казахов на левобережье Урала и действия родоправителей, оппозиционно настроенных старшин, биев и других из числа казахской аристократии. Следует признать и пагубные последствия фискальной политики самого Нуралы хана, который по своему усмотрению распределял кочевья номадов, облагал население повинностями, непредусмотренными степным законодательством.

В этих условиях на историческую арену выдвинулся батыр, участник Пугачевского движения, степной оратор Сырым Датов, к голосу которого прислушивалась вся степь — от берегов Волги до Аральского моря. Вряд ли правы авторы, обуславливающие причину оппозиции Сырыма хану Нуралы личной неприязнью батыра, ибо этот тезис легко опровергается известным фактом их родственных связей; один из братьев Нуралы был женат на его сестре. Более того, когда в декабре 1783 г. Сырым Датов близ Тополинского поста был схвачен и оказался в тюрьме, вскоре его за богатый выкуп освободил тот же Нуралы. Намерение Сырыма — установление власти народного собрания взамен власти Дома Абулхайрова. Известный исследователь А.Ф.Рязанов, который, раскрывая причину поддержки батыра бароном Отто Игельстромом (Осип Андреевич), писал: “он пользовался поддержкой со стороны Игельстрема, стремящегося дискредитировать ханскую власть для того, чтобы заменить ее демократическим народным собранием” [2].

Основные движущие силы движения — казахские шаруа, большинство старшин, бии, родоправители, видевшие причину всех своих бед в сохранении личной власти хана Нуралы.

О численности последователей Сырыма нет единого мнения. В третьем томе 5-ти томной книги “История Казахской ССР” число восставших определено 3,5 тыс. человек [3]. Однако при изучении того же источника, на которые ссылается автор данного раздела, численность восставших представляется значительно больше: под предводительством Сырыма, Барака, Жианкуры, Жанбулата в районе р. Илек — 2000 человек; второй отряд, действовавший вблизи Тополинской крепости — до 3000; третья группа повстанцев недалеко от Индерских гор насчитывала до 800 человек [4]. А позднее в районе р. Сагыз, являвшейся основным очагом народных возмущений, под знаменем Сырыма Датова было сосредоточено 2700 человек [5].

Новейшие архивные данные позволяют установить максимальное число сарбазов Сырыма — 7000 человек. Барон Игельстром доносил Екатерине II “... но мы к неожиданному случаю,

противным правам и закону, старшины тогда находящиеся в сей стране (в Младшем жузе — Ж.К.), Сарымом (Сырымом — Ж.К.) в 1786 г. набравшие толпу сообщников до 7000 человек”[6].

Массовые, все более разрастающиеся масштабы народного движения не на шутку встревожили Петербург. И решение Военной коллегии в январе 1785 г. применить в отношении примкнувших к Сырымму регулярные силы под руководством генерала Смирнова явилось проявлением страха перед надвигающейся угрозой интересам царизма в регионе. К тому же новый губернатор Оренбургской губернии барон Игельстром, изо всех сил старавшийся уничтожить ханскую власть в Младшем жузе, не пренебрегал всевозможными доступными средствами для достижения своей цели. Пользуясь однозначной поддержкой императрицы, он решил изнутри разрушить то единство кочевников, которое поддерживалось и сохранялось казахскими ханами. А потому он видел ближайшую свою задачу — в искоренении фактов, как-то влияющих на народную сплоченность, и не было ничего удивительного в том, что барон начал свою деятельность внесением раскола среди чингизидов и влиятельных батыров, которым особенно поклонялись местные улусы. «Сблизившись с Сырыммом, ему (Игельstromу-Ж.К.) легко было добиться, чтобы все народное собрание присягнуло на верность России, обещав жить в мире, но только под условием лишения всех потомков Абулхаир хана ханского достоинства...”[7] — замечал исследователь Л.Мейер еще в 60-х годах XIX в. Временную симпатию Оренбургского губернатора к предводителю народного выступления следует объяснить двумя обстоятельствами: с одной стороны, Сырым являлся “непримиримым врагом султанов и ханов всех поколений”[8], с другой, батыр пользовался непререкаемым авторитетом “черной кости”. Барон через своих лазутчиков прекрасно был осведомлен о расстановке сил в Младшем жузе и умело пользовался представленной ему прерогативой для дискредитации хана, по всякому случаю поддерживал его недругов. К тому же он помнил инструкции умной немки на русском престоле: надо действовать “по усматриваемой Вам надобности, в разсуждении обширной орды”. Тем более Нуралы в начале 80-х годов обладал немалой реальной силой для ограждения интересов Дома Абулхаирова; он вкуче со своими родными братьями достаточно твердо контролировал значительные районы Младшего жуза, его семейство управляло 16 родами (в т.ч. Адай, Байбакты, Жаппас, Алшын, Берш, Тана и т. п.), Ералы — двумя, Айшуак — семью родами. Это признавал и сам Игельstrom[9].

Барон обладал реальной властью над Уральским казачеством, действовавшим с позволения губернатора, которое постоянными захватами земель кочевников расширяло свои владения. Однако

оно наталкивалось на реальное противодействие — против казачества выступали и сторонники Сырыма Датова; да и к тому же одна из причин восстания заключалась в бесчинстве казачества. Но Игельstromу быстро удалось унять своих ретивых атаманов, теперь казаки нападали в основном на аулы, которые сохраняли лояльность к законно избранному хану. Фонды архива внешней политики Российской империи содержат множество документов, обличающих действие казаков в казахских аулах, правда составленных Нуралы в довольно жестких тонах. Еще 10 февраля 1762 г., когда переходы казахов из владений хана на правый берег Яика дозволялись без особых затруднений, хан пожаловался на атамана Уральского казачества Андрея Бородина. Упомянув, сколько добрых дел “чинил” прежде генерал-майор А. Тевкелев, “который ныне при старости”, хан недоумевал “... хотя с оными (казахскими — Ж. К.) командирами ежегодного свидания и делает..., но что я ни говорю они моего языка не знают, того, что они скажут, того я не разумею, они наших обыкновений не знают”[10]. Далее хан выразил недовольство относительно задержки с возвратом 8000 лошадей, отогнанных волжскими калмыками, большую часть которых, как оказалось, атаман «взял к себе»[11].

Однако контакты хана с главным администратором все более обострялись прежде всего из-за наметившейся поддержки им предводителя восстания. Хан был озадачен компромиссом между ними, тем более первоначально народное движение имело целью ослабить натиск колониальных захватов царской администрации ударной силой которой начало выступать казачество. “Означенный плут Сырым, как слышно, празднословит; якобы посылаемые от меня (люди — Ж.К.) скрываются, а от него (Сырыма — Ж.К.), находящегося в Оренбурге Шафию показываются; мои письма не приемлются и я пренебрегаюсь, а якобы принимаются и предпочитают, ево, Сырыммы письма”[12], — так несколько смущенно писал хан Оренбургскому правителю. А в другом письме в августе 1785 г., опять называя Сырыма “плутом и злодеем”, намекая на дискредитацию, изоляцию законного государя Младшего жуза от решения дел с Россией, писал “...он, Сырым, кроме нас, собственно, собою с Россиею соглашался и дела взаимно исправить может”[13].

Не подлежит сомнению факт ориентации барона на Сырыма, выходца “из черной кости”, который при всех обстоятельствах не мог и мечтать стать предводителем жуза. На сей раз он пригодился Игельstromу как потенциальное противодействие против ханской власти.

В характере восстания произошли заметные перемены. Тактическое сближение Сырыма с бароном ослабляло антиколониальную направленность движения. Да и Екатерина II в одном

из писем губернатору посоветовала пригласить Нуралы в Оренбург, очевидно, для совместного выяснения сложившейся ситуации. “Господин генерал-поручик, барон Игельстром! Приняв за благо ответ Ваш, сделанной Нуралы хану, мы признаем за нужное, дабы к тому присовокупили в ответе Ваши к помянутому хану, что вместо посылки тысячи человек для его охранения, он сам для безопасности своей приехать может в Оренбург” [14]. Естественно, боязнь быть отстраненным от власти вынудила хана отказаться от приглашения барона посетить Оренбург. В одном из обращений к Игельstromу хан объявил его чуть-ли не подстрекателем и своим недругом. «... Я полагаю, что Вы не считаете меня своим другом, так как ради проступков етих разбойников (сторонников Сырыма — Ж.К.) я утратил Ваше доверие, да и здесь, в журте киргиз-казахов, я потерял доверие. Говорят, что хан де (Нуралы — Ж.К.) — русский хан и к нам его душа не лежит” [15].

В середине июля 1785 г., не без содействия Сырыма батыра, съезд казахских старшин, родоправителей решил отстранить Нуралы с престола. В Младшем жузе насчитывалось 32 родов, на съезде принимали участие 25 родов, только представители 5 родов отказались поддержать общую резолюцию. Решение съезда было представлено 24 июля на рассмотрение барона, который незамедлительно отправил документ в Петербург со своими комментариями, в одбокою, осуждающей хана манере, добавив от себя “о бессилии хана” [16].

Тем временем внутрифеодалная борьба достигла небывалого обострения. Барон Игельстром скрытно вынашивал план ликвидации ханской власти и замены ее послушным для своей администрации каким-то “демократическим собранием”, заигрывая перед Сырымом и теми группами, над которыми он главенствовал.

10 мая 1786 г. Оренбургский администратор предложил Екатерине II ввести в действие так “называемые расправы” и учредить должности старшин в каждом из 32-х поколений Младшего жуза. Это явилось неуклюжей попыткой царских властей упразднить ханство “сверху”, формально оперируя решением упомянутого съезда, также созданного не без содействия губернатора.

В чем же состояла суть реформы? Речь шла “о заведении внутри орды нескольких судов в образе расправ с тем, чтобы оные находились в зависимости от пограничного суда в Оренбурге. В трех главных поколениях — Алимудынском (иначе Каракесекском), Байулынском и Семиродовском учреждались главные расправы с судебными функциями во главе с председателями, с двумя заседателями “из знатнейших старшин лучших поколений”, одного муллы для писмоводства [17].

Реформа отстраняла от власти местных чингизидов, возводила

в ранг оплачиваемых чиновников новых выдвиженцев — преданных русской власти людей “черной кости”, ярким представителем которых для Игельstromа оставался Сырым Датов. А потому барон полагал целесообразным произвести им годовое жалование в трех вышеназванных родах. Старшинам и “председателям в суде” по 200 руб., хлеба ржаного 5 четвертей: их помощникам или заседателям по 50 руб., хлеба ржаного по 2 четверти; мулле по 100 руб.; в целом денежные издержки на содержание казахских чиновников 32 родов на год должны были составить 3080 руб. [18].

Тем временем угрозы в отношении хана не ослабевали. Игельстром в одном из донесений Петербургской семирамиде, добиваясь незамедлительного его освобождения, 9 марта 1786 г. сообщал “об ограблении точно подручным ему (барону — Ж.К.) старшиною” и будто бы тот же старшина “уверял хана Сырыма с тысячью пятьюстами человек идти к нему лишать его жизни и сею ложною выдумкою принудил хана ретироваться...” [19].

Обманутый своими подданными, преданный даже некоторыми своими родными братьями, а главное вытесненный из страны батыром Сырымом, оказавшись в безвыходном положении, Нуралы вынужден “ретироваться”. Теперь хан искал защиту не у своих соплеменников, интересы которых он рьяно защищал в течение 47 лет, а у русской администрации, беспокоясь за судьбу своей многочисленной семьи и детей, которых он имел от 17 жен.

“Нуралы хан с братом его Айчувак (Айшуак) султаном ...и расположились кочевьем вниз и вверх по Уралу не в дальнем от города (Уральска — Ж.К.) разстоянии...” [20], — писал генерал-поручик Рейнсдорп в Коллегию иностранных дел. Екатерина II 6 июня особым рескриптом отстранила законно избранного Нуралы от ханской власти. Кончилось почти полувековое правление одного из значительных политических фигур из числа прямых потомков Абулхаира. Единственный степной правитель, который, так долго занимая трон дипломатическими и иными способами, по возможности оттягивал военную колонизацию левобережья Урала, которого, увы, не всегда понимали свои же соплеменники во главе с Сырымом батыром, которого так остерегались царские чиновники, не без основания видя в нем стойкого защитника интересов своего народа в той весьма неблагоприятной обстановке для чингизидов. Отправленный в чужие земли, в Уфу, как политический изгнанник окончил Нуралы свою жизнь в 1790 г., проклиная и Сырыма, и немецкого барона, считая их виновниками своего отречения и ссылки.

Однако реформа Отто Игельstromа оказалась нежизнеспособной. Она, по существу, не соответствовала принятым у казахов установлениям. Сырым Датов, назначенный старшим

старшиной в Байбактинском поколении, также чувствовал неудовлетворенность складывающейся ситуацией.

Началось движение за восстановление ханской власти, которую возглавил ханский брат — султан Ералы: его поддержал Уали хан из Среднего жуза, усмотрев в отстранении Нуралы угрозу для своего трона. На свое требование вернуть из ссылки Нуралы он получил от всемогущего царского сатрапа отказ, ставя под сомнение обоснованность обращения хана соседнего жуза на том основании, что Уали хану вверено начальство над единою токмо Среднею ордою, а что касается Младшей, как с сарказмом писал барон, то она “совсем ему не принадлежит”[21]. Знал ли барон, что Уали был связан с Нуралы близкими родственными узами, ибо первая жена Абылая была дочерью Абулхаира, к тому же правитель Среднего жуза с тревогой, пристально следил за событиями в Младшей орде. За восстановление ханства в Младшем жузе энергично хлопотал и хан туркменов Пиралы, один из сыновей опального хана. Борьбу за восстановление ханской власти возглавил брат Нуралы — султан Ералы. Первым делом его сторонники решили отомстить “плуту и злодею” Сырым, которого потомки Абулхаира считали главным виновником всех несчастий в жузе. План султана удался. В августе 1886 года Ералы и его сторонникам удалось схватить Сырыма и его близких соратников Донен батыра и муллу Абдулкадыра, чтобы “лишить жизни” народного предводителя. Кроме детей Нуралы, в поимке Сырыма участвовало окружение хана: Ескер, Отеулы, Абдула, Жоламан, всего 110 человек[22].

Вероятно, расправа с батыром ударила бы по престижу российской администрации. Ведь все прежние меры барона по вытеснению из орды хана объективно совпадали с позицией партии Сырыма, хотя трудно предположить предварительную согласованность их усилий. К тому же батыр нужен был Игельstromу и впредь для дальнейшей реализации столь неудачно начавшейся реформы. Пока действия Сырыма казались нейтральными, нечего было опасаться его сторонников. В данной связи небезынтересно ознакомиться с донесением Игельstromа от 6 ноября 1786 г. из г. Бугульмы к императрице о принятых им мерах для вызволения из неволи батыра: “... никто из султанов не может себе присвоить власти кого-нибудь из старшин, верноподданническую присягу учинивших притеснить, а еще менее (более? — Ж.К.) сковать”. Императрица требовала от Ералы освобождения батыра “... доколе не даст он Сырым батыру свободы, не может он пользоваться тем отличием, чтобы его представления мною были приняты...” [23]. 12 ноября последовал ответ царицы, который означал решительную поддержку барона в этом вопросе, и она рекомендовала педантичному исполнителю своей роли в далекой азиатской окраине “сильнейшим образом дать

почувствовать Ералы султану, что дальнейшая задержка ими помянутого Сырыма батыра подвигнет на него праведный наш гнев, дабы он немедленно его отпустил в Орду свободно и безвредно”[24]. Султану Ералы не оставалось ничего, как дать волю Сырым, на стороне которого выступала уже стареющая повелительница империи.

В этот период произошли перемены и в международном положении России. Французская революция повергла в шок европейских монархов, на Гревской площади Парижа поплавились жизнью многие аристократы. Революция раздвигала свои границы. В этих условиях уничтожение и без того шатающихся тронов на окраинах России не отвечало политическим интересам Петербургского двора; более того, неудачное начало реформы О.А.Игельstromа, которое сопровождалось еще более непримиримой дифференциацией противоборствующих сторон, подсказало правящей верхушке империи о зыбкости почвы для такого поворота событий. Да и сторонники Сырыма убедились, что десятилетняя борьба не принесла облегчения и не поправила положения рядовых общинников, наоборот, последние лишились своих кочевий в бассейнах рек Илек Урал[25].

О.А.Игельstrom был отправлен в отставку, получив назначение в армейский корпус, сосредоточенный для войны со шведами. При новом губернаторе А.А.Пеутлинге, в 1791 г., ханская власть вновь восторжествовала. На белом войлоке был поднят брат Нуралы — султан Ералы, хотя последователи Нуралы упорно добивались избрания его старшего сына Есим султана. В этом сказались и явная уступка Сырым правительству. Утверждая так, М.П.Вяткин имел в виду временное ослабление позиций Сырыма в связи с отставкой барона[27]. Однако новоиспеченный хан никак не мог заручиться поддержкой Сырыма, которого тот в недавнем прошлом заковал. Как сын Абулхаира он и не пользовался расположением батыра.

Злоупотребления казаков, примирительное отношение властей к новому хану, личная неприязнь Сырыма к новому губернатору расширяют социальную базу нового этапа движения. В Оренбург поступила информация о расширении его действий — весной 1793 г. “приблизиться к границам России”. Екатерина II меняет свою позицию в отношении беспокойного киргиза и распоряжается схватить Сырыма[28]. Несколько раньше, один из сыновей Нуралы (к сожалению, не удалось установить — кто именно) сообщил Екатерине II о его смерти, отметив в числе причин, ускоривших его кончину в Уфе, «сложные ево (Сырыма — Ж.К.) донесения [29]. Вскоре смерть постигла и хана Ералы, а в 1797 г. ханом избрали старшего сына Нуралы — Есим султана. Остерегаясь ответных действий Сырыма, новый хан прикочевал со своими аулами к русским пограничным крепостям, выбрав местность в пяти верстах

от Мергеновского форпоста. Но на рассвете 27 марта он был убит сарбазами Сырыма, «его спящего искололи и изрубили до смерти и при этом немалое имущество ограбили и увезли с собой, — сообщил властям духовник и письмоводитель хана мулла Фаткуллин, живой свидетель этой трагедии. Исследователь А.Ф. Рязанов оправдывал этот «террористический акт личной мстью батыра «за кровь Манбая, одного из его друзей, выданных покойным Есимом русским властям»[31].

Преследуемый карательными силами, потерявший значительную часть своих сторонников, Сырым 30 августа 1797 г, в сопровождении 1000 сарбазов явился на заседание ханского совета, только что учрежденного тем же О.А.Игельстромом и объявил о прекращении дальнейшей борьбы. Но ханский совет оказался дееспособным вывести Младший жуз из политического тупика. Вскоре престарелый султан Айшуак, один из сыновей Абулхаира, был избран ханом; потомки последнего воспряли духом. Это означало поражение 14-летнего движения Сырыма.

Весной 1798 г. Айшуак Абулхаиров отправил в Петербург посольство, в состав которого были включены кроме его старшего сына Жанторе и сыновей Нуралы — султаны Есентай и Орман, а также «почетнейшие и отличнейшие люди для сообщения об избрании нового хана»[32]. Более того, Айшуак «всеподданнейше, прилежнейше просил его императорского величества не оставить кровь Ишимхану», подвергнув Сырыма «примерной казни»[33].

Сырым, преследуемый сыновьями Нуралы, сторонниками нового хана, вскоре покинул пределы Младшего жуза и скончался в Хиве, в 1802 г.

Итак, народное движение, начавшись в условиях расширения аграрной колонизации северо-западных районов, вовлекая в эту, первую в обширном крае антиколониальную борьбу все, по существу, социальные категории, впервые так открыто обозначило глубину контрастов политических позиций различных групп. Сырым Датов как выдающаяся личность собрал под своим знаменем значительную часть кочевников, недовольных позицией Нуралы хана; сумел сосредоточить усилия социальных прослоек порою с противоположными интересами. Но все же он не был стойким, последовательным борцом за насущные интересы большей части номадов. Его временный компромисс с Оренбургским губернатором по поводу вытеснения с ханского престола законного своего государя, не может быть оправдан однозначно; убийство хана Есима, в котором неблагоприятная роль батыра была более чем очевидна; затем добровольное прекращение борьбы — все это в совокупности следует рассматривать как следствие зыбкости социальной почвы, противоречивости его позиций на решающих этапах движения. Даже сам факт освобождения его из плена султана

Ералы под давлением Екатерины II и губернатора является подтверждением неблагоприятного факта, что в некоторой степени он был орудием в руках Петербургского двора.

Изгнание Нуралы хана из родной земли, смерть его в далекой Уфе, за что современники осуждали Сырыма, требовало привлечения его к ответственности. Требуется переосмысления та превосходная оценка, которая была присуща исследованиям советской эпохи, рассматривавшим подобные нюансы и личность батыра, прежде всего, с классовых позиций. Независимо от этого народное движение, возглавляемое Сырымом, на некоторое время замедлило, если не остановило, колонизационные притязания России; заставило более внимательно относиться к антиправительственным настроениям казахских крестьян. Нам следует также в несколько критическом аспекте пересмотреть характеристику личности Нурмухамед Али Бахадур хана, как дипломата, государственного деятеля, почти 50 лет державшего в своих руках бразды правления, а затем насильственно отстраненного от ханского престола.

*О том поразмысли, что ждет впереди,
Цель выбрав благую, к ней прямо иди*
(Фирдоуси)

ЕРМУХАМЕДАЛИ ХАН (ЕРАЛЫ – ВИДНЫЙ ДИПЛОМАТ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ)

В числе знаменитых чингизидов Казахстана особое место принадлежит Ералы султану, одному из любимых сыновей Абулхаир хана, от его брака с Попай-байбише, впоследствии бывшему, хотя незначительное время, ханом Младшего жуза. Интерес к личности Ералы, к которому его знатные родители еще в отрочестве выказывали подчеркнутое внимание, не без оснований возлагая на него большие надежды в будущем, возрастал. И, действительно, султан Ералы, год рождения которого из-за разноречивости документов трудно определить, с малых лет приобщался к государственным делам, неотступно сопровождая неутомимого отца, приобретал достаточный опыт в управлении кочевыми родоподразделениями.

Ералы, как восходящая звезда, среди незаурядных отпрысков грозного правителя Младшего жуза снискал популярность, начиная с 30-х годов XVIII в., и сумел проявить замечательные свойства дипломата в дни переговоров своего отца с посольством А. И. Тевкелева, татарина, “улаживавшего то, что русские сами не могли уладить” [1].

Но особенно примечательно имя талантливого сына Абулхаира в связи с удачным завершением дипломатической миссии Младшего и Старшего жузов, которую он возглавлял; и в последующем хан неоднократно возлагал на него весьма серьезные поручения в сфере дипломатических контактов Казахстана и России.

Ералы, пожалуй, вошел в историю Казахстана 30-50-х гг. XVIII в., как один из немногих политических деятелей кочевого общества, плодотворные деяния которого во многом способствовали распутыванию весьма щекотливых моментов во взаимоотношениях Младшего, отчасти Среднего, жуза с Оренбургской администрацией, Коллегией иностранных дел.

Наши побуждения в более расширенном раскрытии роли этой знаменитости в политической истории нашего Отечества, особенно в 30-40-х годах XVIII в., вызваны растущим интересом общественности к вехам его жизни, незаслуженно преданной забвению. Кроме фрагментарных упоминаний о нем, увы, отечественными историками не написано даже ни одной заметки.

Итак, Ер-Мухамед-Али султан, Абулхаиров сын, как

обозначено его имя в источниках той поры, видимо, родился в начале XVIII века., ибо уже в 30-х годах он часто фигурирует как вполне возмужалый чингизид, по своим умственным способностям заметно опережающий степных сверстников.

В 1791 г, когда его избрали ханом после неудачной реформы Отто фон Игельстрома, Ералы пребывал в глубокой старости. Ряд влиятельных врагов его отца, выразив сомнения в возможностях Ералы управлять Младшим жузом, умоляли престарелую императрицу воздержаться от избрания его, как “выжившего из ума” [2].

С момента энергичного участия Ералы в переговорах с А. И. Тевкелевым до его кончины в 1794 г. прошло 60 лет. Если определить его год, к началу пребывания русского посольства в пределах 20 лет, то, можно было бы установить возраст султана ориентировочно свыше 80 лет. Наше предположение о его рождении в первой декаде XVIII в. имеет реальную почву.

Назначение Абулхаиром главой посольства в Петербург не Нуралы, более склонного к военно-административным делам, а Ералы, в окружении хана не породило особых нареканий. В январе 1733 г. “частореченый Тевкелев с ханским сыном” и с казахскими старшинами, а также с представителями Старшего жуза отбыли в столицу через Уфимское наместничество [3]. Надо полагать, что видные феодалы Старшего жуза во главе с Алдарбай-бием преследовали несколько иные цели, чем миссия Младшего жуза.

Включение в состав посольства султана Ералы состоялось вследствие интриги хана Младшего жуза, изо всех сил старавшегося привести в лоно российских политических интересов далеко расположившийся от русских границ южный Казахстан, испытывавший в эти годы напряженнейший натиск ойратов, и хан старался как-то облегчить участь Семиречья и смежных земель, добиваясь разрядить общеполитическую ситуацию; и, конечно, Абулхаир, помимо всего прочего, в глубине души лелеял надежду возвысить свой личный авторитет перед русской императрицей.

Посольство скоро “к немалому удивлению” царских чиновников благополучно прибыло в Уфу, где Ералы и его свита “с приличным почтением и угощением были приняты и довольствованы квартирою” [4]. Здесь к ним присоединились “несколько уфимских дворян”, и депутация Ералы прибыла в столицу в конце января 1733 г.; 10 февраля императрица Анна Иоанновна оказала честь, незамедлительно дав “публичную аудиенцию с сими церемониями”, в присутствии высшей аристократии и генералитета. “Учинив е. и. в. три поклона до земли”, Ералы, как глава посольства, произнес речь. Отметив “монаршую милость” императрицы в предоставлении “высочайшей протекции”, молодой султан, выполняя волю своего отца, “припадая к стопам е. и. в., всенижайше рабски просил

содержать (казахов — Ж.К.) в неотменной своей императорской милости и защищении”[5].

Ответную речь держал видный дипломат России, вице-канцлер Остерман, напомнив султану Ералы о том, что “Абулхаир хан со своим народом должны по своей учиненной подданнической присяге е.и.в. всякую свою верность и службы показывать”[6].

Ералы, кроме подтверждения присяги отца и его соратников и двустороннего согласования прежних договоренностей, имел от хитрого хана и другое поручение — рассмотреть возможности строительства города на стыке Младшего жуза и России. Создание на берегу р. Орь нового укрепления, как правило, приписывается И.Кириллову; многие авторы, тем более читатели, видимо, не совсем представляют подробности первоначального решения по этому вопросу, ограничивая обсуждение проблемы в рамках двусторонних переговоров: Абулхаир — И.Кириллов. Тем не менее, как мы видим, П.И.Рычков еще в ту эпоху связывал принятие решения по означенному вопросу именно с миссией султана Ералы[7].

Свыше пяти месяцев посольство находилось в Петербурге; в начале июня “ханский сын”, его окружение, а также башкирские старшины, бывшие в составе миссии, “получили у е.и.в. отпускную всемилостивейшую аудиенцию”, прожив довольно долгое время на Васильевском острове.

18 июня, на пяти судах, миссия выехала из Петербурга; двигаясь по Неве, они посетили Шлиссельбург, по желанию “ханского сына” осмотрели город-крепость; а тем временем, ставший уже полковником А.И.Тевкелев, всемерно “прославлял российское оружие”; немалое удивление степных обитателей вызвал осмотр Ладожского канала; затем “ханский сын” и его сопровождающие прибыли в с. Бронницы, находящиеся в 25 верстах от Новгорода, и оттуда, “по удовольствованию подводами”, двинулись в Москву[8], далее — в ставку хана, с нетерпением их ожидавшего.

“История Оренбургская”, как и “Топография Оренбургская” П.И.Рычкова, исследователя, очевидца многих событий той эпохи, хотя содержит ценнейшие сведения о пребывании депутации Ералы в столице, тем не менее, не в полной мере воссоздает содержание документов, согласованных Ералы султаном и Коллегией иностранных дел. К тому же, в “Истории Оренбургской”, изданной в 1896 г., как отмечали поздние комментаторы, просочились “дефекты”, выраженные в отсутствии в ней ряда параграфов[9]. Опущенные материалы в оренбургском издании книги П.И.Рычкова, помещенные впервые в 1916 г. в записках Оренбургской Ученой архивной комиссии, позволяют значительно шире раскрыть суть тех решений, согласованных султаном Ералы, будучи в Петербурге по возведению крепости на р. Ори. ”...

соизволили послать отсюда статского советника Ивана Кириллова, нашего же полковника Мурзу Мамета Тевкелева, и указали город при устье Ор-реки построить для удобнейшего и скорейшего нашего подданного Абулхаира (Абулхаира — Ж.К.) хана и старшин всего войска, також де наше подданство пришедших ханов и старшин и всего же войска и посольства от наших и Ваших неприятелей охранения и защищения...[10] — таково содержание интересного дипломатического послания императрицы хану Младшего жуза, которое, по существу, следует рассматривать как официальный ответ на его предложение построить в указанном месте поселение. В этом плане Ералы как глава миссии и прежде всего сын хана беспрекословно выполнил одну из его инструкций, подхваченную после возвращения посольства в Оренбург И. Кирилловым.

В исторической литературе 60-80-х годов нашей эпохи нередко повторялся факт юридического признания Старшим жузом Российского подданства, и желание Петербурга на сей счет повисло в воздухе в связи с двумя обстоятельствами: удаленностью его от границ России, с другой, по причине несогласованности подобной акции с предводителями крупных родоподразделений этого жуза в условиях реальной угрозы ойратской оккупации значительных его регионов; но мы в данном случае не станем вдаваться в подробности приводимого решения Петербурга, а затронем проблему в той лишь плоскости, что отразило бы суть изучаемого аспекта. Дело в том, что односторонний акт России в отношении Старшего жуза был одобрен лишь узким кругом его представителей, входивших в состав посольства Младшего жуза, которое возглавил второй сын Абулхаира и которого остерегались даже видные султаны Старшей орды, опасаясь расширения сферы его влияния в ее юго-восточных пределах.

Ералы султан, в то время управлявший Кереевским родом, вероятно, посредством того документа рассчитывал укрепить и свои позиции. В данном случае мы рассматриваем его действия по реализации отцовских предначертаний в контексте выявления его возросшего авторитета, как искусного дипломата, сумевшего убедить кучку батыров, биев Старшего жуза придерживаться с ним одной позиции, согласиться на милость Коллегии иностранных дел России. А потому вторая часть договорных обязательств, выданных как Алдар бию, так и врученных Ералы, содержала согласие крепнущей империи принять под свой покров далекий, доселе малоизвестный Старший жуз: “... и Вам Киргиз-Кайсацкой Большой орды Всемилоствейшее соизволение о сем ведать и во утверждение Вашего в подданство наше прошение и вступление ради учения обыкновенной всеподданнейшей нам присяги прибыть Вам Бегам (бекам) и старшинам самим к оным нашим посланным (советнику) Кириллову и полковнику, и при них за тое

Вашу верность учиня, нам присягу содержать оную во всех пунктах непременно и служить нам верно ...“ [11]. Коллегия иностранных дел сообщала бекам, Кодар бию, Толе бию, Сатай, Койгелды батырам “и всей той Киргиз- Кайсацкой Большой орде об обязательствах Российской стороны, какие вытекают из пока что неконфирмированных, еще не констатированных договоров. В целом содержание этой части информации перекликается со словесными обещаниями и официальной грамотой, выданной от имени Анны Иоанновны Абулхаир хану. Кое какие частные моменты, которые не влились в основной текст, говорят об устремлении России «приохотить Старший жуз на свою сторону: тем самым, возможно, Коллегия иностранных дел домогалась завершить принятие присяги от всех трех жузов «... за службы Ваши будем вас всегда в нашей императорской к Вам милостью содержать. Посланцы Ваши пред нашим императорским престолом и допущены к руке нашей и содержаны здесь (в Петербурге – Ж. К.) по всякой милости и на отпуск пожалованы, и в дорогу кормовыми деньгами удовольствованы и отпущены к Вам с сею нашего (Императорского) Величества грамотою...” [12].

Подробности пребывания послов Старшего жуза во Дворце приведены с той целью, чтобы привлечь внимание других видных султанов, влиятельных батыров Старшего жуза усилить тягу к России, дать знать им об ожидаемых наградах и других милостях в столице в случае подтверждения той грамоты властелинами этого жуза. Причем, Коллегия иностранных дел не без оснований рассчитывала на благосклонную передачу дипломатам, например Толе бию, другим, сути внепротокольных встреч Алдар бия и его сподвижников во время петербургских переговоров – “... а на словесное их доношение ответ им учинен словесно же. Вам бегам (бекам) и батырам посылается нашим Императорским Величеством жалованья по росписи, посланной на Вашем же языке“. Цитируемый материал представлен как дополнение к грамоте, и подписан 10 июня 1734 г. С этого времени приманивание видных султанов, батыров входит в обычную практику дипломатии Коллегии иностранных дел; назначение же жалованья бекам и батырам Старшего жуза, когда эта грамота еще не получила официального одобрения со стороны Старшего жуза, по всей вероятности, было предложено главой объединенной дипломатической миссии двух жузов – султаном Ералы, какой угодно ценой старавшимся реализовать указание своего хитрого, коварного отца - ослабить автономность Старшего жуза и, опираясь на Петербург, во главе последнего посадить одного из своих сыновей.

Султану Ералы удалось убедить представителей Старшего жуза принять условия Коллегии иностранных дел; но то, что

“высочайшая грамота“ императрицы впоследствии оставалась лишь бумагой, без дальнейшей реализации ее основного назначения, было обусловлено политическими факторами - противодействием ойратов и разногласием биев, батыров, старшин крупных родов. Энергичные усилия Ералы не ограничивались решением насущных дел двух жузов и во многом простирались гораздо шире. Опять-таки, действуя в унисон словесных наставлений Абулхаира, а, может быть, заручившись поддержкой доброжелательно настроенных к дому Абулхаира каракалпакских батыров, он заодно решал их судьбу, испытывавших напор и силовой прессинг со стороны хана Младшего жуза. Во всяком случае, в составе миссии Ералы не было ни одного представителя каракалпаков, хотя, ставшему уже полковником А. И. Тевкелеву, будучи в ставке хана, удалось склонить представителей верхних каракалпаков последовать примеру правителя Младшего жуза. Ибо, зачастую терпя бедствия от непредсказуемых поступков Абулхаира, более того разорительных набегов яицких казаков, каракалпакские батыры, влиятельные родоправители подыскивали благодетельного патрона, способного оказать им реальное покровительство. К тому же речь шла о подтверждении подданства, подготовленного усилиями Тевкелева, отчасти Абулхаира, правда, активность последнего в этом вопросе была обусловлена его личными амбициями. Но Ералы, обожавший своего родителя, видевший в нем спасителя отечества от внешней угрозы, ускорял отправку в каракалпакские улусы грамоты о российском подданстве, чтобы, помимо всего прочего, обезопасить юго-восточные пределы Младшего жуза от каракалпакских батыров.

Грамота императрицы о принятии каракалпаков была адресована хану Кайыпу, видным ходжам, батырам и “прочей старшине” и всему народу. Документ приводится с незначительным сокращением: “... Вас нашею императорскою высочайшею милостию обнадеживали, что Вы при торговых своих промыслах и хлебопашестве спокойно и безопасно всегда жить будете и повелеваем Вам ежели какие происходить будут в чем-либо или нашими подданными народы в том разбирать и всякую справедливость чинить; неведением вашего вступления в наше подданство взяты в полон некоторые каракалпаки, тех отыскав, Вам возвратить, и впредь им, яйцким казакам, то чинить запретить...” [13]. Настоящая грамота, как и предыдущие бумаги, подписана 10 июня 1734г.

Султан Ералы, принимавший самое теплое участие в согласовании текста сей грамоты, старался, чтобы каракалпаки, часто враждовавшие с его отцом, теперь, распростившись с независимостью, как подданные империи еще более склонность

проявили в прислушивании к голосу всеильного правителя Младшего жуза.

40-е годы XVIII в. занимают в жизни и дипломатической службе Ералы зримую роль. Абулхаир, как и прежде, возлагал на второго сына немалые надежды в осуществлении сложных, да порою противоречивых требований в переговорах, прежде всего с Российской стороной.

В августе 1740 г. стараниями И.И.Неплюева в Орске был созван съезд казахских старшин, султанов, прославленных батыров, придерживавшихся российской ориентации. И опять султан выполнял ответственные задания хана в беседах с Оренбургским губернатором. Эта встреча была устроена по инициативе И.И.Неплюева, сильно обеспокоенного явным охлаждением хана к России; и тайный советник, опираясь на полковника А.И.Тевкелева, ловко сглаживал острые углы во взаимоотношениях царских чиновников с казахскими правителями. Хотя внешне оба политика в присутствии многочисленных гостей соблюдали дипломатический такт, проявляли терпимость, “тайный советник и хан, увидясь, поздравляли друг друга (по поводу повторного закрепления подданства – Ж.К.) по азиатскому обыкновению” [14], – свидетельствует очевидец тех событий П.И.Рычков, записки которого по сей день почитаются как достоверный источник по воссозданию событий той поры.

Султан Ералы был одним из главных лиц, посвященных в тайны закулисных бесед хана и И.Неплюева. Дважды, 16 и 18 августа, Ералы “публично был трактован с имеющимися при нем старшинами”. Тайный советник, не без рекомендаций А.И.Тевкелева, удостоил его подарками: на платье сукно кармазинное, парча золотая, сайдак (футляр для стрел), оправленный серебром, лисица черная, печать серебряная, “на которой было вырезано султанское имя”, узда конская с серебряным набором [15].

Особые почести, оказанные начальником Оренбургской комиссии Ералы, оказались весьма полезными для достижения И.Неплюевым главной цели – подтверждение Абулхаиром, наряду с другими чингизидами, клятв 1731, 1738 годов. Хотя главной фигурой среди казахских владетелей оставался Абулхаир, в то же время в переговорах реальным исполнителем был энергичный Ералы, влияние которого, как состоявшегося дипломата, особенно проявилось в августе 1742г., когда в Орск прибыла делегация с целью очередного подтверждения прежних обязательств перед Россией.

Основным источником описания тех встреч является “Журнал или записка ежедневная о том, что происходило у тайного советника и кавалера Неплюева при Орской крепости в бытность тут Киргиз-

Кайсацкой орды Абулхаир хана, Эралия и прочих салтан” [16]. Начатый 20 августа, законченный 7 сентября 1742 г. ценный документ на 81 листе среднего формата содержит множество информации о деятельности султана как дипломата.

До осенней встречи Абулхаира и Ералы с Неплюевым произошло еще одно важное событие: летом 1742 года в Орск прибыла каракалпакская делегация во главе с Мамором и Кушаном, заявившими от имени 30000 кибиток своих соотечественников о подтверждении присяги, данной поручику Дмитрию Гладышеву, который, кстати, привел к присяге их в присутствии Абулхаира [17]. Хотя в ходе переговоров начальника Оренбургской комиссии вопрос о судьбе каракалпаков неофициально поднимался, тем не менее, Ералы, блюститель интересов Младшего жуза, отчасти некоторых родов Среднего жуза, изо всех сил старался не поступаться требованиями своего отца. Предметом обмена мнений явилась проблема об отправлении майора К.Миллера в ставку ойратского хана Галдан-Цэрена для вызволения Абылая. Кандидатура К.Миллера была представлена И.И.Неплюевым как выражение благодарности Жанибек батыру, который, в свою очередь, освободил майора “из киргизского плена” [18]. Однако путь его пролегал через земли Среднего жуза, о позиции родоправителей которых к намечаемой линии можно было бы только догадываться. И тут требовался человек для сопровождения, пользующийся доверием населения двух соседних жузов, при непредвиденных случаях который мог бы нейтрализовать рьяных противников России. Не было ничего удивительного в выдвижении Абулхаиром для этой цели Ералы. “От себя до самого зюнгарского владельца верного и дорогого человека отправить Ералы что все они согласились и хан обещал через кайсацкие улусы для препровождения помянутого майора Миллера отправить сына своего Ералы [19].

Ералы, склонный решать острые моменты дипломатическими средствами, добился облегчения участи своего брата Кожамет, аманата Абулхаира в России, который из предосторожности по предложению тайного советника еще с 1738 г. содержался в Сорочинской крепости.

Предложение Абулхаира сменить Кожамет, сына от старшей жены Попай, другим своим сыном Шынгысом, родившимся от невольницы-калмычки, И.Неплюевым было отклонено, что послужило одной из причин остывания взаимоотношений хана с ним. Продолжая уверять И.И.Неплюева в своих верноподданнических чувствах, Абулхаир отважился силою освободить и возвратить в аул Кожамет. Около 2000 казахов, по научению своего хана, рискнули на дерзкий шаг – силою вызволить ханского сына. Увы, это закончилось неудачей [20].

Во время одной из встреч, вблизи Орска, Ералы, к которому уже относились с почтением, попросил И.И.Неплюева облегчить условия пребывания своего брата, находившегося в неведомых краях. «Когда он (Кожамет – Ж.К.) будет жить в Сорочинской крепости сверх определенного ему жалованья хлебом не оставить, что ему тайный советник учинить обещал»[21]. Увы, обещание свое И.Неплюев не сдержал – 16 декабря 1744 г. Кожамет в сопровождении штаб-офицера, двух старшин и «кашей» на Ямских лошадях был отправлен еще дальше, в Москву, а далее в столицу[22]. Хотя, будучи в Петербурге, он был удостоен аудиенции Елизаветы Петровны, факт его удаления из Оренбургского края вызвал крайнюю досаду Абулхаира, в т.ч. Ералы, надеявшегося на милость тайного советника. Рекомендация о перемещении Кожамета из Сорочинской крепости, затем из Казани в столицу, исходила от И.Неплюева. Помимо других обстоятельств одним из мотивов спешного отправления Кожамета на север послужил фактор нравственного свойства: некоторое время брат Ералы, живя в Казани, вошел в близкое знакомство с богатыми и влиятельными татарами. И, между прочим, влюбился в татарскую девицу, с которой собирался связать свою судьбу[23]. Ввиду того, что Кожамет находился на правах аманата Абулхаира, брак с татаркой мог усилить исламское влияние на окружение Кожамета. И.Неплюев не одобрил сердечные порывы ханского сынка, и решено было изолировать и держать его на удаленном расстоянии.

Кожамет скончался в 1750 г., не оставив после себя потомства, 10 лет находясь в аманатах, не познав семейного счастья и личного благополучия, с благоговеньем относясь к своему отцу, своей матери. Находясь в Петербурге, он часто отправлял письма в ставку хана, обычно обращаясь следующим образом: «Ее императорского величества, Великой государыни верноподданному, Киргиз-Кайсацкой Меньшей орды, высокопочтенному отцу моему Абул-Хайр-Магомет-Бахадыр хану и почтеннейшей матери моей, и почтенным братьям Нуралию и Эралы салтанам, всем бегам (бекам), старшинам и батырам поздравление»[24]. Он был возвращен в степь в 1747 г., и вскоре, как мы уже отметили, скончался.

Следующий этап активной деятельности Ералы связан с трагической кончиной его отца – в августе 1748 г., перевернувшей уклад спокойной жизни султана. В то время, как мы упомянули, Ералы умиротворенно правил довольно разветвленными родами Среднего жуза: Уак, керей, таракты. Теперь, по получении ужасной вести, избегая столкновений с клеветами Барака, ему пришлось удалиться в отцовские улусы[25]. Султан и раньше был осведомлен о намерении Барака лишить его жизни, когда он, вместе с Абылаем, грабил верхних каракалпаков.

В конце августа Ералы благополучно прибыл в аул покойного отца, чему безмерно радовалась ханша Попай. «Слава богу, уже и от печали своей несколько избавилась», – писала она Оренбургскому губернатору»[27].

Из всех своих сыновей ханша питала к нему особые материнские чувства. Джон Кэстль, в 1736 г. посетивший аул Абулхаир хана, рассказывает, что из всех подарков, ей поднесенных, она с умилением, даже с восторгом приняла от него портрет Ералы, написанный по велению императрицы: заливаясь слезами, она бесконечно лобзала портрет своего горячо любимого сына[28]. Вот почему спокойная, рассудительная ханша, имевшая свою печать еще при жизни своего венценосного супруга, с нетерпением ожидала приезда Ералы.

БУНТОВЩИК ПРОТИВ СВОЕГО ГОСУДАРЯ

Подпоручик И.Ригельман и Я.Гуляев впоследствии так отразили состояние Ералы, Попай ханши и претендента на ханский трон Нуралы после гибели Абулхаира: «Попай ханша, Нуралы з братом своим Эралием салтаном, ночью трое секретно разговаривали и в том все, заплакав, говорили с сожалением, что мы де ныне после смерти Абулхаир хана, яко зайцы по разным островам разбитца можем, понеже нас киргизцы не слушают»[29].

Присутствие Ералы вблизи матери в той сложной обстановке борьбы за трон было весьма полезным для продолжения ханствования отпрысков покойного. Поддержка позиции матери, кстати, так же одобренной И.И.Неплюевым, была желательна. Хотя султан Ералы, согласно действовавшим степным законодательствам, никак не мог претендовать на трон, минуя старшего брата, он, как связующее звено между Средним и Младшим жузом, обеспечил спокойное избрание Нуралы; он пользовался могучим влиянием и по крайней мере устранил кровопролитие, как-то примирил враждующие стороны. С другой стороны, султан Ералы, как прирожденный дипломат, обладавший интуицией, более глубоко вникнул в суть происшедшего убийства, на месте изучив обстоятельства гибели хана, и пришел к убеждению, что Барак не мог решиться на страшное преступление, если бы он не заручился согласием других недругов убитого. Дорожа мнением султана, Оренбургский губернатор донес в Коллегию иностранных дел: «...Эрали солтан ... точно изъяснился, что отец их, Абулхаир хан, *не одним Бараком убит* (выделено нами – Ж.К.), но были же и с той орды многие, которые тому убийству согласовали, а некоторые из них и своими руками над ним действовали...». Султан, пользовавшийся немалым влиянием в Среднем жузе, получив

печальную весть о кончине своего отца, убеждал кереев свести счеты с Бараком и его окружением в соответствии с законом «Жеты жаргы», «... и как он, Эралы, еще будучи в той Орде... гирейцам стал говорить, чтоб они смерть отца ево отместили и Барака б с женою и детьми ево, поймав ему отдали, так как ево те гирейцы не любили, однако ему отказали...» [30.]

Султан Эралы, в большей степени знакомый с опытом ведения переписок, донесений и других официальных документов, и на сей раз мог сыграть действенную роль в ускорении избрания Нуралы правителем Младшего жуза в невыгодных для клана Абулхайра условиях. Сторонники небезызвестного Кайыпа собирались выбрать ханом его сына, султана Батыра, которого наряду с видными султанами, батырами поддерживал сын знаменитого бия Айтеке-Жалбыра Коншыбай [31]. Неожиданно, 2 октября 1749 г., родоправители юго-западного побережья Аральского моря «учинили выбор» Батыра ханом и по этому случаю «по своему обычаю, прочтением молитвы» [32].

Сыновья Абулхайра спешили решать вопрос об избрании Нуралы, и в связи с резкой активизацией действий И. Неплюева по расширению своих полномочий воспользовались уходом с политической арены своего оппонента, сумевшего до своей смерти отстоять обособленность обширного владения. «Разумный, деятельный, но строгий до жестокости, ... тот же Неплюев заботился о колонизации Оренбургского края русскими людьми всякого сословия...» [33], — писал впоследствии генерал-майор казачьих войск И. В. Чернов. Все это в совокупности и побудило Эралы и Кожамету обратиться к полковнику А. И. Тевкелеву с настойчивой мольбой удовлетворить прошение их матери о констатации ханом старшего их брата Нуралы. Документ, составленный с поразительной азиатской утонченностью, витиеватым слогом, обрисовывал состояние Младшего жуза после кончины Абулхайра. Главное предназначение довольно подробного письма состояло в убеждении Оренбургского губернатора в правильности выбора кандидатуры Нуралы и соблюдения устоявшихся веками обычаев.

Нет сомнений в авторстве этого эпистолярного источника — Эралы султана, более сведущего в этом жанре, чем кто-либо другой из бывших соратников Абулхайра. «... Совместно с нашим братом желаем согласно божьим повелением искренне служить все милостивейшей нашей государыне императрице, в этом мы все стоворились..., готовы служить, жертвуя собой» [34].

Фрагмент письма многозначительно говорит о главной цели Эралы, его брата и матери — подтвердить резолюцию народного собрания об избрании Нуралы правителем жуза.

Ушел из жизни Барак, рано покинул этот бранный мир его младший брат Кожамет. Нуралы стал властвовать как

полноправный хан огромной территории. В этот момент братья, как и прежде, действовали слаженно, опираясь на умную мать. Но мешало одно обстоятельство.

Согласно принятой традиции вновь избранному хану предписывалось обеспечить отправку одного из своих законнорожденных сыновей, в качестве аманата, в Оренбург. Нуралы от 17 жен имел многочисленное потомство. Однако хан не торопился с отправкой аманата, которого с нетерпением дожидались в Оренбурге. Очевидно Нуралы, оберегая своих отпрысков, домогался замены своего сына одним из детей Эралы. «Да и брат ево ханской Эралы солтан по совещании своем, как он хан объявит своего сына не даст же; до того он хан с ними Эралием в холодности сделался; следовательно, еще хан и впредь на него Эралия надежда в том худа» [35].

Заметное охлаждение во взаимоотношениях возникло между братьями в связи с явным отказом нового хана направить в Оренбург в указанном качестве старшего своего сына Есима и заменить его «малолетним Магометом», что породило «великое затруднение» [36]. В скором времени умеренное разногласие было преодолено, Неплюев добился присылки в Оренбург одного из старших сыновей Нуралы, который, кстати, приложил немало усилий к скорейшему освобождению самого Эралы из неволи каракалпаков. 22 марта 1750 г. в Оренбург дошло «подлинное известие о свободе с полону Эрали солтана», поспешившего в улус Попай ханши, Нуралы же «учинил с ними (каракалпаками — Ж.К.) мир, со всяким почтением...» [37].

После гибели отца Эралы по своей воле с честью отказался от предводительства над вышеуказанными родами Среднего жуза, и теперь управлял торткаринскими и шомекейскими родоподразделениями Младшего жуза. Восстание Сырыма Датова, с одной стороны, всколыхнуло массы против расширяющейся колонизации Младшего жуза, с другой, его непоследовательная раскачка относительно судьбы ханской власти в этом этно-политическом объединении, открытая вражда с потомками Абулхайра, личная неприязнь к Нуралы — усугубили политическую ситуацию. За устранением его законной власти последовало в скором времени политическое изгнание в ссылку, в далекую Башкирию, в Уфу. Сложившееся обстоятельство изрядно обострило конфронтацию социальных категорий внутри казахского общества, объективно облегчив действия Оренбургской администрации. Единственным из родных братьев покойного хана, несмотря на свой преклонный возраст выступивший как против российской политики, так и против Сырыма Датова, оставался тот же невозмутимый Эралы.

В начале августа 1786 года через два месяца после расправы с Нуралы озлобленные странным альянсом Сырыма и барона Отто фон Игельстрома, сторонники Ералы схватили батыра С. Датова; “сверх чаяния нашего Нуралы хана дети с родственниками вора Ишкары, Утивлием, Абдулом, Дюламан, будучи в 110 человек, при проездах для соединения с Ералы солтаном, повстречавшись с ним Сырымом батыром, в степи поймав увели”[38]. Это донесение О.Игельstromу было подписано близкими соратниками Сырыма — Турмамбет бием Шубалы, сыном Минат бия.

Барон, которому не без содействия Сырыма Датова удалось отлучить от власти потомка Абулхаира и нанести чувствительный удар институту ханской структуры управления, получив известие о пленении Сырыма сторонниками Ералы батыра, направил Екатерине II срочное донесение о принятых им для его освобождения мерах: “Ералы солтан с прочими солтанами сделали между собою положение ... чтоб лишить Сырыма батыра жизни ... доколе он не даст батыру свободы не может он (Ералы — Ж.К.) пользоваться тем отличием, чтобы его представления мною приняты были”[39]. Далее О.Игельstrom, раскрывая свою решимость в оберегании С.Датова, сообщал императрице о своей решимости: “непременного, без малейшего отлагательства” освободить из плена Ералы байбактинского батыра, а “в противном случае должен он (Ералы — Ж.К.) сам себя винить”.

Екатерина II, не так уж давно добивавшаяся от Оренбургского своего сатрапа применения в отношении “мятежника” Сырыма Датова крутых мер, вдруг оказалась на его стороне, требуя от Ералы без промедления выпустить его на волю, без каких-либо предварительных условий. 12 ноября 1786 года из Петербурга в Оренбург срочно был доставлен рескрипт императрицы: “Не упустите сильнейшим образом дать почувствовать Ералы султану, что дальнейшее же задержание им помянутого Сырыма батыра подвигнет на него праведный наш гнев, и всемерно настоять, дабы он немедленно отпустил в орду свободно и безвредно”[40].

Сырым Датов был освобожден. Однако оппозиция султана Ералы, вокруг которого сгруппировались многие сторонники восстановления ханской власти, расширяла свои ряды. Ералы, волей неволей, становился во главе общенародного движения против российской реформы по управлению Младшим жузом, “слыв бунтовщиком против своего государя”, и 4 августа 1787 г. полковник Д.А. Гранин обратился к Ералы с просьбой прекратить борьбу с правительством. “Означенный генерал (Игельstrom — Ж.К.) удивляется: будучи Ваше высокостепенство верноподанным ее императорского величества Анне, взяли на себя имя бунтовщика и злым против же командующего здешним краем генерала...”. Продолжение же гневной, грубо составленной депеши полно угроз,

намеков на готовность употребить силу подавления народного протеста. “Вашему высокостепенству довольно известно о высокостепенном российском оружии, и по всему вы навлечете на себя такой монарший гнев, не только Ваша воровская партия потерпит погибель, но прочие роды Ваши...”[41].

Угроза не возымела действия на широкую оппозицию. Ералы, разезжая по аулам, сколачивал вооруженные толпы, однако и ревнители Сырыма и местные старшины, получившие должности, удостоенные привилегий от барона, под видом борьбы против потомков Абулхаира, вносили раздор в среде оппозиции. Тем временем, Оренбургская администрация разослала приказание комендантам южноуральских крепостей сосредоточиться в назначенных пунктах, быть готовыми выступить против “бунтовщиков”. Командиры отрядов в Танальцкой крепости — майор Шукин, в Орской — майор Семичев, Гирьяльского редута — премьер-майор Панов, были предупреждены о возможных военных действиях против Ералы.

В донесении от 9 ноября 1787 г., барон О. Игельstrom вынужден был констатировать факт массового неповиновения русской власти как протест против его реформы. Барон признавал единодушный протест против административно-судебных нововведений, преимущественно со стороны потомков Абулхаира. “...Ни единый из них не приступил к сему новому преобразованию Орды, почитая тем себя безмерно обиженным и униженным... Но число их в Орде до 150 человек, более 40 лет правили ордою в своих руках”[43].

Тем временем благодаря упорству и непрестанным усилиям Ералы удалось собрать “великое число киргиз-кайсаков”, намеревавшихся произвести “подбеги к границам”. В связи со смелыми действиями Ералы, основная масса сил которого сосредоточилась в урочище Кызылтал, О.Игельstrom велел Гранкину “составить особенный департамент..., иметь всемерное бдение о недопущении злодеев к произведению намерений своих”[44].

Борьба против клана Абулхаира, ярким представителем которого продолжал являться тот же султан Ералы, не обещала политический выигрыш, не говоря о несбыточности военного сокрушения народного движения под его предводительством в условиях чрезвычайной разбросанности казахских аулов по безбрежным степям.

Реформа же Отто Игельстрома показала жизнеспособность кочевой общины при устойчивом сохранении традиционных институтов правления. В такой обстановке престарелая императрица, осведомленная о ситуации в Казахстане, осознав реалии того времени, когда потомство Абулхаира продолжало довольно цепко держать управление родами в своих руках, решила

возродить ханство, и, отвергнув кандидатуру барона — сына Кайыпа султана, согласилась возвести на трон “бунтовщика”, сына Абулхаира — Ералы, человека уже в летах.

Намерение Екатерины II породило невероятную панику среди антиханской оппозиции, и они, не мешкая, поспешно обратились к ней воздержаться от этого, по их мнению, сопряженного с риском шага. 4 января 1791 г. ряд султанов и старшин направили императрице прошение отказаться от своего намерения. “...Вы же прислали нам повеление избрать ханом такого Вашего врага (Ералы — Ж.К.). Мы в затруднении: избрать его ханом не можем, ибо он Ваш враг, а не избрать тоже не можем, ибо тогда ослушались бы Вас..., он стар, болен, выжил из ума, физически слаб, и он не способен разрешать дел российского и киргиз-казахского журта”[45].

Старшины, султаны, подписавшие жестко составленное послание, по существу, выразили сомнение в правильности выбора императрицы, отговаривая ее от этого решения, и добивались разрешения “избрать ханом человека молодого, способного...”. Причем, внимание царицы было обращено на соблюдение своеобразной устоявшейся практики выбора кандидатуры правителя представителями местных народов. “Вы Вашим подданным, — писали авторы петиции, — башкирам, мешчерякам, тептярам, черемисам, чувашам, калмыкам, черкесам и прочим, предоставили право избрания себе в начальники того, кого они пожелают. Неужели Вы нас ставите хуже их, мы Вас от чистого сердца считаем своей матушкой”[46].

Умная императрица настояла на своем, и выбор ханом султана Ералы стал вопросом времени. К тому же царица удачно воспользовалась моментом: смерть Нуралы в 1790г. в Уфе дала ей повод вновь обратиться к клану Абулхаира и подкрепить свое намерение видимым проявлением уважения к исторической традиции. Новый генерал-губернатор А.А.Пеутлинг, заменивший Игельстрома на этом посту, также выразил поддержку Ералы.

И в степи, и в Оренбурге отчетливо понимали нереальность изменений выбора императрицы и начали лихорадочную подготовку к проведению процедуры избрания нового хана после пятилетнего перерыва со времени ссылки Нуралы в Уфу. Общее руководство по проведению выборов хана было поручено генерал-поручику, правителю Уфимского наместничества Пеутлингу; доставка же орудийных расчетов по этому случаю была возложена на Оренбургскую артиллерийскую команду.

4 августа 1791г. А.А.Пеутлинг распорядился “в момент избрания Ералы ханом, для торжественности сего случая произвести салюты из орудий, а для этой надобности приготовить” «сигнальных приват и за высочайшее ее и. в. и всего императорского двора здоровье и

протчих потребных выстрелов” из склада упомянутой артиллерийской команды Оренбургской экспедиции. “Вытребовать” пороху 16 пудов, для зарядов “армяку” — 170, свеч палильных — 35 фитилей, трубок скоропалительных 350, “на пыжи, пени, таким 6 пудов”[48].

Со времени кончины Абулхаира место избрания казахских ханов назначалось Оренбургскими губернаторами. 10 августа 1791г. был отправлен в Орскую крепость “с пристойным конвоем” полковник Оренбургского драгунского полка граф Меллин для “избрания в степи” удобного места на предмет расположения лагеря, на случай, если придут гости, сопровождающие престарелого кандидата на ханство. Местность была выбрана в 16 верстах от крепости, на берегу р. Орь, о чем проинформировали А.А.Пеутлинга. 20 августа генерал-поручик и кавалер А. Пеутлинг для инспектирования той местности со свитой выехал в Оренбургскую степь и встретил посланцев Ералы, вручивших последнему письмо султана. Поручик Елдибай и старшина Тлеубай, представлявшие интересы Ералы, присоединились к кортежу генерала. По прибытии в Оренбург официальные переговоры были продолжены, собравшиеся рассмотрели положение в казахских жузах, в контексте выявления позиций различных прослоек в обществе на предмет избрания Ералы правителем Младшего жуза. Доверенные лица претендента на ханский трон довели до сведения А.Пеутлинга просьбу султана как можно скорее прибыть в Орск для присутствия в намечаемых по предстоящему случаю мероприятиях[49].

Пока дети умершего в 1790 г. Нуралы оставались в негласной ссылке, достичь должного взаимопонимания было нелегким делом. И с целью сглаживания недоразумений во взаимоотношениях дома Нуралы и Оренбургской администрации А.Пеутлинг обратился в Коллегию иностранных дел с прошением разрешить детям и слугам почившего хана вернуться в свои аулы, в последующем обеспечив их солидарность относительно поддержки Ералы. Еще 5 августа дальновидная императрица, которой осталось-то жить всего несколько лет, одобрила предложение А.Пеутлинга и «соизволила пребывающих до того времени» в г. Уфе детей покойного — Бегалы, Артыкгали, а также их слуг Атака и Кожу отпустить восвояси[50]. Императрица щедро наградила опальных ханских отпрысков, “пожаловав первых двух” премьер-майорами, последнего — Кожу султана — чином капитана. Не забыли вдоволь обеспечить всем необходимым на путевые издержки, более того, “приказано сделать дополнительное им серебряное награждение, во исполнение ее высочайшего повеления”[51]. “Журнал учинения о возведении киргиз-кайсацкого Младшей Орды Султана Ералы в ханы”, содержащий ранее неизданные документы об избрании второго

сына властелином одного из крупных жузов, является ценным источником, воссоздающим мельчайшие подробности этого события.

Прибытие в свои родоподразделения сыновей Нуралы было воспринято Ералы султаном с нескрываемой радостью; племянники его – Бегалы и Артыкгали решительно поддержали своего дядю Ералы, который сделал больше, чем другие султаны из клана Абулхаира для поддержки их отца – Нуралы до его кончины.

Однако Ералы, будучи в преклонном возрасте, интуитивно сознавал вероятную негативную позицию Сырыма Датова и его окружения. Архивные данные не позволяют установить, обращался ли Ералы как замечательный дипломат к противнику фамилии Абулхаировых – Сырым. А. Пеутлинг, помнивший печальный опыт в проведении реформы 1785-1787 г.г. бароном О. Игельстромом, реально представляя позицию Сырыма Датова, в целях нейтрализации последнего направил в его аулы своих представителей, как и другие видные султаны, которые также отрядили к знаменитому батыру Нурмухамет ходжу и Борамбая мырзу. В числе сторонников, предлагавших согласовать свои позиции об избрании хана с Сырымом, мы видим влиятельного султана Габдулгазиза. Как донесли посланцы А. Пеутлинга, по этому поводу собравшийся в ауле Сырыма мажлис изъявлял свое несогласие на избрание Ералы султана ханом[52]. Представляется установленным факт о решающей роли врага дома Нуралы – Сырыма, в отклонении Ералы на ханство в своих аулах. И на сей раз главный старшина Сырым, на которого некоторое время рассчитывало Оренбургское начальство, не изменил прежнюю свою позицию и подговорил своих единомышленников отвернуться от Ералы, ибо по прежнему опыту понимал рискованное состояние нового претендента, “когда хотя малое число может сделать выполнение высочайших е.и.в. повелений остановку несогласившимся главным старшиной Сырымом”[53].

Уфимский наместник, отводя протест старых недругов клана Абулхаира, продолжал усилия по избранию Ералы ханом. Генерал позаботился и о денежном содержании султана Ералы в лагере, отведенном для его свиты, – 25 рублей, выделенных Оренбургскому гарнизонному прапорщику Гуляеву на удовлетворение повседневных потребностей султана, что явилось признаком особого к нему благоволения. 3 сентября 1794 г., по предписанию А.А. Пеутлинга, к нему доставили семь баранов, две четверти ржаной муки, два пуда круп, шесть фунтов сахара, полфунта чаю, двадцать лимонов, десять арбузов, шестьдесят яблок. Его брат Айшуак, двоюродные братья – султаны Есим, Пиралы, также не были обойдены, они получили по кувшину бальзама, по полфунта чаю, по пять фунтов сахара, по десять лимонов[54].

Заметная холодность к двоюродному брату Абылаю – сыну Нуралы со стороны клана Абулхаира, побуждала губернатора держаться от него на дистанции. Дело в том, что находившийся в Оренбурге в аманатах еще с 1784 г. султан Абылай, часто посещая дом князя, Оренбургского губернатора А.А. Путятина, “получил большую склонность к порядкам” русских: одевался по-европейски и принял христианство[55], что породило множество слухов в степи, заметно потрепав престиж Нуралы хана среди своих соплеменников. И пограничное начальство, вынужденное согласиться на замену его другим сыном хана – Пиралы, разрешало ему вернуться в свой аул.

А.А. Пеутлинг, возможно, был знаком с княгиней Тойкары, дочерью Нуралы, под влияние которой одно время попал всемогущий Оренбургский губернатор барон О. Игельстром. Эта женщина умом и красотой много содействовала успеху потомков Абулхаира. Она проживала в Оренбурге с мужем, служившим в пограничной экспедиции, посетила Петербург, “вообще усвоила себе наружный лоск цивилизации”, хотя одевалась по-азиатски[56]. Во всяком случае, генерал-поручик использовал все возможные каналы с целью временного сплочения клана Абулхаира, для обеспечения спокойного избрания Ералы и изоляции поборников Сырыма, неустойчивая позиция которого заставляла вздрагивать колониальную администрацию, которой вовсе не хотелось бы иметь дело со степным карбонарием.

А.А. Пеутлинг с немецкой педантичностью выполнил все предписания дряхлой по годам, но еще с ясным умом, Екатерины. И вот, по прибытии многочисленных представителей родоплеменных объединений, биев, султанов, фон Пеутлинг на 4 сентября 1791 г. назначил церемонию избрания ханом Ералы. В 8 часов утра того дня грохот трех пушек возвестил собравшимся о начале торжественного избрания нового претендента на престол[57]. Орудийный гром означал, чтобы обер-офицер “с пристойным числом конвоя оповестил Ералы и его свиту, и протчих людей” о прибытии на условленное место, в пяти верстах от лагеря. А. фон Пеутлинг “со своими штабс-офицерами”, с нетерпением ожидал казахскую депутацию. Уфимский наместник, опытный администратор, зная склонность восточных владык к пышности, распорядился направить особый конвой для сопровождения султанской кареты – эскадрон драгун и двести казаков. Все это должно было ошеломить “степных дикарей”, отнять их волю к возможному сопротивлению, превратить “дитя природы” в послушное орудие тех, кто, сверкая золотыми эполетами, брезгливо поглядывал на “киргизское общество”.

К великому огорчению собравшегося народа, никакого избрания хана так и не случилось. Веками свято оберегавшийся обычай

вознесения претендента на белой кошме был обойден царскими чиновниками. При полном молчании собравшихся уфимский наместник “приказал прочесть высочайшую ее и. в. киргиз-кайсацкому народу грамоту”.

Барон фон А. Пеутлинг, видя унылое настроение казахских старшин, поспешил объявить об избрании Ералы полноправным правителем “по старшинству ханской фамилии”, а представитель императрицы не преминул проинформировать народ “о личных достоинствах и верноподданническом усердии к престолу е. и. в.” [58], хотя все присутствующие осознавали истинную суть назначения его ханом сверху, бывшего “бунтовщика”, доставившего немало хлопот Петербургу своей оппозицией к колониальному режиму, и не так уж давно добивавшегося возвращения опального Нуралы из Уфимской ссылки.

Ничем не прикрытый фарс с “избранием” этим не закончился. Ералы и Пеутлинг “отошли от собрания”, и через некоторое время явившееся к ним депутатство из султанов и старшин донесло “об единодушном избрании Ералы ханом” [59]. Генерал поздравил вновь избранного хана и пригласил его с султанами, старшинами и “лутчими людьми к обеденному столу”. В то самое время грохнул орудийный раскат в пятьдесят один выстрел “для неувядаемой славы монархии и во изъявление благодарности...ее попеченье о благоденствии всего верноподданного народа”.

Таким образом, избрание Ералы ханом, как, в свое время верно замечал Л. Мейер, было “чистой комедией” [60]. Обряд выборов с такой поспешностью был исполнен узким кругом. Очевидцы сходились в том, что лишь прежние заслуги популярного в степи султана и его принадлежность к прямой кровной родственной линии Дома Абулхайра обеспечили вознесение его на трон.

“Для избрания хана мы ехали на народный Совет за 100 верст. Однако на выборы нас не допустили, хана выбрали сами, без нашего согласия. Мы разъехались недовольными...” — так выразила свое недовольство группа султанов и старшин в прошении на имя Екатерины [61]. Кроме сторонников Сырыма протест также заявил сын небезызвестного Кайып хана — султан Абулгазы [62].

Тем временем политический спектакль продолжался. В позолоченных экипажах, с почетным конвоем, Ералы в пурпурном ханском одеянии и его свита выехали на берег р. Ор, где готовился торжественный обед.

Специально выстроенный караул отдал ему честь с “барабанным боем”, остальные старшины и “лутчие люди” приехали “верхами”. Хан с султанами и другим близким окружением “кушал в ставке” А. Пеутлинга, а человек до 200 “были удовлетворены обедом на траве, по их обычаю, нарочно приготовленным для них” [63].

“При питие” была произведена громкая пальба за здоровье наследника престола Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны — 21 пушечный выстрел; их высочеств, великих князей Александра Павловича и Константина Павловича; великих княжен Александры Павловны, Елены Павловны, Екатерины, Марии Павловны — 11 выстрелов: чуть погодя, затем уж за вновь избранного хана, для кого и была устроена вся эта затея, — 7 выстрелов. Застольные торжества продолжались три часа [64].

Вокальная и духовая музыка, людские голоса и оркестровый шум разносились за несколько верст, чтобы обласкать чингизидов и публику, ничего не жалели, все подавалось с невиданным размахом. Кочевники, никогда не видевшие подобное веселье, были ошеломлены, подавлены, а тем временем грохот артиллерийских орудий-зеленых ящиков — настолько подавлял волю даже устойчивых противников Ералы, что и они молча все это сносили. Вскоре лакей в позолоченной ливрее подал кофе, чай. По окончании всего этого хан “изъявил благодарность за оказанную ему монаршую милость”, возвратился в свой лагерь, в степь, в том же экипаже и с прежним конвоем [65].

Не успела рассеяться дорожная пыль от пышно снаряженного ханского экипажа, как хозяйственные чиновники подсчитали убытки. В тот день “употреблено” было для стола: один бык, пять баранов, два ведра простого вина, пива 5 ведер; в ханский лагерь доставлены “для угощения киргиз-кайсаков” — 1 бык и 20 баранов, четыре ведра вина, 10 ведер пива. Тот день ознаменовался заметной победой нового хана — “нарочные, посланные” к Сырым Датову возвратились с утешительной вестью об откочевке батыра с семьей и его близкими соратниками в другой регион, и 40 человек, до того времени с ним находившихся, также откололись от него [66].

Ералы, ослабленный годами неустанной борьбы с враждебной оппозицией, состарившийся от непосильных забот, наконец облегченно вздохнул, теперь он мог спокойно, опираясь на прежний опыт, продолжить переговоры с А. А. Пеутлингом.

Старый дипломат верно угадал: на следующий же день, 5 сентября, хан, его престарелый брат Айшуак, старший сын Нуралы — Есим султан со многим числом старшин и прочих людей были приглашены наместниками для обсуждения взаимных между российскими и киргиз-кайсацкими народами претензий. В ходе обмена мнениями сошлись на том, чтобы «частным претензиям сделать ныне же удовлетворение», по сложным, противоречивым моментам “делать выpravку...” [67].

Пеутлинг понимал изворотливость Ералы, его долголетний опыт по ведению индивидуальных бесед. Да и эпоха последней четверти XVIII в. претерпела перемены, когда проявления просвещенного абсолютизма Екатерины II начали проникать и в далекие казахские

степи; российская же сторона, обеспокоенная крахом реформы О. Игельстрома, убедилась в бесплодности прямого натиска на мощный, разветвленный клан Абулхаира, а потому выбрали более приемлемые, замысловатые формы воздействия на степную аристократию, всякими средствами переманивая на свою сторону влиятельных биев, старшин, а также султанов по боковой линии.

То, что по предложению А. Пеутлинга, в дальнейшем “положило иметь письменные сношения и затем с обеих сторон “всевозможные к исполнению согласованные позиции”, давало заметное преимущество ханской стороне, ибо односторонние решения Оренбургских чиновников, на основе которых снаряжались в степь воинские контингенты, зачастую заставляли мирные аулы врасплох, обуславливали их откочевку в глубинные районы степи, усиливая вражду к новым порядкам, пополняя ряды, к примеру, открытой оппозиции.

Прежде прямые контакты ханов Младшего жуза с Оренбургским начальством носили отрывочный характер отчасти из-за кочевого образа жизни, когда выполнение ханских функций осуществлялось как-то своеобразно, в процессе массовых передвижений соплеменников. Председатели пограничных комиссий, позже губернаторские канцелярии терялись в догадках в поисках определения локальных сосредоточений летних ставок ханов. На информацию Ералы, что он будет иметь свою ставку “на прежнем месте, в вершинах Сырдарьи”, генерал-поручик в вежливой форме выразил недоумение, напомнив о сложностях, могущих возникнуть в решении “междоусобных претензий”, если тот выберет место для резиденции “в такой отдаленности от границы” [68]. Более того, А. А. Пеутлинг не на шутку опасался того, что осложнение контактов с престарелым правителем, его вероятная самоизоляция, в условиях постоянной подвижности кочевников может вдохновить ревнителей независимости на непредсказуемые действия. И в данной связи генерал-поручик, как зафиксировано в документе, высказался в таком духе, что такое удаление хана, помимо других обстоятельств, вызовет остановку в делах киргиз-кайсацкого народа, не считая трудностей доставки к хану различных документов по переписке, которых трудно будет избежать. Но старому дипломату удалось склонить генерала к компромиссу, — для “лучшего приобретения доверенности (доверия — Ж. К.) киргиз-кайсацкого народа иметь пребывание (Ералы) посреди орды”. Была достигнута позиция, что хан в течение месяца будет находиться “при границах”, для удобства обсуждения накопившихся проблем. Одобренный некоторыми уступками хана, Пеутлинг для его угощения распорядился “отослать” восемь баранов [69].

Екатерина II, располагавшая достоверной информацией о

положении в смежных с империей районах, одобрявшая избрание Ералы ханом, не без оснований полагала возможным достижение основной цели — ослабление политической обособленности северо-западного края посредством учреждения ханского совета, который, в случае физической немощи Ералы, как послушное орудие мог заменить ханские prerogatives. Вновь создаваемое учреждение существовало со времени образования казахской государственности. Однако отличие в тот период этого совещательного органа заключалось в полной его подчиненности казахским ханам ввиду их назначения по усмотрению степных правителей.

Вариант, предложенный императрицей, предусматривал ввести хитроумную комбинацию — члены ханского совета теперь рекомендовались от трех основных родоподразделений: Байулы, Жетыру и Алимуды, при этом утверждение их кандидатур передавалось царским губернаторам.

6 сентября 1791 г. А. Пеутлинг прикомандировал в лагерь Ералы капитана Кабрита с наставлением “... для изъявления императорского величества воли” о необходимости выбора в совет “из трех главных родов” по два человека, а также депутатов, как от него хана так и от всего “киргиз-кайсацкого народа (Младшего жуза — Ж. К.)” [70]. Депутацию намечалось снарядить в далекий Петербург “с прошением” Екатерине II для утверждения Ералы “в сем достоинстве”.

Ханский совет был констатирован в тот же день, депутация была представлена на усмотрение генерала чуть погодя: султаны Агым, Абылай — сыновья Нуралы хана. В столицу решено отправить небольшую миссию — Бегалы султана с одним при нем служителем. Посольство было снаряжено в Петербург в октябре 1791 г., туда перед самой отправкой ввели еще одного тюленгута. В Оренбурге члены комиссий были обеспечены “приличною одеждою”. Тут же к ним “представили” секунд-майора, барона Аша. 4 декабря 1791 г. ханское посольство, завершив необходимые приготовления, двинулось в дальний путь через Уфу, которую достигли 6 февраля, а следующий крупный город Казань — в середине месяца [71].

Приближался исход переговоров. 7 сентября А. Пеутлинг отослал к Ералы 49 баранов и 3 быка, а трем султанам из его свиты — вина, водки, по кувшину бальзама. В тот период Пиралы султан, двоюродный брат хана, управлял туркменами и, по-видимому, не без рекомендаций хана, “прислал” к Пеутлингу, на имя Екатерины II, “всепопданнейшее прошение о принятии со всем Трукменским народом под высокое августейшее монархини покровительство и подданство” [72].

Так Ералы стал ханом Младшего жуза, его правление оказалось выгодным для России, с точки зрения расширения сферы влияния

империи. По подсчетам ревизоров в дни избрания Ералы Оренбург израсходовал 3664 рубля 55 коп.[73] 13 сентября А.Пеутлинг, выполнив возложенную на него императрицей миссию, закрепив позиции России, пошатнувшиеся в годы правления О.Игельстрома, воротился в Уфу[74].

Таким образом, Ералы оказался на троне в совершенно иных обстоятельствах, нежели его выдающиеся предки. С этого времени правительство перестало считаться с древним обычаем вознесения кандидатуры на ханство на белой кошме.

Усиление военно-политического присутствия России в Младшем жузе и смежных землях обеспечивало колониальной администрации без особых напряжений и демонстрации мускулов утверждать или “избирать” такого чингизида, который хотя и не устраивал в личном плане и принадлежал к клану Абулхаира, но отвечал долговременной стратегии империи – подчинение обширного края. В результате такой системы, в ханы Младшей орды избирались такие почтенные старцы, как хан Ералы, Айчувак, которые по своей дряхлости не могли управлять ордою. В киргизских ханах правительство желало видеть исполнителей своей воли и “превращало их в слепое орудие своей политики в Орде”[74] – так охарактеризовал положение, сложившееся после избрания Ералы и мотивы его выборов исследователь А. Ф. Рязанов[75].

Одряхлевший Ералы, хотя и подписывал выгодные для себя двусторонние соглашения с А. А. Пеутлингом, увы, не годился для административного управления Младшим жузом в такой сложной ситуации, когда колониальные прорывы царизма в регионе зашли так глубоко, что подобная тенденция могла быть ослабленной лишь при чрезвычайно энергичном правителе, при условии консолидации социальных категорий общества.

Как ожидалось, трехлетнее кратковременное правление когда-то умного, ловкого своеобразного дипломата теперь проходило бесцветно, вяло, оно не ознаменовалось яркими событиями, да и движение рьяного оппонента клана Абулхаира – Сырыма также заглохло, ограничиваясь лишь словесными перепалками с отпрысками великого хана.

Деятельность Ералы в основном ограничивалась борьбой “с киргизскими ворами”, нападавшими на приграничные деревни, угонявшими скот, слегка раздраживая комендантов Яицких и других военно-опорных крепостей.

Создание спокойной обстановки в степи было необходимо Оренбургской администрации для мирного “завоевания” огромного региона, через который пролегал путь в Хивинские пределы, в соседний Средний жуз. Ералы согласился с предложением А.Пеутлинга, “в страх и в пример другим разбойникам” вносить по 300 рублей за каждого “умершего в киргиз-кайсацкам плену

русских людей”[76]. Ханская власть явно переживала агонию, как и жизнь самого глубокого старца Ералы. Не прошло и полных трех лет, как он сел на трон, 26 июня 1794 г. от Оренбургской экспедиции пограничных дел поступило донесение об его кончине. Генерал-поручик Христофор Трейдан, находясь в Оренбурге, проинформировал об этом А.Пеутлинга, при этом он сослался на известие от “нарочно направленных” от сына Ералы – Темир султана и старшины Тагая. Тело умершего хана намеревались предать земле “возле отца, где мечеть построена”[77]. Уфимский наместник опасался, как бы внезапной смертью Ералы не воспользовались другие противники России, прежде всего один из сыновей Нуралы хана, энергичный султан Каратай, которого многие роды теперь почитали как законного правителя. Потомки Абулхаира по-прежнему представляли собой реальную силу и могли решиться на выдвижение из своей среды единой кандидатуры на трон, сплотив общество против жесткой тактики России.

Именно в духе настороженности следует воспринимать немедленную реакцию А.А.Пеутлинга на смерть хана. И 29 июня 1794 г. он распорядился отослать в Оренбург собственную инструкцию: “по случаю впоследствии бывшей кончины Ералы хана благоволить Пограничной экспедиции немедленно отправить в орду, во все главные роды надежных конфиденентов, под видом других каких-либо поручений для точнейшего разведывания, какие по оной, впоследствии того смертного случая, происходят слухи, замыслы и намерения, о чем бы возвратясь, немедленно донести в экспедицию, которая и благоволит оное доставить неукоснительно ко мне”[78].

Усердный и осторожный А.А.Пеутлинг, находясь в Уфе, достаточно изучивший жизнь народов Зауральской окраины, неплохо был осведомлен о положении дел в вверенном ему крае, опрометчиво полагая оставить в безвластии Младший жуз. Поэтому он счел целесообразным до избрания нового хана переложить традиционные его функции на ханский совет, учрежденный еще в 1791 г.

Второе его письмо было адресовано Оренбургской экспедиции пограничных дел, дата написания та же: 29 июня 1794 г. Чтобы верно представить себе замысел и другие возжеланные цели уфимского наместника, мы приводим текст его обращения с небольшим сокращением: “Нарочно отправленное мне верноподданнейшее е.и.в. донесение, что до получения высочайшего мне монаршего предписания, какие дальнейшие при сем случае воспринять меры, препоручу я управление ордою учрежденному по повелению все милостивейшей государыни ханскому совету, в котором подробно утвержденные по монаршему соизволению к управлению родами... предполагаю Пограничной экспедиции в том предписать

от себя всем султанам и старшинам тот совет, чтоб они собрались для начальственного управления”[79].

Тем временем, и влиятельные бии, и популярные в степи батыры, и старшины также не дремали, лихорадочно выискивая различные варианты удержания власти в руках внутренней чингизидской элиты, в то же время остерегаясь грозного окрика Петербурга. “Нижайшее донесение”, поступившее вскоре после кончины Ералы хана, выдержано в спокойном тоне, оно содержало просьбу позволить им избрать другого правителя: “Алимулынского рода старшины, батыры и мурзы нас известили, что Ералы султан скончался... просим, дабы к нам был выделен другой хан, избрание в ханы достаточно (известно – Ж.К.) султанам...”. Представители старшин прикомандировали в Оренбург, в Пограничную экспедицию Кулдубай батыра[80], как взаимоприемлемого полномочного их представителя.

Смерть глубокого старца не вызвала особой печали среди номадов, отчасти это объяснимо безразличием масс к хану, в связи с физической его немощью, находившемуся в состоянии глубокой апатии, который последние месяцы своей жизни управление жузом доверил уазирам и членам ханского совета.

Высказывание П.И.Рычкова, скончавшегося еще в 1777г., долгая и кропотливая служба которого в Оренбургской губернской канцелярии в степи позволила ему оставить потомкам весьма ценные наблюдения о местных государственных деятелях, верно определяет отношения кочевников к ханам. Он писал, в частности: «Киргизцы ханов своих слушают токмо тогда, когда хотят, паче когда видят в том свою пользу[81]. Он метко характеризует отношение большей части номадов к своим повелителям.

В данном случае мы выразили свое суждение относительно Ералы хана применительно к последним годам его жизнедеятельности. Однако в соответствии с изложенным материалом, совокупно представляя всю гамму его яркой, незаурядной личности, мы должны выделить его, как одну из выдающихся личностей в истории дипломатии Центральной Азии той сложной эпохи.

Имя султана Ералы прежде всего войдет в плеяду государственных деятелей нашего Отечества как замечательного дипломата. Его превосходное личное свойство, удивительные качества степного чингизида отчетливо проявились еще в 30-40-е годы XVIII в., т.е. в пору его молодости, в годы разрешения судьбоносных проблем, связанных с острыми международными конфликтами, в контексте дифференциации позиций трех казахских жузов, России, Джунгарии и Цинской империи.

Исследователи, изучавшие важнейшие вехи истории народа, вкратце упомянув известную грамоту Анны Иоанновны 1734 г. о

принятии Старшим жузом Российского подданства, явно предавали забвению тот неоспоримый факт, что творцом всех этих согласованных позиций, особенно, что касается принятия части каракалпаков в состав многонациональной империи, являлся не кто иной, как Ералы.

Переговоры казахских правителей 1738, 1740 и 1742 годов вошли в историю казахской дипломатии позднефеодальной эпохи, как сложный, неординарный этап, объективно укрепивший сферы влияния империи в районах принудительного признания власти России. Относительно решения и реализации процедурных сюжетов Абулхаир, которому, между прочим, также были присущи дипломатический такт, восточная терпимость и сдержанность, оставляя за собой общеполитическую стратегию в выполнении конкретных задач, целиком полагался на гибкого по природе, прозорливого второго сына – Ералы.

*О доблестный, рвешься ты в бой, осмелев,
Но прежде, чем ринуться – дело бойца
Намеренья вражьи постичь до конца*

(Фирдоуси)

ЕСИМ ХАН (1794-1797 гг.)

В истории феодальной государственности в Казахстане было немало фактов печальной участи местных ханов, гибель которых в разных обстоятельствах до сих пор волнует прежде всего их потомков, исследователей, а также общественность, стремящихся разузнать об этом подробности – смерть хана Абулхаира в 1748 г., Жанторе в 1809 г., не затрагивая относительно трагическую судьбу последнего полновластного правителя Кенесары в кыргызских горах в 1847 г. Да и в России в период изучаемой эпохи факты насильственной кончины законных государей случались нередко – Иван IV Антонович, погибший при неудачной попытке поручика Мировича освободить его из неволи, содействовать его воцарению; Павла I в 1801 г., который был задушен гвардейскими офицерами, при явном попустительстве его старшего сына, впоследствии одного из просвещенных монархов Александра Павловича. Да, кстати, последним указом умерщвленного императора, о деятельности которого у историков до сего времени нет единодушия, оказался его рескрипт о разрешении казахам Младшего жуза свободно кочевать на буферной земле, между Уралом и Волгой, которая в годы ойратских нашествий временно в силу их военного

превосходства отошла калмыкам; два народа фактически пользовались ею для кочевания.

Наша небольшая глава посвящена хану Есиму, старшему сыну Нурмухамед Али бахадур хана, внуку великого Абулхаира, у которого было множество одноименцев. Есим султан, племянник Абылая, в 1745 г. присягнувший на подданство России, настолько влиятелен, что даже хан Абулмамбет вынужден был делиться с ним своей властью, разделив по требованию того город Туркестан на две части[1.]. Сын хана Семеке, Есим, и в дальнейшем активно вторгся в политическую жизнь Среднего жуза. Другой известный тезка нашего героя – Есим хан (1598 - 1628гг.) стал знаменитым благодаря степному законодательству, которое Аз-Тауке использовал в разработке закона “Жеты-жаргы”. “Есим ханны” ескі жолы” – “Древний путь Есим хана” – обильно цитировался мудрыми правоведами еще в XVIII веке.

Есим султан с 1794 по 1797г., будучи полновластным ханом, по правде говоря, не оставил видимых следов в истории казахов конца XVIII в. Но его скоропостижная гибель потрясла казахские жузы, вызвав неприязнь в отношении убийц, ревнителей Сырым батыра, расколов их на несколько групп, а движение после этого по существу, пошло на убыль.

Имя Есим султана часто стало фигурировать в документах после отстранения отца Нуралы с трона, который он занимал 47 долгих лет, сжившись с ханскими привычками, рассматривая Младший жуз как собственное владение. Он, верховный сюзерен, не очень-то считался с позицией России, т.к. политика подчинения этого региона постепенно урезывала его традиционные функции.

Трудно определить, сколько же детей мужского пола имел Нуралы хан от 17 жен. Неограниченный полигамный брак развязал его возможности в этой сфере. Не подлежит сомнению факт широкой разветвленности его клана. Однако Есим, как и его старший сын-первенец, неся ответственность за судьбы разросшейся семьи, не мог не чувствовать реальную угрозу, которую несла вероятность принудительного устранения с трона ставшего негодным для Петербурга, многоопытного своего отца. И вот рескрипт Екатерины II, от 6 июня 1786 г., отлучил Нуралы с ханского трона, под благовидным предлогом защиты его от поборников Сырыма Датова.

Борьба за возвращение Нуралы, потерявшего престол, явное противоборство с Оренбургским губернатором бароном О.Игельстромом подтолкнет его к ярим противникам антироссийской ориентации.

Орда разделилась на враждующие партии. С одной стороны – приверженцы Сырыма Датова, с другой – немногочисленные сторонники Нуралы. И те и другие в немалой степени вредили друг

другу, обращаясь с различными сетованиями то в Оренбург, то еще дальше в Петербург, что было на руку колониальной администрации, которая, пользуясь этим, раздвигала сферы влияния империи.

31 октября 1785 года, т.е. через четыре месяца после лишения Нуралы ханского титула, собрание старшин, состоявшее в основном из последователей батыра Сырыма, обратилось к императрице с прошением следующего содержания: “Сын ханский Ишим салтан многие орды нашей также делает злодействы, соединясь с ворами, а паче Берчевского рода с известным плутом Рустарасом (отгоняя) довольное число киргис-кайсацкого скота русским, а от русских похищенный скот киргизцам продает, словом сказать, злодейство его, Ишимово, великое, который с помянутым Рустарасом моих людей разорил и умертвил”[2].

Оренбургское начальство недостаточно четко представляло себе суть сложной, противоречивой обстановки, складывающейся в связи с внезапной отменой ханской власти и началом ввода реформы барона О.Игельстрома. Последнему чудилось, что камнем преткновения на пути царских нововведений стоит ханское семейство. Хотя Нуралы, как политический изгнанник содержался в Уфе, дальнейшее расстояние отдаляло его от сыновей, внуков, и последние продолжали попытки вернуть отреченного вновь в Младший жуз. Главный удар Оренбургского губернатора нацеливался на Есим султана, ставшего во главе ханского дома. Игельстром был явно раздражен демонстративным неповиновением старшего сына уфимского ссыльного. 27 сентября 1787 г. барон писал султану: “Вы, удаляясь от здешних мест и оставя фамилию родителя Вашего без призрения, предприняли такие дела, которые ясно изобличают Вас в неблагодарности и нарушении подданнической верности, начав тем, что наложили руку на Сырым батыра старшину, имеющего щастию под высочайшим покровительством е.и.в. (состоять), потом уклоняя дядю своего почтенного Ерали солтана от послушания..., я буду ожидать те доказательства, которые должны уверить меня о Вашем благорасположении”[3].

Главные усилия Есим султана были направлены на нейтрализацию действий Сырыма. Хотел он того или нет, позиция последнего в данный момент ослабляла положение ханских детей, облегчая проникновение российских структур власти в жизнь местных номадов. В середине 90-х годов XVIII в. О.Игельстром управлял одновременно Уфимским и Сибирским наместничествами и неусыпно контролировал функции местной администрации, пытавшейся вытеснить степную администрацию из традиционной системы политической власти. Султан же Есим, отправляя в далекую Уфу письмо за письмом, тщетно добивался положить

конец изоляции отца, будучи не в силах консолидировать всех вокруг ханской фамилии.

В письме от 27 сентября 1787 г. Есим обратился к барону: “Также из находящихся при родителе нашем люди никто к нам приехать и от нас тако ни один человек быть не мог, по причине сего мы вящие духом нашим страдаем. К тому же при сих обстоятельствах и Вашему высокопревосходительству о том и представлять и от себя для получения известия людей посылать осмелиться не могли” [4].

Неоднократные обращения Есима к губернатору не следует рассматривать лишь в одностороннем видении, связывать его усиливающийся ропот лишь с изгнанием Нуралы в Уфу.

Вынужденный уход его с политической арены оказался пагубным и для последующей судьбы единомышленников и домочадцев опального Нуралы. Ужесточенный натиск барона на клан Нуралы и других потомков Абулхаира до предела обострил взаимоотношения султанской верхушки с комендантами крепостей, казачьим населением. Складывающейся ситуацией воспользовался Сырым Датов, его поборники усиливали давление на потомков Нуралы. Случались даже факты вытеснения подчиненных ему аулов, откочевки в другие районы. “По отбытии же в Вашу сторону родителя нашего (Нуралы – Ж.К.) и нам здесь покою не дали, по причине чего мы принужденными были в сторону нашего Ералия отлучиться ... причем, встретился нам Сырым, коего мы по нетерпеливости поймал ... думая, что чрез то вся наша тяжба исполнится; поныне ... нас фамилиею родителя нашего на Сыр-Дарью откочевать принуждает” [5], – сообщал Есим султану О.Игельstromу, обстоятельно раскрывая причины усугубления политического противоборства.

Упомянув о Сырыме, как о давнем недруге клана Нуралы, Есим султан дал знать барону о своем открытом неприятии явно намечавшегося странного альянса между батыром и царской администрацией. Прав был М.П.Вяткин, который в свое время, также отметив “союз” Сырыма с царскими властями, обратил внимание на то, что при сохранении прежней народной базы этого движения он должен был привести к столкновению с царскими властями [6].

Добившись отстранения Нуралы, Сырым сумел достичь первоначальной цели, однако не мог и не был в состоянии существенно ослабить позицию Абулхаириных потомков. Есим султан, не отличаясь особой решительностью, все же разъезжал по аулам своих родственников и исподволь объединял усилия противников Сырыма батыра, видя в нем главного виновника ослабления ханской власти в Младшем жузе и лишения трона своего отца. В мае 1789 г. ему удалось напасть и схватить Сырыма в тот момент, когда тот, “по обряду магометанского закона, исправлял с

малым числом близких в незанятом кочевьем месте поминки по одному умершему родственнику” [7]. Отвез скрученного Сырыма к Ералы султану, престарелому сыну Абулхаира, который “тут же заключил в оковы” [8].

Прошло некоторое время, пока сюда не вмешались лично императрица Екатерина II и барон, которые потребовали немедленного освобождения батыра, на что невольно согласился выдавший виды Ералы. Хотя еще раз подчеркнем, первоначальный замысел о поимке батыра и пленение его осуществил Есим султан.

Ослабление позиции Сырыма Датова, его странный контакт с бароном, переписка с Петербургским двором в конечном счете заметно скомпрометировали его перед теми, кто вот уже более десяти лет под его стягом вел сложную борьбу с правительственными силами. Диссонансом прозвучало его обращение к Екатерине II с выражением благодарности за ее позицию в освобождении из плена Есима и Ералы. “Стараясь исполнить волю Вашего правительства как верноподданному подлежит, за принятие ж, нижайшего под высочайшее покровительство Вашего Величества подношу ... рабскую благодарность ..., а впрочем, што мне до службы е.и.в. касательные повелено будет, не пощадя живота и жизни моей исполнять старатца буду” [9].

Есим султан не мог игнорировать влияние Сырыма среди казахов, отмечая его мужество, уже подтвержденное в предыдущих событиях, его организаторские качества. Тем более удивительная способность Сырыма мгновенно реагировать на всплеск происходящих событий, довольно оперативно находить новых приверженцев как внутри казахского общества, так и среди чиновников царской администрации, позволяла ему устойчиво находиться в эпицентре событий Младшего жуза, практически игнорируя Есима султана, не обладавшего столь зримыми качествами, присущими его отцу – Нуралы, позволившими ему так долго держаться у власти.

Но обстоятельства в Младшем жузе стали меняться в пользу Абулхаирова дома, ввиду явной неудачи реформы Игельstromа, вследствие дружного бойкота султанской группировки. Ни один из султанов не поддержал вводимые в степи, так называемые расправы, во главе которых были поставлены лица в основном из черной кости.

Сложившаяся ситуация вынудила царизм внести коррективы в политику в отношении чингизидов и склоняла их искать пути сближения с довольно мощным кланом Абулхаира, отстраняясь теперь от Сырыма Датова. О.Игельstrom был отставлен. Новым начальником экспедиции пограничных дел был назначен А. фон Пеутлинг, также по прежней службе знакомый с положением в

Младшем жузе, который, обращаясь к влиятельным лицам в Младшем жузе, действуя от имени российской императрицы, ”прилагал всевозможное старание через верных людей изведать планы киргизцев, особливо султанов, лутчих старшин родов” [10].

Итак, правительство взяло курс на восстановление ханства в Младшем жузе. Но кого? Кому же отдавало оно свое предпочтение? Все явственно сознавали вероятность выдвижения на пустующий трон кандидатуры, поддержанной Петербургом.

И опять Сырым батыр, видя как почва ускользает из-под ног, проявил лихорадочную расторопность с целью помешать избранию султанов из рода Абулхаира. 10 октября 1794 г. известный в степи Жалтыр султан обратился “с объявлением” в Оренбургскую экспедицию пограничных дел: ”Сырым батыр своего Кайсару, Карабубек брата его (соратника – Ж.К.) Буранбая в числе 20 человек прислал ко мне с письмом их в коем изображено: что я с подвластными мне киргизцами поехал к ним - все Алимультинского рода бии собравшись делают совет о выборе ханом ими Ишим султана или меня, что позволительно будет мне в собрании Сырыма и Карабубека ехать или нет?” [11].

Незадолго до этого Сырым, почувствовав, что чаша весов опять склоняется в сторону сыновей Нуралы, попытался отговорить А. фон Пеутлинга воздержаться от поддержки старшего сына покойного Нуралы хана, видя в нем реальную кандидатуру, на которой Петербург остановил свой выбор: ”Хотя Вы Ишима султана к себе призываете, только в делах никогда успеха получить не можете. Впрочем, со временем Ваши дела будут открыты, и тогда лицо Ваше почернеет” [12]. Письмо, подписанное приближенными батыра Сигизбая: Кара-Куяк бием, Тульбай батыром, явилось проявлением страха его окружения перед лицом явной перемены позиции Оренбургской администрации в отношении Есим султана.

Судя по документам, его кандидатура получила благосклонную поддержку властей. Ибо после смерти Ералы хана наиболее вероятной по местным обычаям фигурой оставался старший сын Нуралы. Охладевший к Сырым началствующий состав губернской администрации, отказавшись от прежнего почтения перед ним, характеризует батыра обыкновенным “безспокойным киргизцом”.

Итак, намерение правительства – избрать ханом представителя ханского дома, восстановить прежние контакты с ним, и, опираясь на своего ставленника, продолжать курс всеохватного подчинения Младшего жуза.

В архивных фондах сохранились донесения от нескольких расправ новой административной структуры местного управления об избрании ханом Есима султана. 20 августа 1797 г. в Оренбургскую комиссию Пограничных дел, от Нуртаевской расправы поступило

“объявление”, подтвердившее склонность казахов избрать ханом Есима. ”Нуртаевский киргизский наш народ на здешней стороне до сего времени находится спокойно и в настоящем августе ... приехав расположился кочевьем своим по Уралу р. ..., чтобы для выбора в ханы, собравшись, совет учинить, ежели российским главными начальниками засходно признания желает в хана Ишим солтана...” [13]. Избрание Есима новым ханом означало крах реформы барона О.Игельстрома, восстановление института ханской системы, а самое главное, оно явилось поводом к разворачиванию нового этапа народного движения как и прежде под предводительством Сырыма Датова. Как и в период всенародного избрания Ералы ханом, новый, последний этап этого движения был несколько узок по социальному составу движущих сил, его политические требования ограничивались, в основном, настоятельным требованием смещения Есима, как выходя из дома Абулхаира. Исследователь 30-х годов А.Ф.Рязанов, исходя из социальной принадлежности противоборствующих сторон, намеренно разделил их на две партии – “народную” во главе с Сырым Датовым и “султанскую”, которая сгруппировалась около хана Есима Нуралиева. Эта борьба должна была завершиться не иначе как кровавой развязкой [14].

За событиями в регионе неусыпно следила и российская администрация, верхушка Уральского казачьего войска. Судя по рапортам его атаманов, недовольство против Есим хана приобрело широкий размах. Почувствовав надвигающуюся угрозу, Есим со своими аулами, теряя почет среди своих соплеменников, прикочевал под защиту русских пограничных крепостей, в местность, находящуюся всего в 5 верстах от Мергенского форпоста [15].

Тем временем С.Датову удалось сколотить внушительную силу – действовало несколько отрядов повстанцев, в каждом из которых насчитывалось не менее тысячи вооруженных лиц. Так, 31 марта, т.е. через несколько дней после убийства хана, войсковой атаман Уральского казачьего войска Д.Донсков, обратив внимание президента военной коллегии графа Н.И.Салтыкова на масштабы степных волнений, писал: ”легкомысленные киргизы разных родов: Сентемирова, Байбактинского, Черкесского, Алачинского (Алшынского) и Тазларского, под предводительством Мамбая и Ргымбая, Ерсалы и Койсары собрались в степи до 1000 человек для злодеяния российским границам” [16]. Другой факт. Начальник Тополинской крепости, есаул Иванов сообщал о действиях другого скопища вооруженной толпы, численностью также до 1000 человек, сосредоточившейся в бассейне р. Шаронке, они «принялись ехать к Сырым Датову и намеревались чинить набеги к границам» [17]. Линейный начальник, походный атаман Акутин, заступивший на

место Д. Донского, доносил в губернскую канцелярию о прибытии Есима в один из улусов, напротив Красноярского форпоста[18].

Тем временем, следивший за ханом Сырым батыр "имея в собственности 20 аулов", а кочевье свое у р. Сыр-Дарьи, «по беспокойному нраву и любоначально угождая черни Киргискайсака, часто приезжал с толпой сообщников к границам России, отгоняя скот, полонил людей и будучи тем силен[19].

Местное начальство неоднократно констатировало факт "ни малейшего повиновения Сырыма с давнего времени хану своему"[20]. В одном из донесений царских чиновников было сказано, что причиной столь рьяной ненависти Сырыма к хану было стремление хана уладить отношения с Россией, а также прекратить раздоры в степи. "Он (Сырым – Ж.К.), ощутив усердие хана Ишима к Российскому престолу и прилежное наблюдение его в удержании легкомысленных киргизцев от грабежей"[21], решился на отчаянный шаг – злобное убийство. Цитируемый документ обращает на себя внимание и на возможные тайные замыслы знаменитого батыра – устранив физически Есима, самому попытаться занять ханский трон. "А с другой стороны, (Сырым – Ж.К.) нечая, когда-либо быть ханом, чтоб некоторым образом властвовать над киргизцами, составил умысел на жизнь хана"[22]. Через 22 года, т.е. в сентябре 1819 г., полновластный хан Младшего жуза Шергазы Айшуаков в одном из прошений в Петербург, повторяя вышеприведенную версию, писал: "...Срым, собрав вокруг себя себе подобных из киргиз-кайсаков, затеял убить нашего старшего брата (у казахов особых различий между братьями кровнородственными и двоюродными не делают – Ж.К.) хана Нуралы и стать самому ханом..." [23].

Однако для подтверждения упомянутой версии необходимы новые документы, при наличии которых можно было бы вновь вернуться к проблеме критического анализа междоусобной борьбы в Младшем жузе, с более четким определением в ней роли Сырыма Датова и других вовлеченных в эту драму влиятельных чингизидов.

С. Датов, готовясь к кровавой развязке с Есим ханом, тем не менее опасаясь ответных действий русских властей, сторонился военно-укрепленных линий, "сей мятежник не подъезжал к Оренбургу, спасаясь, чтобы его не схватили, особливо держался около Илецкой защиты"[24]. Момент расправы над ханом был выбран удачно – в ночь на 27 марта 1797 г. ничего не подозревавший хан, находясь вблизи российской крепости, решился погостить у отца своей невесты. Он беспечно дремал в юрте, вовсе не помышляя о готовящемся покушении на его жизнь[25].

В ту злополучную зиму собственные его улусы и его семья оставались на левом берегу Урала вблизи Тополинской крепости[26]. План нападения вынашивался узким кругом

приверженцев Сырыма, который "подготовил к убийству 80 человек"[27], из самых отчаянных, преданных ему лиц. Духовник и письмоводитель хана, мулла Фаткуллин, по долгу службы неотступно сопровождавший своего обреченного повелителя, находившийся в момент страшной расправы с ханом в том же ауле, успел увернуться от убийц, незамедлительно донес об этом в Оренбург барону О. Игельstromу[28]. Рассказ Фаткуллина представляется более достоверным источником, проливающим свет на малоизвестные сюжеты этой ночной трагедии. 27 марта, перед утренней зарей, единомышленники батыра Сырыма, люди Шектинского, Кетинского родов, в количестве до 100 человек, которых так рьяно науськивал тот же батыр, внезапно ворвались в ханскую юрту, "его спящего закололи, изрубили до смерти, при этом немало его имущества ограбили и увезли с собой". Непосредственно к злодейству приложили свои руки старшина Кердеринского рода – Тлек, Шектинского – Отегул и Ишагыр Байдосов, а Кетинского – Косбей мырза, Шумекеевского – Баймырза, Алшынского – Кумырза и Шолак и др[29].

Итак, один из последних ханов XVIII в., Есим, кончил свою жизнь трагически, став жертвой своих политических недругов. Однако эта жуткая расправа и Сырым Датову не дала ожидаемых выгод, наоборот, нанесла чувствительный урон личному престижу батыра. Злобное прозвище "Хан өліміне қолын малған" – убийца хана" до конца жизни его повсюду преследовало. Движение же, возглавляемое батыром, заглохло, шаг за шагом рассеивая ряды активных его сторонников. По мнению А. Ф. Рязанова, это был террористический акт, убийство расценивалось как акт личной мести батыра "за кровь Мамбая", одного из близких его соратников, выданного Есимом русским властям[30].

Насильственная, преждевременная гибель хана ошеломила всю степь, породив резкое недовольство даже тех, кто искренне примыкал к движению С. Датова. "Зловреднейшие киргизцы, убившие хана", испугавшись последствий содеянного, "немедля в степи на коне скрылись", поэтому, по мнению дяди погибшего хана, престарелого Айшуака, "единого из них поймать было невозможно"[31]. Тело хана спешно похоронили его же братья и "ближние на степи", в некотором удалении от берега р. Урал, напротив Калмыковского форпоста[32].

Ханский совет, учрежденный царизмом, с самого начала превратился в мертворожденное учреждение, а потому было решено восстановить ханскую власть, избрав правителем глубокого старца – Айшуак султана, последнего из шести оставшихся в живых сыновей великого Абулхаира. Остерегаясь возможных происков Сырыма, новоиспеченный хан Айшуак, вспомнив "несчастную

кончину” своего предшественника, в обращении к императору Павлу I с ходатайством утвердить в новом обличье, не преминул вставить жизненно важную для него просьбу – предпринять эффективные меры, чтобы “впредь такого злодейства (убийства хана – Ж. К.) последовать не могло”[33].

Так ушел из жизни один из последних ханов из клана Абулхайра, Есим, почти не оставив ощутимых следов в истории позднефеодальной государственности; его жизнь привлекала исследователей в связи с надобностью воссоздать сложные аспекты драматической истории ханств Младшего жуза, выдвинувшего на историческую арену немало славных, деятельных фигур.

Увы, Есим принадлежал к категории чингизидов, постоянно колеблющихся, маловлиятельных, а незначительный отрезок времени (1794 – 1797 гг.) его единоличного, скоротечного правления явился периодом дальнейшего ослабления ханских функций и упрочением позиций России. Вереницей, один за другим приходили и покидали ханский трон множество потомков ветви Абулхайра – Нуралы. Но и без эпохи Есим хана трудно себе представить бурные события конца XVIII в., хотя и малорезультативное правление его, как уже отмечалось, редко привлекало внимание исследователей. Мы же попытались написать об этом, опираясь на располагаемые нами, отчасти неизданные, источники.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории народов СНГ и сопредельных стран вряд ли найдется столь грубо сфальсифицированная история, как история казахского народа, подвергшаяся жесточайшей субъективной трансформации с точки зрения соответствия ее основных сюжетов тем монокоммунистическим постулатам, которыми надлежало руководствоваться исследователям проблем отечественной истории.

В условиях безраздельного преобладания классового подхода к анализу социально-экономических и иных процессов вопрос истории национальных окраин бывшего СССР применительно к минувшим векам, истолковывался в контексте выявления общих моментов соприкосновения различных аспектов в судьбах титульной нации Советского Союза, во взаимной связи с историческими процессами в колониальных районах, что обусловило преднамеренную, одностороннюю интерпретацию жизни этнических объединений, преимущественно в Зауральском регионе.

Что же касается исследования жизнедеятельности выдающихся полководцев, крупных политиков, в отношении наиболее видных представителей малых наций, применялся строжайший метод отбора. Такая позиция особенно касалась освещения жизненных этапов виднейших представителей казахской государственности.

Классовый подход к исследованию биографии известных личностей прошлой эпохи по своим последствиям оказался весьма ущербным. В то время, когда изучение видных русских полководцев истории таких, как Александр Невский, Иван IV, Дмитрий Пожарский, Петр I, Екатерина II, А.В. Суворов, Г.А. Потемкин, М.И. Кутузов и многие другие, находило поощрительное понимание, то в освещении крупных личностей казахской государственности феодальной эпохи и нового времени действовал явственный запрет или же некоторый предел, который никто из исследователей не смел переступать. В противном случае ярлык национализма или других инкриминаций давал судебным органам широкие полномочия для открытой расправы с такими ослушниками.

Послевоенный период знает немало судебнополитических процессов над видными учеными-историками, необоснованно пострадавшими за беспристрастное освещение в своих трудах жизни предводителей борьбы за независимость на Северном Кавказе, в Казахстане в первой половине XIX в. В этих условиях история Казахстана, как и история соседних тюркских народов оказалась явно обезличенной. Отсутствие объективной дискуссии, вседвоящее положение о решающей роли народных масс в

истории попросту лишало ученых-обществоведов активно вторгнуться в эту сферу, не без оснований опасаться за последствия собственных научных изысканий. И, пожалуй, только на исходе 80-х годов нынешнего столетия, люди с душевной болью ощутили, как велики были наши потери в освещении многовековой истории многострадального казахского народа, особенно, это касается разработки малоизвестных аспектов жизни наших знаменитых предков.

По существу, с момента установления советской власти в Казахстане до 80-х годов нашего времени (за исключением монографии Е. Бекмаханова "Казахстан в 20-40-х годах XIX в." Алма-Ата, 1947) об известных государственных деятелях Казахской ханской государственности не было выпущено ни одной серьезной монографии.

Общественность нашей республики благодарна выдающемуся прозаику И. Есенберлину за эпопею "Кочевники". Писатель, впервые бросив вызов господству всемогущей тогда коммунистической идеологии, смело, неожиданно показал пример своим коллегам и историкам как писать об острых событиях истории, возбуждая небывалый интерес к этим проблемам. В 1998 г. республика широко отметила 30-летие выхода в свет первого издания сего литературного труда, побившего рекорд бестселлера. Дать неизменного уважения, которую питают разноязычные поклонники его щедрого таланта, с завидным постоянством из года в год умножается, как нам представляется, прежде всего за счет его знаменитой трилогии об основных этапах становления, развития и трагических моментов в истории казахских ханств.

Отрадным явлением в этой сфере явилась монография покойного академика Р. Б. Сулейменова и доктора исторических наук В. А. Моисеева (Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата, 1988), в которой авторы впервые обратились к личности одного из самых великих сынов казахского народа — Абылай хана, но которая, правда, не была лишена "некоторых недостатков и упущений", отмеченных нами в специальной рецензии на нее (См.: Вестник АН Каз. ССР, 1989, N 7. С. 84-86).

Обретение Казахстаном реального суверенитета выдвинуло историческую науку на поверхность, укрепило ее функции в формировании нового общественного сознания, хотя в этом посильное участие принимают представители ряда смежных, примыкающих к гуманитарным наукам отраслей, в т. ч. литераторы, правоведы, художники, архитекторы и т. д. Следует отметить, что значение отечественной исторической науки в этом сложном процессе неизмеримо возросло в последнее время, т. к. восстановление исторической правды стало составной частью общегосударственных мероприятий.

Несмотря на государственную поддержку отечественной исторической науки, мы столкнулись с рядом объективных, отчасти "субъективных", трудностей, во многом задерживающих поступательный ход исследовательской работы.

Во-первых, в развитии исторической науки почти отсутствует опыт в создании историко-публицистических трудов о жизнедеятельности знаменитых полководцев, государственных деятелей, мусульманских правоведов. Небольшие научно-популярные брошюры, преимущественно о батырах, ханах и биях, из-за слабой аргументации (хотя и являются добротными изданиями в деле популяризации малоизвестных моментов их жизни), все же пригодны лишь для пропагандистской сферы и, как правило, выпускаются в связи с их юбилейными датами, например, брошюры о Жанибек тархане, Есет батыре и т. д. Такие же монографии, как "Батыр Сарим" М. П. Вяткина (М., 1947), до сих пор отсутствуют.

Вышеназванные издания и ряд других публикаций в основном замыкаются на использовании фольклорных произведений, в которых помимо множества достоверных данных немало поэтических интерпретаций и стихотворных импровизаций степных акынов.

Во-вторых, выпуск строго документированных исследований несколько заторможен почти полным отсутствием в архивохранилищах республики данных о казахских ханах, батырах и других реальных персонах XVIII в., что заметно усложняет порывы исследователей активнее разрабатывать эти проблемы.

Увы, почти все основные пласты ценных материалов о начальном периоде присоединения края к России вследствие неожиданного распада СССР оказались вне пределов нашего Отечества: в Москве, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Тобольске, Омске, Астрахани, Томске, Новосибирске, Барнауле, Ташкенте, Бишкеке и т. д.

В условиях продолжающихся экономических неурядиц, а порою политических катаклизмов доступ к архивным фондам в таких городах, как Омск, Москва усложняется, ввиду некоторых ограничений на выдачу отдельных архивных дел, в частности, об Абылае. Отсутствие межгосударственных соглашений по этому поводу сказывается негативно на усилиях отечественных исследователей, стремящихся облегчить доступ к архивохранилищам, прежде всего России.

В-третьих, попытки историков вплотную приступить к разработке истории жизнедеятельности видных батыров и ханов наталкиваются на другой, не менее серьезный фактор — это отсутствие в Казахстане специального издательства, профилирующегося на выпуске подобных трудов. Ведь в СССР был наработан прекрасный опыт — систематическое издание очень

популярной серии, доступной по цене для всех читателей — “Жизнь замечательных людей” (ЖЗЛ). Издательство “Молодая гвардия” прославилась далеко за пределами СССР именно этими прекрасными изданиями о выдающихся личностях в истории развития человечества. Правда, в этой серии, которая состояла из нескольких сот книг, только трое казахстанских знаменитостей удостоились внимания этого издательства: Ш. Уалиханов (И. Стрелкова), К. Сатпаев (М. Сарсекеев) и С. Сейфуллин (Т. Какишев). Но и сейчас не поздно перенацелить одно из республиканских издательств на выпуск книг по типу “ЖЗЛ”.

Не секрет, что в отдельных странах дальнего зарубежья люди еще слабо представляют себе Казахстан. Например, в некоторых странах Африки путали казахов с кыргызами. Видимо, старое название казахов в Российской империи — “киргиз-кайсаки” прочно внедрилось в сознание определенной части жителей стран дальнего зарубежья, порою приходилось давать справки информационного порядка.

Наша страна вот уже несколько лет прочно входит в систему мирового сообщества, и, естественно, знания о ее прошлом, об ее удивительных людях займут достойное место в когорте всемирно знаменитых общепризнанных личностей. Ведь до сих пор автохтонные жители США, как и во времена открытия континента Христофором Колумбом, известны всему миру по искаженному названию “индейцы”, будучи загнанными в резервации. Тем не менее, очень много книг выпущено о видных индейских вождях, возглавивших освободительные движения со времени массового прибытия эмигрантов из Англии, а в последующем и из других стран старого света.

Понимание нами проблем личности в истории казахов минувших веков не является обособленным явлением в системе ханской государственности. Своеобразие жизни и хозяйственные уклады местных номадов в течение многих веков, проходя различные этапы и трансформации, приобретали новые свойства прежде всего под влиянием внутренних социально-экономических перемен, а также под воздействием постоянных контактов с внешним миром, являясь частью многоликих процессов на территории Евразийского пространства.

Естественно, внутриродовая жизнь, специфика земельных отношений, все более обострившихся ввиду российского колониального присутствия, “вечная барымта”, как форма удовлетворения взаимных претензий, удивительная устойчивость системы семейно-брачных традиций, стабильное сохранение родо-патриархальных обычаев даже в период утверждения российской административной власти, обособленность социальных институтов, пирамидальная система дифференцированности

преимущественного положения — все это, в совокупности, составляло жизнь кочевников. Это было не совсем доступно для путешественников — русских военных чинов, часто посещавших казахскую степь. Многие из них превратно представляли жизнь и особенно характер взаимоотношений между социальными категориями; ряд неудач царских реформ и политических преобразований следует объяснить ложным, внешним, визуально-односторонним представлением их о номадном обществе.

Между тем, вышеназванные моменты обуславливали осуществление основных функций выдающихся чингизидов — ханов, которые протекали во время совместных кочевок аульных сородичей в условиях перманентной его подвижности. И авторы, в т.ч. современные, утверждающие о, якобы, отсутствии у казахов слаженной системы государственности, рассматривающих ханов, как изолированную кучку от аульной общины, без каких-либо четких атрибутов управления, попросту не видят специфических проявлений власти в номадном государстве, несколько примитивно воспринимают рычаги государственности у казахов.

Конечно, условия развития казахских ханств и в дифференцированной плоскости, и в совокупном восприятии правовой автономности трех жузов, при слабом знании жизни ханской государственности, явно сложны для реального восприятия, к примеру, иностранцами, посещавшими казахские аулы, что даже и для многих современных исследователей остается загадкой. А потому анализ личности каждого из правителей трех жузов требует к себе более тщательного подхода и научно-критического сопоставления источников, чем обычная ссылка на труды русских авторов XVIII-XIX веков. Здесь требуется тонкое психологическое чутье жизни представителей казахских жузов, и только таким путем мы можем постичь личностные свойства видных правителей той эпохи. Может быть, эти сложности побуждали известных русских авторов изучаемого периода, трудами которых мы пользуемся, практически осознанно обходить такие моменты, как структура власти, ханские функции.

Одна из задач, ставших предметом нашего исследования, — развеять прежние необоснованные оценки, данные казахским ханам, батырам, как, якобы, о носителях жестокости, излишней воинственности, которые в условиях постоянных раздоров между родоподразделениями, в силу сложившихся традиций, выступали посредниками внутри враждующих группировок и обладали реальным весом среди своих подданных. Подобные воззрения имели место в трудах таких авторов XIX в., как В.Н. Витевский, Н.Красовский, Л.Мейер и т.д., оправдывавших действия колониальной администрации в казахских жузах, апологетически выступавших поборниками силового решения стратегической цели

Петербурга в регионе. Это обстоятельство укрепило наше убеждение в сопоставительном анализе деятельности, к примеру, Абулхаира, Абылая, Ералы ханов во взаимной обусловленности, с учетом перемен в Младшем и Среднем жузах преимущественно под влиянием активизации военно-колониальных акций империи, а также внутренних явлений в обширном крае. При этом, естественно, мы никак не могли рассматривать жизненные вехи знаменитых личностей в одном ограниченном ракурсе. Отличие же наших исследований по сюжетным линиям выразилось в попытке воссоздать роль и место каждого из ханов в истории народа и системе международных контактов страны в Центральной Азии, ибо жизнедеятельность Абулхаира и Абылая, в большей степени, Барака и Нуралы, в меньшей, зависела от внешнеполитической обстановки в регионе. Особенно это касается Абулхаира в момент основания Орской крепости и его печального участия в подавлении восстания башкир; Абылая – в пору избрания его ханом трех жузов.

Представляется неоспоримым факт решающего воздействия международной ситуации на степень активности двух упомянутых политиков, на характер взаимоотношений с влиятельными султанами, знаменитыми биями, порою даже в обход предписаний Оренбургского губернатора, а также игнорирование некоторых конформированных условий официальных договоренностей, достигнутых Абулхаиром в 1731, 1734, а также совместно в 1738, 1740, 1742 гг.

Изучение дипломатической истории Казахстана только начинает пробивать себе дорогу, появляются небольшие газетные заметки. Однако, цельных трудов или документированных очерков в данной сфере пока нет. Между тем, применительно к выбранным хронологическим рамкам в архивах внешней политики Российской империи и Оренбургской области хранятся довольно ценные материалы, пока что не введенные в оборот по изучаемому аспекту.

И вот, отдельный очерк настоящей книги рассматривает посольскую деятельность одного из виднейших, разносторонних чингизидов – Ералы, второго сына Абулхаира, которому в 1734 г. хан доверил возглавить миссию в Петербурге. Далее, как явствует из документов, Ералы нередко выполнял разные легальные и деликатные поручения своего венценосного родителя. Как один из способных, довольно искусных дипломатов, султан Ералы немало потрудился в целях реализации отцовских поручений, изумив выдавших виды петербургских аристократов, смотревших на предводителей “полудиких киргизов” свысока, с заметной спесью. Такой преднамеренной позиции Коллегии иностранных дел, на первых порах, не обошел и Ералы. Однако превосходное умение с достоинством претворять согласованную с Абулхаиром общую позицию мало-помалу склоняло умудренных опытом царедворцев

относиться к нему с нарочитым вниманием. Это подтолкнуло нас впервые ввести материал, отзываясь о нем, как об оригинальном степном дипломате позднефеодальной эпохи, теперь чуть не забытой личности. Без изучения его вклада в решение дипломатических задач мы вряд ли воспроизведем подлинную историю посольских контактов, прежде всего, с Петербургским Двором.

Конфликты, внутренние раздоры в казахских жузах не утихали даже в самые трагические периоды жизни казахов, воодушевляя действия вражеских сил, ободряя центробежные силы в обществе, лелеявшие надежду осуществить свои вожделенные замыслы – возвыситься над всеми своими недругами.

К когорте самых знаменитых, противоречивых личностей в истории Казахстана относится султан Барак, которого почитали за хана, власть которого распространялась на большую часть Среднего жуза, после того, как хан Абулмамбет, опасаясь постоянных козней с Абулхаиром и из-за собственного бессилия, ретировался в Туркестан. Абылай в то время управлял северовосточными районами, Барак – юго-западными, соприкасаясь с Младшим жузом. Сколько неправдоподобных легенд, небылиц имело место среди историков о Бараке; в советскую эпоху убийцу Абулхаира рассматривали как чуть ли не противника принятия российского подданства, тем самым беспочвенно характеризуя знаменитого султана выразителем чаяний социальных прослоек придерживавшихся антирусской ориентации. И только ввод новейших данных в научный оборот позволил нам с новых позиций определить место Барака в истории казахских ханств, разграничив негативные и позитивные моменты в его жизни, при этом не умаляя его консолидирующую позицию в годы борьбы с иноземным нашествием. Вводя раздел о нем, обнадеживаем себя, что наши слегка политизированные читатели правильно воспримут эту своеобразную, неординарную личность.

Впервые предложив материал о султанине Бараке, мы, тем самым, помимо отмеченных обстоятельств, попытались создать реальную расстановку сил в Среднем и Младшем жузах во второй половине 40-х годов XVIII в., предопределившую надрыв во взаимоотношениях двух чингизидов, ускорившую последующую гибель хана и смерть неугомного султана Барака.

Мы до сего времени как-то сумбурно представляем себе мотивы принудительного смещения с престола известных ханов, успевших сделать немало в деле защиты института традиционного ханства. С одной стороны, это объясняется скудостью первоисточников и главным образом сложностью, болезненно мучительным состоянием преодоления устоявшихся стереотипных позиций. Это касается, прежде всего, Нурмухамед Али-бахадур хана, первенца

Абулхаира, впоследствии его преемника, участника многих переговоров с российской стороной, очевидца важных событий, почти 50 лет (47) занимавшего трон в Младшем жузе, отстраненного от законной власти в 1786 г., по рескрипту Екатерины II. Политик, дипломат, государственный деятель, выдающийся полководец, один из организаторов победы над волжскими калмыками, бежавшими в январе 1771 г. из Калмыцкого ханства в разгромленную в 1755 - 1758 гг. Джунгарию. Единственный правитель, который в начале 80-х годов XVIII в. без колебаний выступил против административных реформ царизма в Младшем жузе, хотя было время, когда дипломатическими мерами он сумел охладить захватнический пыл всесильного сатрапа правительства в Оренбургском крае барона Отто фон Игельстрома.

В советскую эпоху личность хана подверглась незаслуженной ревизии, оправдывали даже его ссылку в Уфу, о его смерти в далекой Башкирии попросту умалчивали. Это заинтересовало нас, и мы решили воспроизвести некоторые биографические штрихи этого незаурядного человека, обнажив надуманность, явную односторонность оценки его места в истории казахских ханств как русскими авторами XIX в., также советскими исследователями. Полное отсутствие публикаций, даже незначительной заметки, побудило нас осуществить поиск документов, их анализ и включить в книгу данный материал. Более того, интересующиеся найдут в ней любопытные сведения и наши рассуждения о видном российском дипломате в Казахстане — А.И. Тевкелеве. Хотим того или нет, без характеристики его личных побуждений вряд ли возможно уяснить суть последующих его взаимоотношений с домом Абулхаира, султаном Абылаем и другими влиятельными лицами степной аристократии.

Иван Кириллович Кириллов, видный ученый-картограф, основатель Орской крепости, первый начальник “киргизкайсацкой”, в дальнейшем Оренбургской, экспедиции, столь кровавыми методами подавивший восстание башкир, смотревший на казахскую степь как на “полудикую орду”, ревностно, верой и правдой служивший интересам Петербурга — таким мы представляем его, таким мы и старались запечатлеть его в предлагаемой книге.

Одна из значительных персон в 30-40-х годах XVIII в. И.И. Неплюев, более крупная фигура, нежели предыдущее лицо. Он вошел в историю народов Южного Урала как ретивый колониальный администратор, усилиями которого царизму удалось утопить в крови башкирское выступление, создать вблизи и на территории Младшего жуза целую серию военно-опорных баз. Он покорил часть Младшего жуза, входя в открытое пререкание с Абулхаиром, которым и воспользовался недруг последнего —

Барак. Вражда И. Неплюева и хана освещена в расширенном аспекте, дабы уяснить специфику ситуации, сложившейся в Младшем жузе в канун гибели Абулхаира.

Но в эпицентре наших исследований два великих сына казахского народа, два выдающихся деятеля Центральной Азии XVIII в. — до 50-х годов — Абулхаир, до 80-х годов — Абылай. Без них история казахов той эпохи представляется нам бледной, отрывочной.

Прежнее воззрение на Абулхаира как на, якобы, убежденного поборника Российской ориентации, сформировавшееся еще в послевоенную эпоху, желательно подвергнуть тщательной коррекции. Содержащиеся в книге сведения о последних годах жизни великого хана, когда его противостояние с политикой Петербурга явно восприняло политическую окраску и твердость, подтверждают факт его усиленной оппозиции царизму.

50-70-е годы XVIII в. — золотой век Абылая, человека, которого народ еще при его жизни воспринимал как воплотивший дух-аруах. В формировании нового взгляда на Абылая, как собирателя казахских земель, заметную роль сыграла пьеса видного писателя А. Кекильбаева “Абылай”, с большой достоверностью воссоздающая своеобразие эпохи, хотя до сего времени нюансы личной жизни хана, суть взаимоотношений с султанами в Среднем и Младшем жузах, с Пекином остаются неразгаданной загадкой.

И, наконец, мы намеренно включили в книгу раздел о начальном этапе присоединения казахских земель к России, уповая на осведомленность читателей о некоторых событиях 30-40-х годов XVIII в., имея в виду при этом то воздействие, которое испытывали на себе и видные казахские ханы, и султанская верхушка, и прославленные батыры, и умудренные жизненным опытом степные законоведы — бии, и конечно, свободные общинники.

Характер деятельности перечисленных социальных категорий, личные качества ханов, внутренняя борьба между родоправителями так или иначе помимо ряда обстоятельств складывались, в основном, под непосредственным влиянием этого сложного, далеко неоднозначного, да и противоречивого процесса. Этим и оправдан ввод в этот труд обобщающей главы об историческом процессе, о сущности и последствиях которого по сей день не утихают споры, высказываются различные научные интерпретации вплоть до беспочвенных разглагольствований. И только строгое соблюдение научной этики, вдумчивое сопоставление разнохарактерных сведений, оценок авторов различных времен может предохранить исследователей от крайностей в характеристике упомянутого явления, взаимообусловленного таким деликатным, да и щекотливым процессом, как взаимоотношения народов в минувшие века.

“ПУТЬ В ПОЛУДЕННУЮ АЗИЮ ОТВОРИТЬ”

1. Относительно характера и оценки политической сущности процесса присоединения Казахстана к Российской империи до сего времени среди исследователей бытуют разнородные воззрения, что, с одной стороны, порождено чрезвычайной сложностью и противоречивостью рассматриваемого явления, а с другой, — игнорированием дифференцированного подхода к выявлению его специфики в отношении трех этнополитических объединений — жузов. Споры, не утихающие вокруг применения терминологии в характеристике этого периода, отходят на второй план перед углубленным, объективным осмыслением сущности изучаемого процесса. Употребление общепринятого термина «присоединение» никак не ассоциируется как “вхождение” или добровольное принятие подданства более мощной империи. В.И. Даль, авторитет которого в сфере интерпретаций понятий языковых категорий непререкаем, дает следующие варианты применения этого термина: присоединить, что к чему, присовокупить, придавать и т.д. (Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т.3.М., 1990. С.443.) На насильственный характер понятия «присоединение» обращают внимание и некоторые словари синонимов русского языка. (Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М, 1975. С.420.) Что же касается использования понятия «добровольно», то на сей счет существует вполне определенное, четкое обозначение “по собственному желанию”, “по доброй воле”, “по своей охоте”. (Там же. 122с.).

2. Более подробно см.: *Апаллова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVI в. Алма-Ата, 1948; *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635-1758 (2-ое изд.). М., 1983; *Гуревич В.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII- первой половине XIX в. М., 1979.; *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. Алма-Ата. 1991.; *Касымбаев Ж.К.* Под надежную защиту России. Алма-Ата. 1986 и др.

3. См.: *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730-1750). Оренбург. 1896. С.4.

4. Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн.П.Спб.1885. С.148.

5. Государственный архив Омской области (ГАОО).Ф.186.Оп.1.Д.2Л.1.

6. Там же. (Полностью указ опубликован в 1974г. в статье: Экспедиция Бухгольца и создание Прииртышских крепостей начала XVIII в. Исторические науки. Выпуск 1. Алма-Ата. 1974. С.351.

7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.483.Оп1.Д.240.Л.1.

8. *Андреевич В.К.* История Сибири. Т.1. Спб., 1889. С.293.

9. ГАОО Ф.366.Оп.1.Д.2.Л.4.

10. Эти сведения содержатся в его отчете, с которым он выступил перед Сенатом в январе 1719 г., хотя в некоторых исследованиях позднего времени налицо разночтения относительно численности экспедиции (2902 человека). См. *Чимитдоржиев М.Б.* Взаимоотношения России и Монголии XVII — XVIII вв. М. 1978. 2932 — См. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. С.226 и др.

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.199.оп.2. Л.2 и об. // Вестник ИРГО. Ч.Ш. Отд. IV. Спб. 1851. С.50.

12. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 11. С.151.

13. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 11. С.126-127.

14. Там же. С.127.

15. *Зиннер Э.П.* Известия шведских военнопленных в Сибири. Иркутск. 1961. С.9.

16. *Абрамов Н.* Областной город Семипалатинск // Записки ИРГО. Кн.1. Спб. 1861. С.131-132. Подробности см.: *Касымбаев Ж.К.* Экспедиция М.Д. Бухгольца и создание Прииртышских крепостей в начале XVIII в. Исторические науки. Вып. 1. Алма-Ата. 1974. С.37-38.

17. *Андреевич В.К.* История Сибири. Ч.1. С.295.

18. Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. III. С.127.

19. *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших событий в Сибири (1032-1882 гг.). Иркутск. 1882. С.16.

20. Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн.11. С.153.

21. Казахское-русские отношения в XVI - XVIII вв. (Документы и материалы). Документ №16. Алма-Ата. 1961. С.18-19.

22. *Армстронг И.А.* Семипалатинские древности. Известия археологического общества. 1859. Вып. IV. Т.1. С.203.

23. РГАДА. Ф.199. Оп.1. Д.365. Л.203.

24. *Шеманский А.* 200-летие приступа к Петровским военно-разведочным экспедициям. Военно-исторический журнал. 1916. №14. С.16.

25. *Риттер К.* Землевладение в Азии. Спб. 1859. С.291.

26. Городские поселения Российской империи. Т. IV. Спб., 1864. С.474.

27. Там же.

“КТОМУ ИХ СКЛОНИТЬ”

1. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. Т. II Спб., 1886. С.369.

2. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документ №21. С.28.

3. См.: *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России. Сборник трудов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734. Оренбург. 1900. Т. I. С. 108.
4. *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1868. С. 7.
5. См.: *Валиханов Ч. Ч.* Аблай. соч. в 5 томах. Т. 4. Алма-Ата. 1985. С. 111.
6. *Лебедев В.* Из истории сношения казахов с царской Россией в XVIII в.. Красный архив. Т. 5. (78). 1936. С. 130.
7. *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730-1750). Оренбург. 1896. С. 5.
8. См.: Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах. 1762. Временник императорского Московского общества истории и древности Российских. Кн. XIII. Смесь (3-я пагинация). М., 1852. С. 15-19.
9. Архив внешней политики Российской империи. (АВПРИ). Ф. 122. Оп. 122\ 4. 1731. Д. 5. Л. 5 об.
10. *Там же.* Л. 2.
11. *Там же.* Л. 2 об. Кроме того Абулхаиру вручили саблю с бриллиантами.
12. *Там же.* Л. 4.
13. См.: *Маев Н. А.* Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 гг. // Материалы для статистики Туркестанского края. (Ежегодник). Вып. 2. СПб. 1873.
14. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1887. С. 45.
15. Казахско-русские отношения в XVI - XVIII вв. Документ №33. С. 50.
16. *Там же.*
17. *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 7.
18. Разные бумаги генерал-майора Тевкелева. С. 16.
19. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. Д. 5 А. 1731, Л. 10 - 10 об.
20. *Лебедев В.* Из истории сношения казахов... С. 205.
21. *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1865. С. 6.
22. *Рычков П. И.* История Оренбургская/1730-1750/. Оренбург. 1896, С. 8.
23. *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. Алма-Ата. 1991. С. 109.
24. *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 7.
25. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1791, Д. I. Л. 64 об.
26. *Добросмыслов А.* Материалы по истории России. 1734. Т. I. С. 119-120.
27. Дополнения к "Истории Оренбургской" П. И. Рычкова. Труды

- Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII. Оренбург. 1916. С. 100.
28. АВПРИ. Ф. 122. 1734. Оп. 122 / 4. Д. 6 Л. I.
29. *Добросмыслов А. И.* Башкирский бунт в 1735, 1737 гг. Труды Оренбургской архивной ученой комиссии. Оренбург. 1900. Вып. VIII. С. 9.
30. Революционная и трудовая летопись Южно-Уральского края. Хрестоматия. Челябинск. 1980. С. 14.
31. *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1737 - 1739 гг. М., 1950. С. 8.
32. Записки И. И. Неплюева. СПб., 1853. С. 105.
33. *Устюгов Н. В.* Указ. работа. С. 24.
34. *Попов И. А.* Татищев и его время. СПб., 1851. С. 179.
35. Материалы по Башкирской АССР. Ч. I. М.-Л. 1936. С. 324.
36. *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730-1750). С. 97.
37. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата. 1960. С. 37-38.
38. *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев - верный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань. 1891. С. 153.
39. *Там же.* С. 153.
40. *Там же.* С. 155.
41. См.: *Дебу И.* Топография и статистическое описание Оренбургской губернии. М., 1837. С. 175-192.
42. Госархив Оренбургской области (ГАОР об.). Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-81.
43. *Там же.* Л. 29 об.
44. *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк. Известия Оренб. Отд. ИРГО. Вып. ХУ. Оренбург. 1900. С. 55.
45. *Там же.* С. 55.
46. *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань. 1891. С. 681.
47. *Там же.* Т. III. С. 685-686.
48. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Труды Оренб. Ученой архивной комиссии. Вып. ХУIII. Оренбург. 1907. С. 18.
49. *Матвиевский П. Е.* Абулхаир, поборник единения казахского народа с русским. Ученые записки Чкаловского госпединститута. Вып. 1. Чкалов. 1946. С. 101.
50. *Рычков П. И.* История Оренбургская... С. 65.
51. *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край. С. 157.
52. *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казахских орд и степей. СПб., Ч. II. С. 206-207.
53. *Касымбаев Ж. К.* Политика Абулхаир хана в принятии Младшим жузом Российского подданства в 30-х годах ХУIII в. Поиск №8, 1997. С. 62-72.

54. ГАОР об. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.196-197.
55. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. С.84.

«О ПРИХОДЕ КАЙСАКОВ ИМЕТЬ КРЕПКУЮ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ»

1. *Сулейменов Р.Б. Моисеев В.А.* Из истории Казахстана ХУШ в. Алма-Ата. 1988. С.34.
2. Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях (рукописные материалы) // *Валиханов Ч.* Собр. Соч. в 5-ти томах. Т. IУ. Алматы. 1985. С.210.
3. *Аполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в ХУШ - первой половине XIX вв. М., 1960. С.121-122.
4. См.: *Вяткин М.П.* К истории распада казахского союза // *Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751)*. Т. II. Ч. II. Алматы. 1948. С.9.
5. Казахско-русские отношения в ХУІ - ХУШ вв. Документ №95. С.228.
6. Государственный архив Алтайского края РФ (ГААК РФ). Ф.169. Оп. I. Д. 55. Л. 106.
7. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113. 1743. Д.3.Л.1.
8. *Добросмыслов А.И.* Материалы по истории России. Т.1. С.63.
9. Центральный Госархив Республики Казахстан. Ф. 630. Оп. I. Д. I. Л. 183.
10. Подробно см.: *Ерсофеева И.В.* Русско-джунгарские отношения в 40-х годах ХУШ в. в Казахстане (посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата. 1990. С.51-53.
11. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/ 1. 1743 Д.3. Л.20 об.
12. Там же.
13. Государственный архив Новосибирской области РФ (ГАНО РФ). Ф. 869. Оп. 1. Д. 56. Л. 216.
14. Там же.
15. ГААК РФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 55. Л. 101 об.
16. Там же. Л. 106.
17. ГААК РФ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 29. Л. 14.
18. ГАНО РФ. Ф. 869. Оп. 1. Д. 56. Л. 216.
19. Записки И.И. Неплюева. С.157.
20. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. С.342-343.
21. *Аполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией. С.132-133.
22. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1747. Д.1. Л.1,1 об.

23. АВПРИ. Ф.122. Оп.122/1. 1747. Д.1. Л.1.
24. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России и Средней Азии со времени кончины Абулхаир хана (1748-1765). Т.1. Уфа. 1853. С.4.
25. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк // *Известия Оренбургского Отдела ИРГО.* Вып. 15. Оренбург. 1900. С.84.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ АБУЛХАИР ХАНА

1. Настоящий раздел представляет собой часть рукописи книги: "Абулхаир Мухаммед Гази бахадур хан: величие и трагедия века".
2. *Касымбаев Ж.К.* Титулованный убийца. (Очерк о жизни и смерти султана Барака) // *Столичное обозрение.* 1998. №№ 16, 20, 23, 26; *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии. Алматы. 1996. С.84-85.
3. АВПРИ. Ф.112. Оп.113/1. 1744. Д.3. Л.6.
4. АВПРИ. Ф.112. Оп.113/1. 1744. Д.1. Л.201-202.
5. *Авдеев П.И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург. 1904. С.23.
6. ГАОР Об. Ф.3. Оп.1. Д.12. Л.69.
7. *Рычков П.И.* История Оренбургской губернии (1730-1750). Оренбург. 1896. С.65.
8. См.: *Матвиевский П.М.* Абулхаир хан - поборник единения казахского народа с русским // *Ученые записки Чкаловского пединститута.* Чкалов. 1946. Выпуск 1. С.101.
9. *Добросмыслов И.* Тургайская область (исторический очерк) // *Известия Оренбург. отд. ИРГО.* Выпуск 15. Оренбург. 1900. С.59.
10. *Левшин А.И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Ч.2. СПб., 1832. С.172.
11. См.: *Витевский В.Н. И.И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.3. СПб., 1907. С.690.
12. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Ч.2. Оренбург. 1887. С.125-126.
13. Красный архив. 1938. №2. С.188.
14. *Витевский В.Н. И.И.* Неплюев и Оренбургский край. С.696.
15. См.: *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для статистики и географии России. СПб., 1865. С.10.
16. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). Ч.2. Т.2. Алма-Ата. 1948. С.154.
17. *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург. 1898. С.20.; ГАОР Об. Ф.3. Оп.1. Д.13. Л.90-90 об.

18. *Добросмыслов А.* Тургайская область (исторический очерк). С.74.
19. *Там же.* С.72.
20. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). Т.2. Ч.2. С.208.
21. *Там же.* С.241.
22. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Ч.1. С.108.
23. *Там же.*
24. АВПРИ. Ф.13.1744. Оп.113\1. Д.3. Л.20 об.
25. *Там же.* Л.20 об.
26. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). С.210.
27. *Там же.* С.220.
28. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. С.110.
29. *Аполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана и России в XVIII – первой половине XIX вв. Алма-Ата. 1960. С.254.
30. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. С.228
31. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). 227 с.
32. *Там же.* С.265
33. *Там же.* С.222
34. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев - верный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань. 1891. С.157.
35. Подробности: ГАОР Об.Ф.3. Оп.1 Д.18. Л.153 об.-154.
36. Материалы по истории Казахской ССР. С.242.
37. ГАОР Об.Ф.3. Оп.1 Д.18. Л.154.
38. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). С.248.
39. *Там же.* С.265.
40. *Добросмыслов А.* Тургайская область (исторический очерк). С.80.
41. ГАОР Об.Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.147.
42. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). С.241.
43. ГАОР Об.Ф.3. Оп.1 Д.19. Л.110-111.
44. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). С.240.
45. *Там же.* С.240.
46. *Там же.*
47. История Казахстана. Алма-Ата. 1943. С.160.
48. ГАОР Об.Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.127. Об.
49. *Там же.*
50. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). С.29.
51. ГАОР Об.Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.128.
52. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). С.257.
53. *Там же.* С.261.
54. ГАОР Об.Ф. №. Оп.1. Д.18. Л.129.
55. *Там же.* Л.153. Об.
56. *Там же.* Л.311.

57. *Там же.* Л.154.
58. Казахско-русские отношения в XVI- XVII вв. (Документы и материалы). Алма-Ата. 1961. С.410.
59. *Крафт И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. С.49.
60. *Там же.* С.49.
61. Материалы по истории Казахской ССР. (1741-1751). С.345.
62. *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1868. С.257.
63. ГАОР. Об.Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.197.
64. *Там же.*
65. *Там же.*
66. *Там же.* Л.200. Об.
67. *Там же.*
68. *Там же.*
69. *Там же.*
70. *Там же.*
71. См.: *Крафт И.* Принятие киргизами русского подданства. Известия Оренбургского отдела ИРГО. 1897. С.17-18.
72. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). С.276.
73. Казахско-русские отношения в XVI - XVIII вв. С.493.
74. *Чернавский Н.М.* Оренбургская иерархия в прошлом и настоящем. Оренбург. 1900. Выпуск1. С.124.
75. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). С.308, 326, 341.
76. *Там же.* С.341.
77. *Там же.* С.278.

ТИТУЛОВАННЫЙ УБИЙЦА (Очерк о жизни и трагедии Барак султана)

1. *Валиханов Ч.* Записки о киргизах. Собр. соч. В 5 томах. Т.2. Алма-Ата. 1985. С.78.
2. *Мамырлов К. КК*
3. Есет батыр (1667-1749). Актобе. 1992. Б.32.
4. См.: *Мынжан Ныгмет.* Озангтын кыскаша тарихы. Алматы. 1994. Б.309.
5. Дневники и письма из путешествия по казахским степям (перевод с польского Ф.Стекловой). Алма-Ата. 1966. Б.60.
6. *Касымбаев Ж.* Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. Алматы. 1995. С.31.
7. См.: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношение Монголии и России XVIII-XVIII вв. М., 1978. С.193.
8. АВПРИ. Ф.113. Оп.113/1. 1742-1744. Д.3. Л.2.

9. См: *Вельяминов-Зернов*. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхаир-хана (1748-1765). Уфа. Ч. 1853. С.11.
10. *Там же*.
11. *Вяткин М.П.* К истории распада казахского союза. (Материалы по истории КазССР. Т.П. Ч.2 (1741-1751). Алма-Ата. 1948. С.4.
12. *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург. 1898. С.21.
13. *Матвиевский П.Е.* Абулхаир, поборник единения казахского народа с русским. Ученые записки Чкаловского Госпединститута. Вып. I. Чкалов. 1945. С.100.
14. *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730-1750). Оренбург. 1896. С.65.
15. Государственный архив Оренбургской области РФ (ГАОО). Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.196 об.
16. *Там же*.
17. АВПРИ. Ф.113. Оп. 113/1. 1742-1744. Д.3. Л.2006.
18. АВПРИ. Ф. 113./1, 1743. Д.3. Л.2 Об.
19. *Там же*.
20. Казахско-русские отношения в ХУІ-ХУІІІ в. (Документы и материалы). Документ №116. Алма-Ата. 1961. С.296.
21. *Там же*. С.297.
22. *Чимитдоржиев Ш.Б.* Взаимоотношение Монголии и России. С.150, 154.
23. Материалы по истории Каз.ССР. Т.П. Ч.2.30с.
24. *Там же*.
25. Казахско-русские отношения в ХУІ-ХУІІІ вв. Документ № III. С.286.
26. АВПРИ. Ф.113, 1742-1744. Оп. 113/1. Д.3. Л.6.
27. Материалы по истории Казахской ССР. 1741-1751. Т.П. Ч.2. 110с.
28. *Вяткин М.П.* К истории распада Казахского союза. Материалы по истории КазССР. Т.П. Ч.2. С.20.
29. Госархив Алтайского края (ГААК). Ф.163. Оп.1. Д.55. Л.103.
30. *Там же*. Л.104.
31. *Батраков В.* Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с ХІУ до половины ХУІІІ вв). Труды Среднеазиатского госуниверситета. Ташкент. 1958. С.5.
32. Материалы по истории КазССР (1741-1751). С.103.
33. ГАОР. Об. Ф.5. Оп.1. Д.8. Л.139 Об.
34. См: *Валиханов Ч.* Шуно батыр (Авантюристы ХУІІІ в.). Полн. Собр. соч. в 5 томах. Т.4. Алма-Ата. 1985. С.9.

35. ГАОР. Об. Ф.5. Оп.1. Ф.8. Л.140.
36. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1887. Ч.І. С.ІІІ.
37. АВПРИ. Ср. 122/3. 1791. Оп. I.Д.І. Л.64.
38. См: *Красовский Л.* Область Сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России. СПб. 1868. С.82,83.
39. ГАОР. Об. Ф.3. Оп. Д.В. Л.136 Об.
40. *Там же*.
41. *Там же*. Л.137
42. *Там же*.
43. *Там же*.
44. *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии. Алматы. 1995. С.84-85.
45. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). Ч.ІІ. С.156.
46. *Там же*. С.126.
47. *Там же*. С.76.
48. *Там же*. С.195.
49. *Витевский В.Н. И.И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его состоянии до 1758 г. Т.3. Казань. 1907. С.715.
50. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Известия Оренбургского отдела ИРГО. Выпуск 15. Оренбург. 1900. С.58-59.
51. *Там же*. С.60.
52. *Там же*. С.81.
53. См: *Рычков П.И.* Топография Оренбургская. Оренбург. 1887. С.164.
54. *Там же*. С.109.
55. ГАОР. Об. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.5-5. об.
56. *Там же*. Л.195 об.
57. *Витевский В.Н. И.И.* Неплюев и Оренбургский край. Т.3. С.715.
58. ГАОР. Об. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.195. об.
59. *Там же*.
60. *Там же*. Л.196. об.
61. *Там же*. Л.195.
62. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. С.76.
63. ГАОР. Об. Ф.3. Оп.1. Д. 18. Л.195.
64. ГАОР. Об. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л. 195.
65. *Там же*.
66. *Там же*.
67. *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. С.76.
68. ГАОР. Об. Ф.3. Оп. I. Д.18. Л.195.

69. Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). С.87.
70. См.: Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России... С.2.
71. ГАОР.Об. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.151.
72. См.: Витевский В.Н. Неплюев И.И. — верный слуга своего Отечества. Основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань. 1891. С.157.
73. Добросмыслов И.И. Тургайская область. Исторический очерк... С.84.
74. Там же. 84с.
75. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. (документы и материалы). Алма-Ата. 1961. Т.1, С.416.
76. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. С.6.
77. Там же. С.80.
79. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документ №161. С.412.
80. Матвиевский П.Е. Абулхаир, поборник единения казахского народа с русским. Ученые записки Чкаловского Госпединститута. Вып.1. Чкалов. 1946. С.100.
81. ГАОР. Об. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.202 об.
82. Там же. Л. 189.
83. Там же. Л. 185 об.
84. Там же. Л.198.
85. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). Ч.II. С.255.
86. Добросмыслов А.И. Тургайская область... С.96.
87. См.: Мякутин А.Ю. Юридический быт казахов. Оренбург.1910. С.9.
88. Там же. С.156.
89. Там же. С.163.
90. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк С.6.
91. ГАОР. Об. Ф.3. Оп.1. Д.198 об.
92. Там же. Л.198.
93. Добросмыслов А.И. Тургайская область. С.80.
94. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). Ч.2. С.259.
95. Там же. С.258.
96. Там же. С.87.
97. См.: Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе., Выпуск.5. С.720.
98. ГАОР.Об. Ф.3. оп.1. Д.18. Л.2000.
99. Там же. Л.2000 Об.
100. Там же. Л.2.
101. Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край. Выпуск

5. С.720.
102. Там же.
103. Там же.
104. Казахско-русские отношения XVI-XVIII вв. Документ №162. С.413.
105. Там же. С.414.
106. ГАОР. Об. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.196.
107. Там же. Л.196. Об.
108. Материалы по истории Каз ССР (1741-1751) Ч.II. С.319.
109. Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Выпуск XIV. Оренбург.1909. С.46.
110. Рязанов А.Ф. Султан Каратай Нуралиев. Из истории народных волнений. Советский Казахстан №13. 1925. С.85.
111. Козлов И. Обычное право киргизов. Памятная книжка Западной Сибири. Омск.1882. С.319.
112. Там же. С.319.
113. Закряжский Г. Юридические обычаи киргизов. Материалы для статистики Туркестанского края. Выпуск IV. СПб, 1876. С.171.
114. Закряжский Г. Юридические обычаи киргизов... С.171.
115. Там же. С.163.
116. Добросмыслов А. И. Тургайская область. С.84.
117. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких и киргиз казачьих орд и степей.
118. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. С.84.
119. ГАОР. Об. Ф.3 Оп.1. Д.18. Л.197.
120. Там же.
121. Там же.
122. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках... Ч.1 С.11: Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край. Т.3. С.721.
123. Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край. С.721.
124. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках Ч.1. С.11.
125. Добросмыслов А.И. Тургайская область... С.84.
126. Там же.
127. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). Т.II. Ч.2. Документ №128. С.341.
128. Добросмыслов А.И. Тургайская степь. Исторический очерк. С.84.

“ЕМУ САЛТАНУ БЫТЬ НАД ВСЕМИ ХАНАМИ ГЛАВНЫМ”

1. *Валиханов Ч.Ч.* Аблай. Собр. соч. Т. IV. Алма-Ата. 1995. С.116.
2. *Касымбаев Ж.К.* Ликвидация ханской государственности XIX вв. Казахстан и мировое сообщество, Алматы. 1996 №5. С.54.
3. *Абылай хан.* Т. XIII-первой пол. Алматы. 1993. С.110-111.
4. *Мынжан Ныгмет.* Казактын кыскаша тарихы. Алматы. 1994. Б.308.
5. *Эренжан Хара Даван.* Чингис хан, как полководец и его наследие. Алма-Ата. 1992. С. 186.
6. *Левшин А.Ш.* Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.III. С. 127.
7. АВПРИ. Ф. 122 Оп. 122/3. 1776. Д. 1. Л. 46.
8. *Там же.* Л. 3.
9. *Там же.* Л. 22 об.
10. *Там же.* Л. 64.
11. *Там же.* Л. 47.
12. *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV-XIX вв. С.85.
13. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1776. Д.И.Л. 42 об.
14. *Там же.* Л. 43.
15. *Там же* Л.44. А.И.Левшин, на которого ссылаются Р.Б. Сулейменов, В.А.Моисеев, несколько иначе передает содержание документа / См.: *Левшин А.И.* Описание ... Ч.3. С.126-127.
16. АВПРИ.Ф. 122. Оп 122/3. 1776. Д.1. Л. 44.
17. *Там же.* Л. 44.
18. См. *Касымбаев Ж.К., Мухамедьяров Ш.Ф.* Верхнеиртышские укрепления в системе международных отношений Центральной Азии XVIII в. Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата. 1990. С.90.
19. АВПРИ. Ф. 122.Оп. 122/3 1776. Д.1. Л. 45.
20. *Там же.* Л. 45.
21. *Там же.* Л. 53.
22. *Там же.*
23. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1776. Д.1. Л. 53.
24. *Там же.* Л. 70.
25. *Там же.* Л. 71.
26. *Там же.* Л. 71. об.
27. *Там же.* Л. 72.
28. *Там же.* Л.72. об.
29. *Там же.* Л.78. об.
30. *Там же.* Л.79. об.

31. *Там же.*
32. См.: *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.) С.100.
33. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1779. Д.1. Л.22 об.
34. *Там же.* Л.23 об.
35. *Там же.* Л.87.
36. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Документ №48. С.95.
37. АВПРИ. Ф. 122, оп. 122/3. Д.1 Л.93.
38. *Там же.*
39. *Там же.* Л.90.
40. *Там же.* Л.3.
41. *Там же.*
42. Казахско-русские отношения в XVII-XIX вв. Документ №39. С.80.
43. *Там же.*
44. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1791. Д.1. Л.94 об.
45. *Там же.* Л.97 об.
46. *Там же.* Л.94 об.
47. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. С.551.
48. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. 1791. Д.1. Л.9.
49. АВПРИ. Ф. 122. 1776. Оп. 122/3. Д.1. Л. 138-139.
50. *Там же.* Л. 133
51. *Там же.* Л. 24.
52. *Там же.* Л. 97 об.
53. АВПРИ. Ф. 122. 1778. Оп. 122/3. Д.1. Л. 170.
54. *Там же.* Л. 169 об.
55. *Там же.*
56. *Там же.*

”ДАВНО УТВЕРЖДЕН В СВОЕМ ДОСТОИНСТВЕ НАРОДНЫМ СОБРАНИЕМ”

57. АВПРИ. Ф. 122. 1776. Оп. 122\3. Д.1. Л.97 ОБ.
58. АВПРИ. Ф. 122. 1791. Оп. 122/3. Д.1. Л.97 ОБ.
59. *Там же.* Л.98 ОБ.
60. АВПРИ. Ф. 122. 1791. Оп. 122\3. Д. 1. Л. 114.
61. *Там же.*
62. *Валиханов Ч.Ч.* Аблай. Собр. соч. Т. IV. С.115.
63. *Там же.*
64. АВПРИ. Ф. 122. 1776. Оп. 122/3. Д. 1. Л. 24.
65. *Валиханов Ч.Ч.* Аблай. Собр. соч. Т. IV. С. 115.
66. *Там же.*
67. АВПРИ. Ф. 122. 1776. Оп. 1. Д. 1. Л. 194.

68. Там же. Л. 195.
 69. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Документ №49. С. 96-97.
 70. Там же. Документ №50. С. 99.
 71. Там же.
 72. АВПРИ. Ф. 122. 1791. Оп. 122/3. Д. 1. Л. 101.
 73. АВПРИ. Ф. 122. 1776. Оп. 122/3. Д. 1. Л. 20-20 об.
 74. Валиханов Ч. Ч. Аблай // Собр. соч. Т. IV. С. 116.
 75. Там же. С. 116.
 76. См.: Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб. 1868. с. 18.
 77. См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб. 1906. С. 58.
 78. Там же. С. 81. Об этом же писал Ф. И. Лобысевич. (Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. СПб. 1900. С. 39.
 79. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. I. С. 58.
 80. Там же.
 81. См.: Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата. 1986. С. 57.
 82. См.: Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. СПб. 1762. С. 109.
 83. См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. I. С. 82.

”СБЛИЖАТЬСЯ С КИТАЕМ, НО ХРАНИТЬ СОГЛАСИЕ С РОССИЕЙ”

84. Валиханов Ч. Ч. Аблай. Собр. соч. Т. IУ. С. 115.
 85. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Документ №50. С. 90.
 86. АВПРИ. Ф. 122. 1776. Оп. 122\3. Д. 1. Л. 12.
 87. Там же. Л. 11 об.
 88. Там же. Л. 12 об.
 89. Там же. Л. 173.
 90. Там же. Л. 174.
 91. Там же. Л. 173.
 92. Там же. Л. 173 об.
 93. Там же. “Наймановцы против всех прочих люднее и богачее”, - писал П. И. Рычков (Топография Оренбургской губернии. СПб.) 1762. С. 109.
 94. АВПРИ. Ф. 122 1776. Оп. 122\3. Д. 1. Л. 173.
 95. Бес гасыр жырлайды. (Курастырушылар: М. Магауин, М. Байдильдаев) Т. 1. Алматы. 1984. Б. 123.

96. Там же.
 97. См.: Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского о пребывании его у контайши Цэван-Рабтана (1722-1724). Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. 10. Вып. 2. СПб. 1887 (Приложение). С. 234.

«БЕЖАВШИЕ ИЗ РОССИИ КОЛОДНИКИ» В АУЛАХ АБЫЛАЯ

1. См.: Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. УП. Оренбург. 1900. С. 104.
2. Там же. С. 103.
3. См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб. 1906. С. 3.
4. Там же. С. 57.
5. АВПРИ. Ф. 122. 1776. Оп. 122\3. Д. 1. Л. 174.
6. Там же.
7. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. С. 94.
8. Там же. С. 95.
9. АВПРИ. Ф. 122. 1776. Оп. 122\3. Д. I. Л. 174.
10. АВПРИ. Ф. 122. 1774. Оп. 122\3. Д. I. Л. 3 об.
11. Там же. Л. 3 об.
12. Там же. Л. 3.
13. Там же. Л. 3 об.
14. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Документ №49. С. 98.

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ АБЫЛАЯ

1. Тарих жырлар. Абылай хан. Т. I. Алматы. 1995. Б. 265.
2. Там же. Б. 263-264
3. Там же. Б. 267
4. Там же. Б. 266
5. Там же. Б. 261
6. См.: Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века. Алма-Ата. 1988. С. 132. Подробности смерти хана будут изложены в книге “Абылай хан”.
7. АВПРИ. Ф. 122. 1776-1781. Оп. 122\3. Д. I. Л. 25.
8. Там же.
9. Там же.
10. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Документ N54. Алма-ата. 1964. С. 102.
11. Там же. Документ N57. С. 105
12. АВПРИ. Т. 122. 1776-1781. Оп. 122\3. Д. I. Л. 25 об.

13. Там же. Л.26.
14. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Алма-Ата. 1964. Документ №54. С.103.
15. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. С. 105.
16. Там же.
17. Там же. С.104.
18. Там же.
19. АВПРИ. Ф.122.1776-1781.Оп.122\3.Д.1.Л.20 об.
20. Тарих жырлар. Абылай хан. Т.І. С.283.
21. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Документ №57. С.105.
22. Титов (инициалы не указаны). О борьбе киргиз-байджигитовцев с каракалпаками и торгоутами. Записки Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. Отдела ИРГО. Вып.8. Семипалатинск. 1914. С.9.(8-я пагинация)
23. АВПРИ. Ф.122.1771.Оп.122\3.Д.1.Л.20 об.
24. Там же. Л.26 об.
25. АВПРИ. Ф.122.1771.Оп.122\3.Д.1.Л.40.
26. Там же.
27. Там же. Л.47.
28. Большевик Казахстана. 1940. №11. С.69.
29. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т.І.СПб. 1906. С.84.
30. См.: Богатырские предания... Казахский героический эпос. Алма-Ата. 1986. С.30.
31. Валиханов Ч.Ч. Исторические предания о батырах XVIII века. Собр.соч. в 5-ти томах. Т.І. Алма-Ата. 1984. С.217.
32. Там же.
33. Там же.
34. Валиханов Ч.Ч.Собр.соч. в 5-ти томах. Т.5. Алма-ата. 1985. С.237.ЦГА РК. Ф.374. ОП.2. Д.25. Л.16.

НУРМУХАМЕД АЛИ БАХАДУР ХАН (НУРАЛЫ)

- 1.Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (документы и материалы). Документ №155. Алма-Ата. С.406.
2. Там же. Документ №80. С.187.
3. Там же. С.195.
4. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751гг). Кн.1. Ч.2.Алматы. 1951. С.130.
5. Там же. С. 131.
6. Там же.
- 7.Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740-1741 годах поручиком Гладьшевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851. С.8.

8. Там же.
- 9.Казахско-русские отношения в XVI - XVIII вв. Документ N76. С.180.
- 10.Материалы по истории казахских ханств XV - XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алматы. 1969. С. 467.
11. Там же. С.566.
- 12.Казахско-русские отношения в XVI - XVIII вв. Документ №96. С. 239.
13. Там же. Документ № 76. С.184.
14. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).Ф122. Оп.122/3. 1776. Д.1. Л/120.
15. См.: Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России.СПб., 1868. С.186.
16. Там же.
17. Там же.
- 18.Казахско-русские отношения в XVI - XVIII вв. Документ №157. С.408.
19. Там же. Документ №158. С.409.
20. Казахско-русские отношения в XVI - XVIII вв. Документ №159. С.409.
21. Кэстль Джон. 1736 жылы Кіші жүз ханы Абілхайырға барып қайтқан сапары туралы. Алматы. 1996. Б.87.
- 22.Материалы по истории политического строя Казахстана. Т.1. Алматы. 1960. С.39.
23. ЦГА РК. ф.4. Оп. 1. Д. 2336. Л.5.
24. ЦГА РК. ф.4. Оп.1. Д. 2336. Л.6.
25. Там же. Л.12.
26. Там же Л.13 Об.
27. Там же.
28. Там же. Л. 14.
29. Там же. Л. 4.
30. АВПРИ. ф 122. Оп. 122/3. 1776. Д. 1. Л. 121.
31. Там же.
32. Там же. Л. 121 об.
33. Там же.
34. Там же. Л. 122.
35. Там же. Л. 123.
36. Там же. Л. 123 об
37. Там же. Л.124.
38. Там же. Л. 124. об
39. Там же. Л. 125.
40. Там же.
41. Там же.
42. Материалы по истории Казахской ССР. 1741-1751 гг. Т.ІІ.

Ч.2. С. 285.

53. Там же.

54. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С.12.

55. Материалы по истории Казахской ССР(1785- 1828гг.). Т.ІУ. С.347.

56. Материалы по истории Казахской ССР. 1741-1751 гг. Т.ІІ. Ч.2. С.324.

57. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1887. С.186.

58. Материалы по истории Казахской ССР. 1741- 1751 гг. Т.ІІ. ч.2. С.323.

59. Там же. С. 326.

60. Там же. С. 345.

61. Там же. С. 421.

62. АВПРИ. Ф.122. 1787. Оп. 122/3. Д.І. Л.49.

63. Там же. Л.49 об.

64. АВПРИ, Ф.122, Оп. 122/3. 1785, Д.8, Л.15 об

65. Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828 гг.Т.ІУ, С.77.

ХАН НУРАЛЫ И БАТЫР СЫРЫМ

1. См.: Бекмаханов Н.Е. Легенда о невидимке. Алма-Ата. 1968. С.185.

2. См.: Рязанов А.Ф. Султан Каратай Нуралиев (из истории народных волнений). Советский Казахстан. 1925. №7, №8. С.87.

3. Казак ССР тарихы. 5 томдық. 3-том. Алматы. 1982. С.118.

4. Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828. Т.4. М.-Л. 1940. С.109.

5. Оазан ССР тарихы. 5 томдық. С.119.

6. АВПРИ. Ф.122. Оп.122/3 Оп.122/3. 1792. Д.1. Л.1.

7. См.: Мейер Л. Киргизы Оренбургского ведомства. Материалы по истории и географии России. СПб., 1865. 18с.

8. Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828. С.76.

9. Там же. С.85.

10. АВПРИ. Ф.122. Оп.122/3, 1762, Д.2, Л.1 об.

11. Там же Л.2 об.

12. АВПРИ. Ф.122. Оп.122/3, 1785, Д.8, Л.16 об.

13. Там же. Л.15 об.

14. Там же. Л. 71 об.

15. Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828. С.56.

16. Там же. С.57.

17. Там же С.71.

18. Там же.

19. АВПРИ. Ф.122. Оп.122/3. 1785. Д.8. Л.74.

20. АВПРИ. Ф.122. Оп.122/3 д.1. Л.49.

21. Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828. С.102.

22. Там же. С. 72.

23. Там же. С. 73.

24. Там же. С.74.

25. Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797-1828). Труды Общества изучения Казахстана (Киргизского края). Отдел истории и этнографии. Т.ХІІ. Вып. №2. Кызыл-Орда. 1926. С.87.

26. Вяткин М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII-нач. XIX в. Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828гг. С.23.

27. Ослабление антиколониальной направленности восстания отчасти было вызвано противоречивостью позиции батыра после возведения на престол Ералы. (См. Вяткин М.П. Батыр Срым. М., 1947. С.378-280.)

28. Там же. С.138.

29. АВПРИ. Ф.122. Оп.122/3. 1792. Д.1. Л.1 об.

30. Рязанов А.Ф. Султан Каратай... С.85.

31. Там же. С.88.

32. АВПРИ. Ф.122. Оп.122/3. 1798. Д.1. Л.7 об.

33. Там же. Л.43 об.

ЕРМУХАМЕД АЛИ ХАН

(Ералы - видный дипломат, государственный деятель)

1. Добросмыслов А.И. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов. Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. Выпуск IX. т. IX. Оренбург. 1902. С.62.

2. Материалы по истории Казахской ССР(1741-1751). Т.2. Ч.2. Алматы. 1948. С.166.

3. Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург. 1896. С.7.

4. Там же. С.8.

5. Там же.

6. Там же.

7. Матвиевский П.Е. Абулхаир - поборник единения казахского народа с русским. Ученые записки Чкаловского пединститута. Выпуск 1. Чкалов. 1946. С.85.

8. Рычков П.И. История Оренбургская... С.14.

9. Дополнения к "Истории Оренбургской" П.И. Рычкова. Труды Оренбургской Ученой Комиссии. Выпуск XXX111. Оренбург. 1916. С.100.

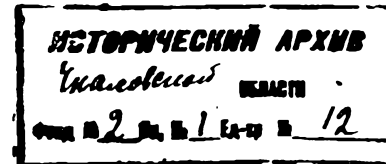
10. Там же.

11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. С.101.
14. Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). С.62.
15. Там же. С.36.
16. ГАОР. об. Ф.2. Оп.1 Д.12 л.1-81.
17. Витевский В.Н. И.И.Неплюев – верный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань. 1891. С.154.
18. Рычков П.И. История Оренбургская... С.51.
19. ГАОР об.Ф.2 Оп.1. Д.12. Л.75.
20. Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 Казань. 1907 Т.3. С.682.
21. ГАОР. Об. Ф.2 Оп.1 Д.12. Л.757.
22. Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе. Т.3. С.682.
23. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Выпуск 15. Оренбург. 1900. С.64.
24. Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край. Т.3. С.690.
25. Материалы по истории Казахской ССР(1741-1751) Т.2. Ч.2. С.431.
26. ГАОР. Об.Ф.3.Оп.1.Д.18.Л.122.
27. Материалы по истории Казахской ССР (1742-1751). Т.2. Ч.2. С.257.
28. Кэстль Джон. 1936г. Кіші жүз ханы Абылхайырга барып кайткан сапары туралы (перевод с немецкого. Предисловие и комментарии К.Есмагамбетова). Алматы. 1996. С.24. "Бунтовщик против своего государя".
29. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). Т.2. Ч.2. С.347.
30. Там же. С.309.
31. ГАОР. Об. Ф. 3 ОП. I Д. Л.18. 200 об.
32. Там же. Л. 201.
33. См: Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Выпуск ХУІІІ. Т.18. Оренбург. 1907г. С.15,18.
34. Материалы по истории Казахской ССР (1747-1751) Т.2. Ч.2. С.2637.
35. АОР ОБ. Ф. 3. Оп. I. Д. 30. Л. 50.
36. Там же.
37. Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751). Т.ІІ. Ч.2. С.342.
38. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). Т. ІУ. М.-Л., 1940. С.72.
39. Там же. С.73.
40. Там же. С.77.

41. Там же. С.89-90.
42. Там же. С.91.
43. Там же. С.101.
44. Там же. С.115.
45. Там же. С.116.
46. Там же.
47. Мейер Л. "Киргизская степь Оренбургского ведомства". Материалы для статистики и географии России. СПб., 1865. С.21.
48. ГАОР Об. Ф.5. Оп.1. Д.39.Л.35.
49. Там же. Л.95 об.
50. Там же. Л.96.
51. Там же.
52. Там же. Л.101.
53. Там же.
54. Там же.
55. Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II по просвещению киргизов. Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. Выпуск ІХ. Т.ІХ. Оренбург. 1902. С.52.
56. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для статистики и географии России. СПб., 1865. С.20.
58. ГАОР Об. Ф.5. Оп.1. Д. 39. Л.101 об.
59. Там же.
60. Там же.
61. См: Мейр Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства...С.22. Материалы по истории Казахской ССР(1785-1828).Т.ІУ. С.166.
62. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства...С.22.
63. ГАОР Об. Ф. 5. Оп. 1. Д. 39. Л.102.
64. Там же. Л. 102 об.
65. Там же. Л. 102 об.
66. Там же.
67. Там же. Л.103.
68. Там же.
69. Там же. Л. 103 об.
70. Там же.
71. Там же. Л. 256,299.
72. Там же. Л.104.
73. Там же. Л.111.
74. Там же.
75. См.: Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797-1838) .Труды общества изучения Казахстана (Киргизского края). Т.У. Выпуск 2. Кызыл-Орда. 1926. С.151.
76. ГАОР об. Ф.5. Оп. 1. Д.39.Л.258.
77. ГАОР Об. Ф.5. Оп. 1. Д.58. Л.9
78. Там же. Л.23.
79. Там же. Л.10.
80. Там же. Л. 16.

ЕСИМ ХАН (1794-1797 гг.)

1. Казахско-русские отношения в ХУІ–ХУІІІ веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата. 1961. Т.І. С.649.
2. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828), Т.ІУ. М.-Л. 1940. С.64.
3. Казахско-русские отношения в ХУІІ–ХІХ веках (Сборник документов и материалов). Алма-Ата. 1964. Т.2. С.124.
4. Там же. С.122.
5. Там же. С.123.
6. См.: Вяткин М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Младшей орде в конце ХУІІ- нач. ХІХ вв./ Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). С.26.
7. Материалы по истории Казахской ССР. 1785-1828. Т.4. С.114.
8. Там же.
9. Казахско-русские отношения в ХУІІІ - ХІХ веках. Т.2. С.127.
10. Государственный архив Оренбургской области. /ГАОР.Об./ ф.5. Оп.1.
11. Там же. Л.54.
12. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1825). Т.ІУ. С.139.
13. ГАОР. Об. ф.5. Ош.1. Д.58. Л.49.
14. См.: Рязанов А. Ф. Султан Каратай Нуралиев /Из истории Киргизских народных волнений. Советский Казахстан. 1925. №7,8. С.85.
15. Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (по материалам Центрального архива Казахстана). Труды общества изучения Казахстана (Киргизского края). Т.УІІ. Вып.ІІ. Кзыл-Орда. 1926. Ч.1. С.5.
16. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). Т.ІУ. С.189.
17. Там же.
18. Там же. С.195.
19. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
- Ф.122. Оп.122\3. 1798. Д.1. Л.43.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828) Т.ІУ. С.334.
24. АВПРИ. Ф.122. Оп.122\3. Д.1. 1798. Л.44 об.
25. Там же. Л.43 об.
26. Материалы по истории Казахской ССР\1785-1828\ Т.ІУ. С.190.
27. АВПРИ. Ф.122\3. Д.1. 1798. Л.43.
28. Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость... Ч.1. Т.УІ. вып.ІІ. С.5.
29. Рязанов А. Ф. Султан Каратай Нуралиев... С.88.
30. АВПРИ. Ф.122. Оп.122\3. Д.1. 1798. Л.43 об.
31. Там же.
32. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). Т.ІУ. С.190.
33. АВПРИ. Ф.122. Оп.122\3. Д.1. 1798. Л.42.

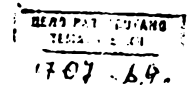

Иванушкин Оренбургской комиссии

Журнал или записка еженедельная
о том, что происходит у Мухоморова
Советского и Кавалера Улемова
при Оренбургской крепости в бытность
туту Киргиз-кайсауна Орды
Абляхур-хана Франия и уездов
Сайтанд.

Уставно 20го августа 1799г.
Копию 7го сентября 1799г.

Ке 9/м шесте

Офицерская Удереисов Кили Улария
(секретная экспедиция)

Указы Государственной комиссии иностран-
ным делам, канцелярии тайных розыскных
дел и ордера бригадира Певкелеву из
военно-походной канцелярии Ушкинова по
секретной экспедиции

Указано 17го февраля 1752г.

Кашено 10го декабря 1752г.

На 150 экземплярах

ИЗДАНИЕ

17.07.88

Абашевъ одагъ напашаише
разсужденіе, что изъшеписанного
возможно бѣдетъ, учинитъ набо
ипостититъ неотписываясь. на-
что вамъ вразумитъ симъ сооб-
щается, что вполмерѣ иностран-
ныхъ дѣлѣ вшеписанное бригадира
Певкелева именіе идаше разсуж-
деніе спробуется, идама втомѣ,
омятней паize обще с'онимѣ бригадира
Педикельимѣ надмѣститѣ воз'имѣ
праинѣ стараніе ибуде ханѣ по-
таре болшого его сна ишима
несимонитъ впапомѣ слтае
взять. уде итремѣ лѣтнаго ма-
гомедегня идря лѣтнаго презре-
нїя заболезней охраненїя илече-
нїя содержится его, въ домѣ
бригадира Певкелева, таив паив
инимѣшней пирѣми въ егоѣ
домѣ содержится. придеимѣ
тпомѣ здѣсь разсуждается,
чрезъ бригадира Педикелева
отѣ ведатъ нынѣ содержаща-
гося пирѣмїа солтана принасна
з'уадоритъ, чтообѣ онѣ иещѣ
в'оренбургѣ побымѣ годѣ или
два з'отпомѣ бы отѣца с'дого-
самѣ потпросимѣ, идря того-
можно мамитѣ его идримѣ.

100

Для ретенной бригады вназначен капитан
Самтана Сестива в том же составе допол-
нения нас же известия наив выше упомянуто
исследованная бригаадорская вели-
чества доноситель отомъ *Удержался; а утвердилъ*

Полковникъ ретенной

Мана Мана

101

По во сособиномъ Его величества
впомогитъ знатныхъ дѣлѣ домо-
шеніи значить неоснащенная
нотомно оуль степнаго обывала
состоящая, однаиотъ подда унчихъ
Единоотъ вообывай вошлотто наив
земь бригадиръ величества, *удѣлство,*
дѣломи недѣломи оно подыводитъ
потоуотъ тѣмъ, ипотомъ онъ втомъ
оощрденнаго анеодругаго чьего при-
мѣръ утѣвѣдается, астарѣе ии
ишима ипиратія унего хана дѣ-
пей метъ, но дѣтъ гораздо менше
ихъ, и хотя означенной магомедѣ-
ли вто время, наивъ сѣе производно
итѣхъ мѣтѣ еще небыль, однаио
нѣтъ уподобимо при года Емѣ
уотѣ минуло, унчихъ сѣе малые дѣти
воспитываитѣя обыиновенно осови
маминами, итаиѣ содѣржаніе его
в'оренбургѣ примамитѣ радное бытъ
можепѣ, сѣеотѣ что остоиъ маиомъ
отпанихъ народовъ в'аманатахъ
бытъ необразецъ, поттомъ что предѣ
сего инатеритѣ огорснихъ чернеъ по-
гудъ в'аманаты браны, идля того
поминѣиѣ онаго бригадира величества
воудоволетдѣе хана наивѣсто пир-
амія, ипомянутого магомедѣвѣ
примамитѣ и хорошихъ старшини

Л. К. М.
МАТЕРИАЛЫ

свои наблюдения
Л. К. М.

ГЕОГРАФИИ И СТАТИСТИКИ

РОССИИ

СОБРАНИЕ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

с. 4/6

КИРГИЗСКАЯ СТЕПЬ

ОРЕНБУРГСКОГО ВЪДОМСТВА.

1951
В. А. Зубов
26/10

СОСТАВИЛ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПОДПОЛКОВНИК

Л. Мейеръ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано вт. топографич. Д. Веймаръ и Ф. Перцова.

1865.

Хан Младшего жуза Абулхаир.

Казахи. Художник Колычева (XIX в.).

Абылай хан.

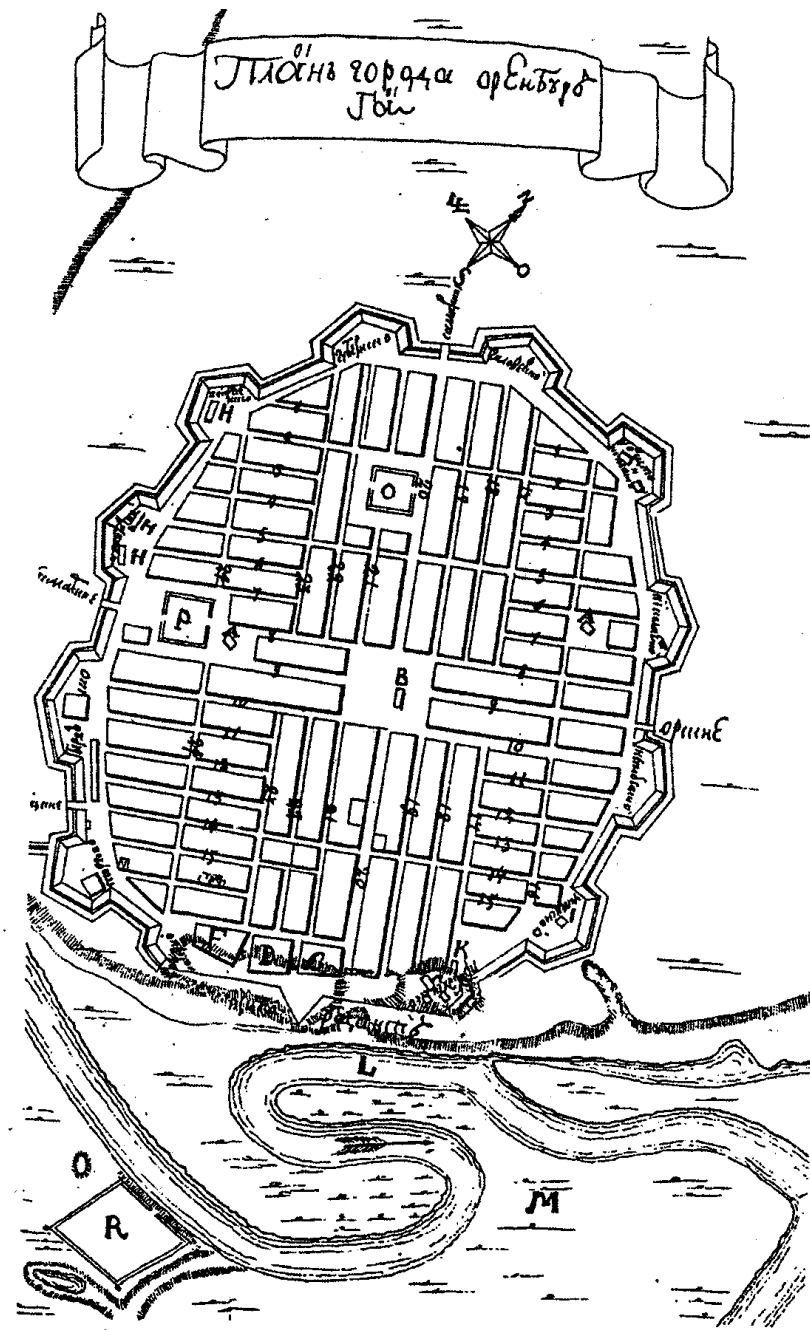
Екатерина II в 1794 году.

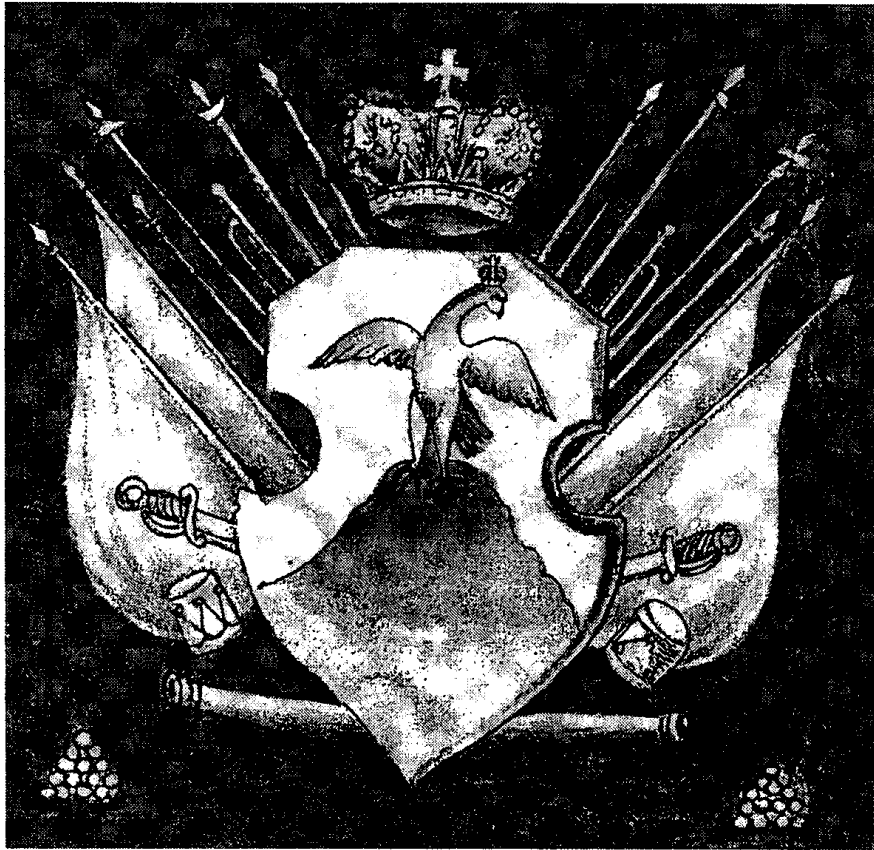
Китайский город Яркенд.

Перекочевка.

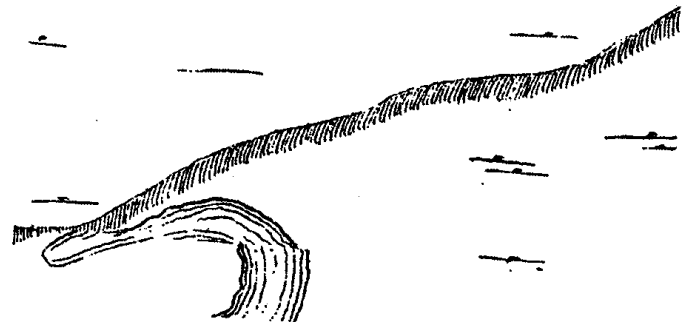
План города Оренбурга.

Герб города Оренбурга.

ПОКАЗАНИЕ ЛИСТОВЪ
 Азбучная книга поименованных городов
 Восточная часть
 Самары Генералитетской
 Давид Генералитетской
 Еманципация сибирской
 Ермаковъ твердинныхъ деловъ
 Ефимовъ
 Неправославные малайские
 Иероколовъ твердин
 Кавказская малайская
 Липка являя поименованных городов
 Митрофановъ митрофановъ
 Неправославные
 Остроумовъ дворъ
 Рязанский дворъ
 Остроумовъ для рязанскихъ делъ
 Кавказская малайская сибирская
 восточныхъ народовъ
 Саратовская деловъ дворъ
 Показание Указание
 1 Оренбургская 14 Оренбургская
 2 Оренбургская 15 Оренбургская
 3 Оренбургская 16 Оренбургская
 4 Оренбургская 17 Оренбургская
 5 Оренбургская 18 Оренбургская
 6 Оренбургская 19 Оренбургская
 7 Оренбургская 20 Оренбургская
 8 Оренбургская 21 Оренбургская
 9 Оренбургская 22 Оренбургская
 10 Оренбургская 23 Оренбургская
 11 Оренбургская 24 Оренбургская
 12 Оренбургская 25 Оренбургская
 13 Оренбургская 26 Оренбургская

Указатель к плану г. Оренбурга.

Николай Иванович
Неплюевъ.

Иванъ Николаевичъ
Неплюевъ.

Дмитрій Николаевичъ
Неплюевъ.

Портрет Н.И. Неплюева и его потомков.

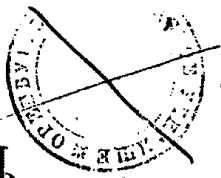

В.Н. Витевскій.

~~1891~~
~~1891~~

В 54

+ 009

И. И. НЕПЛЮЕВЪ,

ВѢРНЫЙ СЛУГА СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА,
ОСНОВАТЕЛЬ ОРЕНБУРГА

И
УСТРОИТЕЛЬ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ.

БИОГРАФИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ,

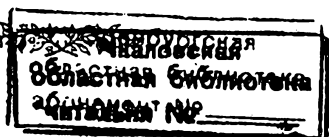
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА НЕПЛЮЕВА И РОДОСЛОВНОЙ ЕГО ПОТОМКОВЪ ПО ПРЯМОЙ ЛИНИИ.

На 300 л. юбилею существованія Уральскаго казачьяго войска.

СОСТАВИЛЪ

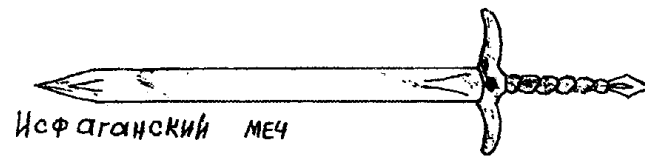
В. Н. ВИТЕВСКІЙ.

Для ученическихъ, библиотекъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній, частныхъ правленій, казачьихъ и народныхъ школъ Оренбургскаго, Туркестанскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.
1891.

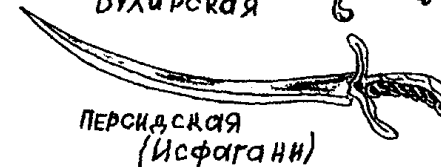

Исфганский меч

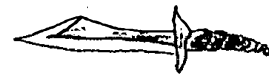

Бухарская

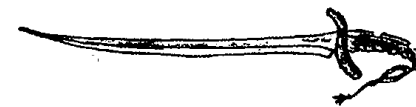
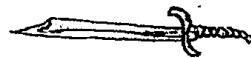
Саван

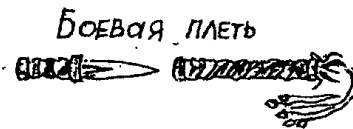
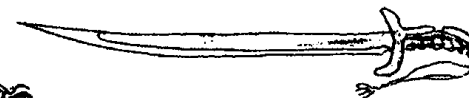
Персидская
(Исфгани)

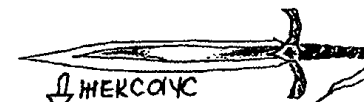
Кинжалы

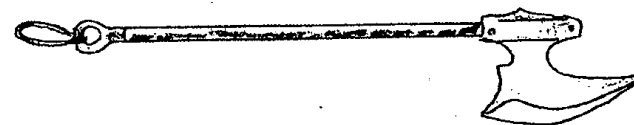
Севебе

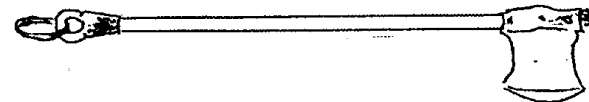
Боевая перчатка

Джексаус

Балта

Боевое оружие казахов.

كوپچاك ساندى كورانكىدى
 تاييغە جراتقان،
 قرق سان قرا قلماقتى
 جارلفينه قراتقان.
 ايالتاسون التون منان بولاتقان.
 الافاسون ارتتوروب
 ارپالاب اتتى قووناتقان.
 لاپاچى دىكان بر ايلنى
 اتتى منان اولاتقان،
 ايرانچى منان سراندى
 توزغوندا توب چوولاتقان.
 برستاسون جورت اوستونان دوولاتقان.
 اينكساسى بيوك بوز اوردا
 سلنانت غە اورناتقان.
 بولاتدان چىكا سوقتوروب
 چنكاراغون تورلاتقان.
 اوشبو يردان بك [دارون]
 جاسيل كول كا مصلحت [كا] كىلتوروب

 مس تاباق غە تولتورغان.
 قازغونى قلايى دان قاقتوروب
 توقباغن سوم التون نان سوقتوروب
 نقرا كموش چاپتوروب،
 بولغارى سبا پىچوروب
 چنى اياق مان ايپتوركان.
 اورندوغن اويمشداپ
 او او نقش سالدورغان.
 ساندوغين سارالتونغه مالدورغان.

Плач-причитание по умершему Абылаю.

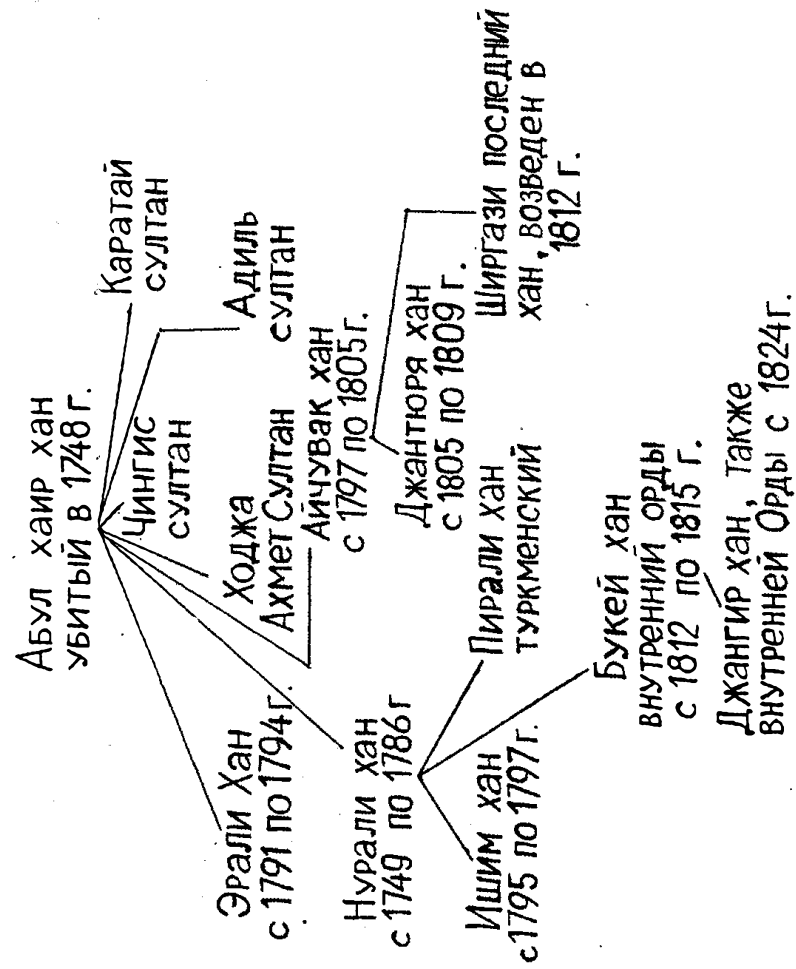
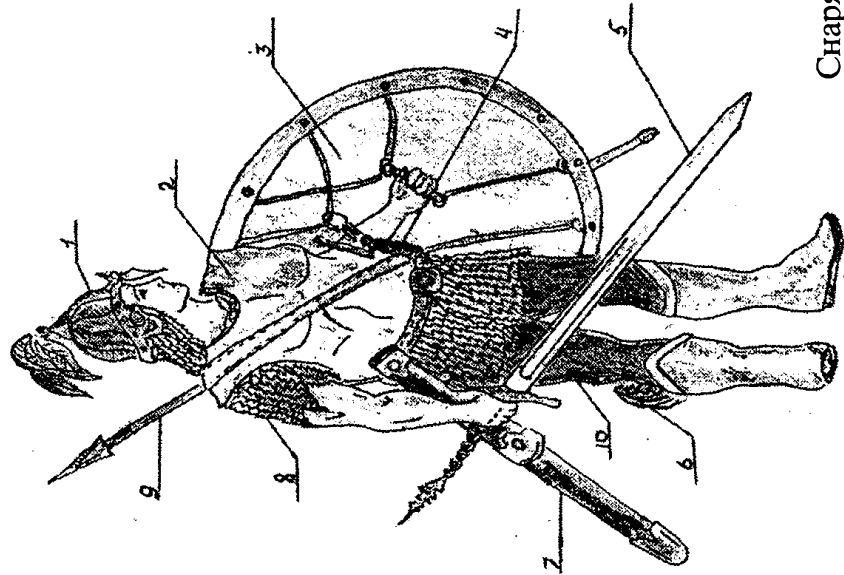

Схема клана потомков Абулхаира.

1 Шлем булатная сталь с перьями филина или грифа.
2 Стальной панцирь. Делались только у ханов и шиховитов.

3 Щит (диаметром до 1 метра).

4 Кинжал (был у каждого казака).

5 Исфоганский меч.

6 Пальцы. Двадцать или со стальными гризлами.

7 Ножи.

8 Копчуга.

9 Небольшая лиха.

10 Обтянутые кожей штыки.

Снаряжение воина.

Екатерина II, Павел I и Александр I с медальонъ.
Съ рѣдкой гравюры Болдина.

Екатерина II, Павел I, Александр II.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Начало присоединения Казахстана к России	5
“К тому их склонить”	14
“О приходе киргиз-кайсаков иметь крепкую предосторожность	28
Последние годы жизни Абулхаир хана	36
Титулованный убийца (очерк о жизни и трагедии Барак султана)	65
“Ему салтану быть над всеми ханами главным” (Абылай – казахский хан)	102
“Бежавшие из России колодники”	126
Смерть и бессмертие Абылай хана	130
Нурмухамед Али Бахадур хан (Нуралы) на Хивинском престоле	140
Хан Нуралы и батыр Сырым	158
Ермухамед Али хан (Ералы – видный дипломат, государственный деятель)	168
Есим хан, 1794-1797 гг	193
Заключение	203
Библиография	212
Приложения	235

Научное издание

Касымбаев Жанузак Касымбаевич

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ КАЗАХСКИХ ХАНСТВ (XVIII в.)

Том 1

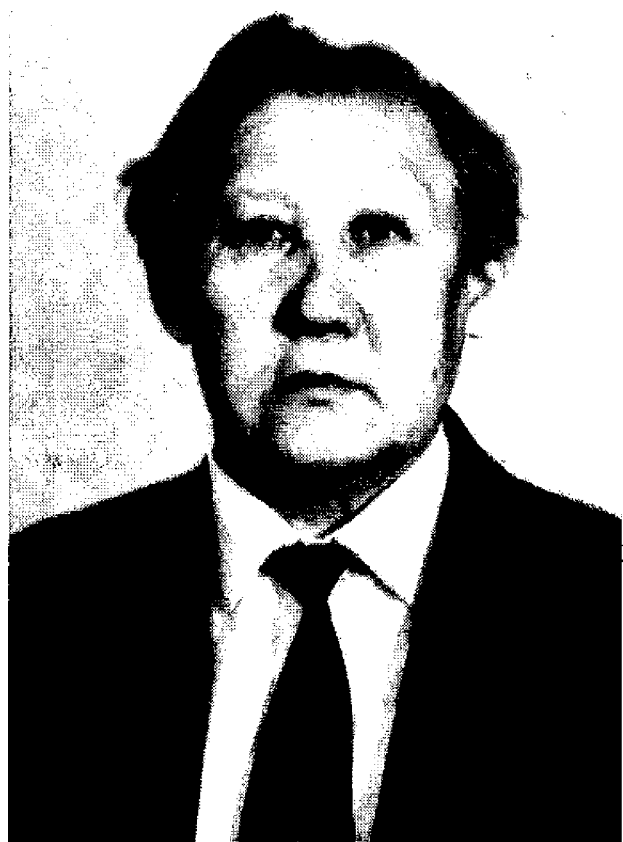
Редактор **Э.Н.Дельцова**
Худ.редактор **А.И.Вашенко**
Техн.редактор **Г.Н.Султанова**
Компьютерная верстка **Г.К.Сарсенбаева**

ИБ № 276

Подписано в печать 30.12.98. Формат 84x108¹/32. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 13,44. Усл.кр. 13,94. Уч-изд.л. 16,1. Тираж 2000. Заказ № 238.
Цена договорная.

Издательство “Білім” Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан,
480124, г.Алматы, пр.Абая, 143.

Республиканское Акмолинское производственное объединение “Полиграфия”
Министерства информации и общественного согласия Республики Казахстан,
473000 г.Астана, ул. Бейбитшилик, 25.

Ж.К. Касымбаев — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник народного образования, дважды удостоен значками отличника просвещения и Почетной грамотой. Заведует кафедрой АН РК истории Казахстана гуманитарных факультетов АГУ им. Абая. Имеет около 400 публикаций. Его труды рекомендованы для изучения студентам Нью-йоркского университета. Принимал участие в работе международных семинаров, конференций в Каире, Пекине, Стамбуле, Анкаре, Москве и др. Подготовил 30 кандидатов и два доктора наук. Введен в справочник форума исследователей истории Центральной Азии при Гарвардском университете.